

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения
Российской академии наук

На правах рукописи

РАЗМАХНИНА Юлия Сергеевна

**ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

25.00.24 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная
география

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
Безруков Леонид Алексеевич
доктор географических наук

Иркутск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЭТНИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ И ИЕРАРХИЯ НАЦИОНАЛЬНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.....	12
1.1. Теоретические и прикладные основы исследований этничности и этнических процессов в общественной географии и смежных науках.....	13
1.2. Определение основных подходов, понятий и методов	22
1.3. Основные особенности и проблемы разностатусных национально-территориальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий	30
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ.....	64
2.1. Историко-географические особенности формирования этнического состава населения, образования национально-территориальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий.....	65
2.2 Этнический состав населения (по переписи 2010 г.).....	75
2.3 Основные тенденции и типы этнического состава населения на постсоветском этапе.....	83
ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧНОСТИ НА ПОЛИТИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.....	113
3.1 Влияние этничности на электоральные процессы.....	113
3.2 Влияние этничности на элитогенез.....	134
3.3 Проблема образования на родном языке.....	144
3.4 Факторы сохранения национальной идентичности, формирования сибирской и общероссийской идентичности	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	174
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	190

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	193
ПРИЛОЖЕНИЕ В.....	195
ПРИЛОЖЕНИЕ Г.....	196
ПРИЛОЖЕНИЕ Д.....	198
ПРИЛОЖЕНИЕ Е.....	199

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном мире этничность все с большей силой влияет на территориальное распределение и динамику политических и сопутствующих процессов, прежде всего на ход и итоги избирательных компаний, формирование местных и региональных элит, особенности местной и региональной политики, рост национализма и сепаратизма, резкое изменение национального и расового состава населения ряда стран в результате массовых миграций, возникновение межэтнических конфликтов вплоть до распада имеющихся и появления новых непризнанных государств. Уникальная этническая гетерогенность России, с одной стороны, выступает основой совместного освоения ее народами огромных территорий и преодоления тяжелых исторических испытаний, а с другой стороны, может быть причиной обострения межнациональных отношений, усиления меж- и внутрирегиональных социально-экономических диспропорций, действия центробежных сил и этнократических тенденций. Еще одной отличительной чертой является сочетание давней «укорененности» большинства российских народов на своих территориях и одновременно «распыленности» (диффузии) многих народов на просторах страны.

В качестве района исследования избрана Восточная Сибирь – полиэтничный макрорегион России, рассматриваемый в составе республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской области. Уникальная особенность макрорегиона заключается в том, что подавляющую часть его территории – почти 3/4 – занимают названные республики и муниципальные районы бывших автономных округов, сложившиеся на основе этнического принципа. На постсоветском этапе для Восточной Сибири характерны активные этнические и связанные с ними политико-географические процессы, что требует научного осмысления данной проблематики, выявления последних постсоветских тенденций и разработки взвешенной национальной политики.

Степень разработанности темы исследования. В настоящее время отсутствуют научные работы, комплексно отражающие три компонента, представленные в данном исследовании – обзор основных понятий и вопросов этнической проблематики с точки зрения общественной географии, в том числе особенности разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий Восточной Сибири; анализ динамики и тенденций развития ее этнического пространства, включая уровень муниципальных районов; влияние этничности на итоги выборов в рассматриваемом макрорегионе. Исследования в области этнической географии немногочисленны. Среди них выделяются обобщающие труды советских ученых Ю.Н. Бромля, С.И. Брука, В.В. Воробьева, В.И. Козлова, В.В. Покшишевского, российских специалистов Т.И. Герасименко и Б.Б. Родомана, М.В. Рагулиной, С.Н. Стрелецкого и др. Исследования в области трансформации этнического пространства, отражающие картину распределения этнических групп на уровне страны и ее регионов, осуществлены В.С. Белозеровым, Д.Д. Богоявленским, А.Г. Манаковым, С.Г. Сафроновым. Связь между этничностью и политическими предпочтениями находит теоретическое обоснование у Е.В. Беловой, Н.В. Гришина, Р.Ф. Туровского, доказана с помощью корреляционного анализа на примере Республики Бурятия Е.С. Данзановым, о ней кратко упоминается М.Н. Арбатской и А.А. Черневым. Однако данные исследования не отражают влияние этнического фактора на явку избирателей и требуют обновления для периода 2010–2020 гг.

Объект исследования – этнический фактор (этничность и этнический состав населения) политико-географических процессов в Восточной Сибири.

Предмет исследования – пространственная трансформация этнического состава населения Восточной Сибири и его влияние на политико-географические процессы постсоветского этапа на различных территориальных уровнях.

Цель работы состоит в оценке степени влияния этнического фактора на политико-географические процессы в Восточной Сибири. Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих **задач**:

1) Проанализировать теоретические подходы к исследованию этничности и этнических процессов с позиции этнической географии и смежных наук, уделив особое внимание вопросу иерархии национально-территориальных единиц.

2) Установить основные тенденции постсоветской трансформации этнического состава населения Восточной Сибири на трех территориальных уровнях – макрорегиона в целом, регионов (субъектов РФ), муниципальных образований.

3) Определить степень влияния национального состава (доли коренного населения) на электоральные процессы (явку и политические предпочтения), этнократические тенденции и элитогенез.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Работа опирается на идейное наследие советских ученых в области географии и смежных наук – Ю.Н. Бромляя, В.В. Воробьева, Л.Н. Гумилева, В.И. Козлова, В.В. Покшишевского, Б.М. Эккеля. Из российских географов, с помощью разработок которых был сформулирован теоретический блок исследования, следует отметить Б.Б. Родомана, В.С. Белозерова, Т.И. Герасименко, А.Г. Дружинина, А.Г. Манаква, М.В. Рагулину, С.Г. Сафронова, В.Н. Стрелецкого, Д.В. Житина, С.Я. Сущего и др. Большое фактологическое значение имели труды по этнической проблематике Д.Д. Богоявленского и В.А. Тишкова, а также работы В.М. Булаева, Д.Д. Мангатаевой, А.А. Сириной, В.Ф. Задорожного, А.Т. Напрасникова, В.В. Куклиной, Ж.Ф. Дегтевой, Л.С. Цыдыповой, посвященные традиционному природопользованию коренных народов и культурно-географическому анализу локальных сообществ Восточной Сибири. Используются также исследования роли этнического фактора в электоральных процессах Р.Ф. Туровского, М.Н. Арбатской, Е.С. Данзанова и А.А. Черенева; влияния этничности на элитогенез Республики

Саха М.Ю. Присяжного; зависимости политических предпочтений от этничности Е.В. Беловой и Н.В. Гришина. Широкий круг затрагиваемых в работе междисциплинарных вопросов (от проблемы разностатусности восточносибирских субъектов РФ до аспектов сохранения языкового наследия и формирования национальных идентичностей) раскрыт в трудах Ю.В. Попкова, А.Н. Буфетовой, Г.Ф. Балакиной, Д.Д. Амоголоновой, И.Э. Елаевой, Т.Д. Скрынниковой, А.Л. Арефьева, Ю.Н. Пинигиной, Д.А. Функа, Н.И. Новиковой, З.В. Анайбан, И.С. Тарбастаевой и др.

Методы исследования. В ходе исследования использовались как основные методы общественной географии – сравнительно-географический, статистический, картографический, типологический, исторический, полевых исследований и наблюдений, так и специальные методы корреляционного анализа математической статистики и вычисления индекса этнической мозаичности, а также опроса населения.

Информационная база исследования. Основными источниками информации об этническом составе населения Восточной Сибири и его постсоветских сдвигах служили архивные материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г. и открытые данные Всероссийской переписи населения 2010 г. Для определения степени влияния этничности на результаты избирательных кампаний использованы статистические данные избирательных комиссий регионов Восточной Сибири за 2010–2020 гг. При установлении влияния этничности на элитогенез применялась информация, полученная путем запроса в соответствующие бюджетные учреждения (администрации, поликлиники, МВД), а также содержащаяся в различных справочных и литературных источниках. В работе представлены авторские материалы полевых исследований и разработанные автором картосхемы.

Научная новизна:

- Представлен авторский подход к изучению этничности и этнических процессов с комплексных позиций, заключающийся, во-первых, в использовании теоретико-методологического и прикладного багажа

общественной географии с привлечением потенциала смежных гуманитарных наук; во-вторых, в определении этнического состава населения и его трансформации на детальном (муниципальном) территориальном уровне; в-третьих, в проведении анализа на основе системы строгих количественных оценок, в том числе с применением специальных математических методов.

- Систематизирована сложившаяся в Восточной Сибири иерархия национально-территориальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий, раскрыта их разноранговость, определяющая различия в полномочиях, функциях, степени влияния на политико-географические процессы.

- Выявлены постсоветские тенденции трансформации этнического состава населения Восточной Сибири и впервые осуществлено районирование этнического пространства макрорегиона на детальном территориальном уровне муниципальных образований.

- На строгой количественной основе (преимущественно с помощью корреляционного анализа) установлена степень влияния этнического состава населения на электоральные процессы и элитогенез регионов и муниципальных образований Восточной Сибири.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы при разработке государственных – федеральных и региональных – программ и стратегий национальной политики, а также при проведении избирательных кампаний как лицами, отвечающими за их проведение (политтехнологами и др.), так и самими кандидатами. Применение материалов исследования возможно в учебном процессе при подготовке лекционных курсов для дисциплин, связанных с изучением вопросов региональной и национальной политики.

Достоверность результатов исследования подтверждается детальной проработкой литературы и источников по указанной теме, объемным анализом данных, содержащихся как в открытом доступе (материалы Всероссийской переписи 2010 г. и избирательных комиссий

восточносибирских субъектов РФ с 2010 по 2020 г.), так и не размещенных в сети Интернет (Всесоюзная перепись населения 1989 г.), использованием объективных количественных методов при анализе разнообразной географической и общественно-политической информации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В Восточной Сибири представлена сложная иерархия национально-территориальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий, имеющих принципиально разный статус, что отражается в различиях их полномочий, функций, степени влияния на политико-географические процессы.

2. Главная тенденция постсоветской трансформации территориальной структуры этнического пространства Восточной Сибири – усиление поляризации ее регионов и муниципальных образований на «русские» («русское мегаядро») и «этнические» («полиэтническая периферия»), что проявляется в увеличении количества муниципальных образований как с очень высокой, так и низкой долей русских (и соответственно с повышенной долей коренных народов), выражаясь в различиях демографического и миграционного поведения, электоральных процессов и элитогенеза, этнокультурной специфике (языка, культуры, традиций).

3. Этнический состав населения Восточной Сибири – один из важнейших политико-географических факторов, влияющих на электоральные процессы федерального, регионального и муниципального уровней: независимо от социально-экономического состояния территорий с повышением доли коренных этносов возрастает активность избирателей (явка) и их лояльность к существующей власти (правлящей партии и действующим лидерам).

Апробация работы. Основные положения и результаты работы докладывались и обсуждались на 11 конференциях: Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность» (Иркутск, 2018), “The world

we live in” – ежегодная конференция аспирантов в ИНЦ СО РАН (Иркутск, 2018), Международной конференции в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) «Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии» (Барнаул, 2018), II Всероссийской научной конференции Вторые Багровские чтения «Географические исследования в решении проблем регионального развития» (Симферополь, 2018), Всероссийской конференции «Этноконфессиональный ландшафт на Востоке и Западе: взгляд из Сибири» (Иркутск, 2019), Международной конференции в рамках X Ежегодной научной ассамблеи «Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования» (Казань, 2019), Международной географической конференции «Географические исследования Сибири и сопредельных территорий» (Иркутск, 2019), I Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции «Региональные проблемы развития Дальнего Востока и Арктики» (Петропавловск-Камчатский, 2019), Международной конференции «Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность» (Санкт-Петербург, 2021), Всероссийской научно-практической конференции «Регион в стране и в мире – тенденции и динамика политического развития» (Иркутск, 2021), XX юбилейной конференции (с международным участием) молодых географов Сибири и Дальнего Востока с элементами научной школы «Сибирь и Дальний Восток России в формирующемся пространстве Большой Евразии» (Иркутск, 2021).

Публикации. Основное содержание исследований изложено в 10 научных публикациях, все из которых по теме диссертации, из них 3 опубликованы в рецензируемых журналах из перечня ВАК.

Структура диссертации и логика работы подчинены решению поставленных задач. Диссертация (объемом 202 страницы) состоит из введения, 3 глав, заключения, 6 приложений; содержит 27 рисунков, 9 таблиц,

1 формулу; список литературы включает 153 наименования, в том числе 5 – на иностранных языках. Все рисунки и таблицы составлены автором.

ГЛАВА 1. ЭТНИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ И ИЕРАРХИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В главе I представлен разбор основных географических и других близких по тематике работ, связанных с этнической проблематикой. Изложены подходы к определению концепта «этнос». Наиболее близкое отношение к теме диссертации имеют работы, в которых рассматриваются структура этнического пространства (русское мегадро, этноконттактные переходные зоны – внешние и внутренние по С.Г. Сафронову), этнорасселенческие тенденции России, методологические проблемы и недостатки учета этносов с помощью переписи. Решается задача № 1: осветить теоретические подходы к исследованию этничности и этнических процессов в отечественной традиции гуманитарных наук, прежде всего с позиции этнической географии, и сформулировать суть авторского подхода.

Раскрыты основные особенности и проблемы разностатусных национально-территориальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий Восточной Сибири. Систематизирована сложившаяся иерархия данных национально-территориальных единиц.

Авторский подход основывается на возможностях междисциплинарных наук – этнической и электоральной географии, этнодемографии, социологии, этнополитологии, лингвистики; анализе этнического состава населения Восточной Сибири и его трансформации на максимально дробном территориальном (муниципальном) уровне с опорой на количественные методы исследования.

1.1. Теоретические и прикладные основы исследований этничности и этнических процессов в общественной географии и смежных науках

В структуре географических наук работы, посвященные категории этничности, тяготеют к области исследования этнической географии (этногеографии). Главным предметом изучения этой науки служат особенности территориального расселения этносов. С.И. Бруком, В.И. Козловым и М.Г. Левиным этногеография была определена как наука, изучающая географическое размещение этнических общностей, особенности их расселения и территориальных взаимоотношений в тесной зависимости от социально-экономических, природных и других факторов; при этом учитываются характер расселения (например, оседлый или кочевой), степень освоения территории, плотность населения и т. д. [Брук, Козлов, Левин, 1963]. На данный момент труды в области этнической географии относительно немногочисленны, отсутствует базовое определение понятия «этнос», а сама этногеография все еще находится в стадии расширения своей тематики. Следует отметить, что в рамках широкого спектра изучения этносов и этнических процессов выделяются более узкие направления исследований, например, этнодемография, этнолингвистика, этнополитология и др.

Становление отечественной этнической географии было положено советскими учеными, в частности С.И. Бруком [1978], В.В. Покшишевским [1971], В.И. Козловым [1971, 1973], Ю.В. Бромлеем [1973], Л.Н. Гумилевым [1970] и др. Необходимо отметить, что исследование этносов и этнических процессов проходило в тесной связи с этнографией (этнология на Западе), которая в отличие от этногеографии, рассматривает не только пространственное распределение этнических групп, но также особенности быта, культуры, поведения различных народов и прочие аспекты. Взаимосвязь двух дополняющих друг друга отраслей знания в совокупности с отсутствием единого определения понятия «этнос» привели к созданию трех направлений

к пониманию концепта «этничности», что будет подробно изложено в пункте 1.2.

Советские отечественные исследователи в своих трудах уделяли достаточно внимания проблеме влияния ландшафта на этнические процессы. Например, В.И. Козлов и В.В. Покшишевский [1973] полагают, что природные условия накладывают свой отпечаток на материальную культуру и быт народов (орудия труда, трудовые навыки и хозяйственную деятельность), однако не определяют их развитие или упадок.

Противоположной точки зрения по данному вопросу придерживается Л.Н. Гумилев [1970]. По его мнению, этносы, которые не могут приспособиться к имеющимся природным условиям, должны сменить место проживания на территорию с более благоприятным климатом или вымереть. Это положение, по мнению исследователя, равным образом относится и к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность.

В продолжение данной темы некоторыми исследователями высказывается мнение, что общность территории проявляется в том случае, когда народ или нация проживают на сплошной территории, неизрезанной естественными рубежами, препятствующими повседневному общению. С точки зрения В.И. Козлова [1971], критикующего это предположение, не до конца раскрыт смысл «повседневного общения». Например, данное явление можно представить между жителями одной деревни, однако в целом для страны при протяженных расстояниях это затруднительно [Козлов, 1971].

В теоретическом плане изучения этносов особенно ценными представляются работы Т.И. Герасименко [2012, 2015, 2018]. Исследователь выражает солидарность с точкой зрения Л.Н. Гумилева [1970] о влиянии ландшафта на этнические группы. Ландшафт и сопутствующие ему природные условия влияют на архитектурно-планировочные традиции, предметы быта, менталитет и ряд других национальных особенностей [Герасименко, 2012]. Ландшафт в судьбе этноса сохраняет свое значение даже

тогда, когда этнические группы переселяются в другую местность, поскольку старые привычки достаточно долго укореняются в сознании индивидов.

В некоторых случаях ареалы проживания этносов являются трансграничными регионами (ТГР). По мнению Т.И. Герасименко, главная проблема данного феномена заключается в достаточно быстром его возникновении, что связано с распадом СССР и установлении новых государственных границ. Разделенными оказались этносы, границы прошли между населенными пунктами, имевшими традиционные связи, превратив родственников, друзей, соседей в «зарубежных партнеров» [Герасименко, Лапаева, 2012]. Классифицируя трансграничные регионы по этническому составу, исследователь выделяет монокультурные ТГР (осетинский или лезгинский), политкультурные ТГР (российско-казахстанские), этнически контрастные ТГР (Дальний Восток) [10].

Этнокультурный регион (ЭКР) имеет свою структуру, где отчетливо выделяется ядро и этноконтактная зона (ЭКЗ). ЭКЗ обязательно присутствует в том случае, если этнокультурный регион является полиэтническим или, как минимум, имеет место контакт двух этнических групп. На данный момент в научном сообществе не сформировано единого определения ЭКЗ. Т.И. Герасименко и Б.Б. Родоман [2018] определяют данный элемент системы как этнокультурный регион, сформировавшийся при пересечении двух и более этнических ареалов, добавляя при этом, что ЭКЗ является участками этнокультурного пространства, где происходит постоянное межэтническое взаимодействие.

Следует отметить, что помимо вышеуказанного определения этноконтактной зоны Т.И. Герасименко [2018], существует ряд других возможных дефиниций этого понятия. Например, А.Г. Дружинин и С.Я. Суций [1993] рассматривают ЭКЗ как структурный элемент геоэтнокультурной системы (ГЭКС). По их мнению, в данную систему включается не только исторически сложившаяся общность людей, объединенных особенностями культуры, психики, сознанием своего единства,

но и территориальная (географическая) целостность, локализованная в пределах определенного ареала, формируемая взаимодействием этнических общностей, антропогенизированных природных комплексов (ландшафтов) и территориальных общественных систем [Дружин, Суций, 1993].

Этноконтактные зоны отличаются многообразием своих признаков, что находит отражение в их различных классификациях. По мнению Т.И. Герасименко и Б.Б. Родомана [Герасименко, Родоман, 2018], в первую очередь следует обратить внимание на состав ЭКЗ: являются ли они двуэтничными или полиэтничными. Далее ЭКЗ следует классифицировать по характеру взаимодействия этносов. В данном случае выделяются ЭКЗ-симбиозы, когда этносы черпают пользу при контакте с друг другом; ксении (нейтральное взаимодействие); химеры, которые имеют место в случае порабощения одним народом другого; ЭКЗ смешанного типа. Основоположником классификации по характеру взаимодействия является Л.Н. Гумилев [1970], который ввел в научный оборот вышеуказанные термины. На наш взгляд, в пределах обширного макрорегиона Восточной Сибири имеет место ЭКЗ смешанного типа при характеристике взаимодействия русских и коренных народов, а именно слияние ЭКЗ-симбиоза и ксении.

Помимо вышеуказанных классификаций ЭКЗ, возможно еще дифференциация этноконтактных зон по уровню иерархии – цивилизационные (макроуровень), региональные (мезоуровень), локальные (микроуровень); по географическому признаку – столичные (Москва, Санкт-Петербург) и провинциальные и др.; урбанизированные и сельские; по историческому принципу – сформировавшиеся до становления СССР, советские и постсоветские, формирование последних может быть еще не завершено [Герасименко, Родоман, 2018] и т. д.

Как и для любой системы, этносу свойственны особая структура и изменения элементов системы, что выражается в тенденциях того или иного этнического пространства. С.Г. Сафронов [2015] выделяет три ключевых элемента при анализе территориальных сдвигов в составе этнического

пространства России. Главным компонентом является «русское мегаядро», контуры которого соответствуют границам сплошного территориального массива «русских» областей и краев [Сафронов, 2015]. К другим элементам этнического пространства относятся национальные регионы и переходные этноконтактные зоны.

Среди переходных контактных зон могут выделяться как «внешние» – традиционные пояса на периферии русского мегаядра, так и «внутренние» – крупные города с мозаичным составом населения [Сафронов, 2015]. Последние представляют интерес своими сопутствующими явлениями, а именно конкуренцией этносов на рынке труда, ареалами сегрегированного расселения по этническому признаку и т. д. При этом отсутствует однозначный ответ, что представляют собой этнические диаспоры в крупных городах – группы людей, объединенные объективно существующими целями и потребностями или искусственно мобилизуемые элитами группы [Сафронов, 2015].

Одной из тенденций, коснувшихся главного компонента этнического пространства – русского мегаядра, является снижение общей доли по стране русского населения, которое произошло отчасти из-за роста количества граждан, неопределившихся со своей национальностью. Такой всплеск объясняется техническими проблемами проведения переписи, а именно, заполнением части переписных листов по административным данным, в которых сведения об этничности отсутствуют, а также тем, что в современном паспорте гражданина РФ отсутствует графа о национальности.

Кроме того, на осознанную принадлежность к той или иной этнической группе, способна оказывать влияние среда, в которой проживает индивид. С.Г. Сафронов [2015] отмечает, что минимум неопределившихся там, где сильны позиции традиционной культуры, в которой этническая идентичность – средство политической мобилизации населения, нацеленное на увеличение доли титульного этноса. Примером в данном случае могут служить республики Северного Кавказа, в Восточной Сибири в этом отношении

выделяется Республика Тыва. Помимо этого, в основном мало неопределившихся присутствует в пределах этноконтактных зон, где этничность также выступает инструментом отстаивания своих социально-экономических интересов и культурного наследия.

Другой немаловажной тенденцией служит постсоветская коренизация, которая выражается в увеличении доли титульных этносов в населении. По мнению С.Г. Сафронова [2015], национальные субъекты, где проявляется природа этого явления, корректно разделить на три группы.

В первую группу входят республики Северного Кавказа, Калмыкия и Тыва, в которых убыль русского населения является достаточно длительной и устоявшейся тенденцией. Это объясняется различными темпами прироста тех или иных этнических групп, что позднее приводит к оттоку русского населения, в разной форме выдавливающегося из данных республик [Сафронов, 2015].

Ко второй группе относятся национальные субъекты Севера Европейской части и Урало-Поволжья. В данном случае, напротив, наблюдается убыль коренных этносов в совокупности с ассимиляционными процессами, что приводит к незначительному увеличению доли русских в национальном составе.

В третью группу входят ресурсные или слабо экономически развитые регионы азиатской части страны, например, Республика Алтай. По мнению С.Г. Сафронова [2015], рост доли коренных этносов связан в большей степени с оттоком русского населения по экономическим причинам – усилением конкуренции за престижные рабочие места, падением уровня жизни и др.

Важнейшим этногеографическим источником, с помощью данных которого можно сформировать картину пространственного распределения этнических групп и выявить ключевые этнорасселенческие тенденции, безусловно являются переписи населения. Последняя Всероссийская перепись населения была проведена в 2010 г., в то время как проведение новой кампании планируется в октябре 2021 г. Несмотря на неоспоримую

информативность переписи как источника данных, она не лишена своих недостатков и упущений.

В первую очередь к таким изъянам Д.Д. Богоявленский [2001] относит неполный учет демографических событий. В целом по стране он носит незначительный характер, однако при характеристике отдельных народов эта погрешность имеет критический характер. Традиционно велик недоучет среди исламских народов, например, у чеченцев в 1960-е гг. недоучитывалось до трети естественного прироста населения [Богоявленский, 2001]. Эта проблема также свойственна и для сельской местности, несмотря на относительно малый охват территории для лиц, осуществляющих проведение переписи. По нашим наблюдениям, исходя из данных переписи 2010 г., информация о численности тех или иных этнических групп может не указываться по причинам, носящим конфиденциальный характер. Помимо этого, имеют место проблемы, связанные с миграцией, а именно сложность учета прибывших, многие из которых оседают в стране пребывания в качестве нелегальных мигрантов. Кроме того, среди современных проблем переписи населения на текущий момент, сохраняется проблема идентичности респондента, уже упомянутая выше.

К сожалению, имеют место ошибки, связанные с первичным получением информации и последующей обработкой данных. Почти совместно отмечались случаи заполнения переписных листов на основе материалов, имеющихся в органах власти, без личного общения с людьми [Богоявленский, 2001]. Д.Д. Богоявленский [2001, с. 89] также подчеркивает, что «поскольку демография отдельных народов не считалась особенно важной, соответствующие данные почти не публиковались и не анализировались государственной статистикой, материалы отдельных территорий шли в итог без должного контроля, а общая сумма зачастую скрадывала необъяснимые скачки по регионам».

А.Г. Манаков – специалист в области исторической географии – в своей методологии обращается к индексу этнической мозаичности, сравнивая

изменения по данному показателю в регионах европейской части России с опорой на данные переписей 1897, 1959 и 2010 гг. Характеризуя тенденции конца XIX – середины XX вв., исследователь подчеркнул следующее: русское население постепенно продвигалось за пределы «русского мегаядра», заселяя территории с другим этническим составом, что привело к ассимиляции нерусских этносов [Манаков, 2019]. В свою очередь, это способствовало расширению «русского мегаядра» до современных границ России на западе и юге. При этом нерусское население устремлялось в столицу и ближайшие к ней регионы центральной части страны. Приток других национальностей частично компенсировал демографические потери русского населения, ставшие следствием Великой Отечественной войны и миграционного движения за пределы «русского мегаядра» [Манаков, 2019].

Во второй половине XX – начале XXI вв. титульная нация практически приостановила движение за пределы «русского мегаядра», ассимиляция нерусского населения на южной окраине государства также уменьшилась. Но в то же время ускорила ассимиляция финно-угорского населения на севере европейской части страны. Наблюдается увеличение притока выходцев (преимущественно из Средней Азии) в «русское мегаядро», процесс их ассимиляции замедлился, за исключением столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга. Наконец, следует отметить общую тенденцию не только для европейской части, но и других регионов России – нарастание моноэтничности значительной части национальных автономий, которая ускорила в постсоветский период (в том числе за счет стягивания в «свои» республики) [Манаков, 2019].

Вышеуказанные тенденции подтверждаются прикладными исследованиями в области изучения динамики этнических групп. Например, В.С. Белозеров [2000] на примере Северного Кавказа отмечает, что этап славянизации республик пришелся на 1920–1950-е гг. Последующие десятилетия, а именно 1960–1980-е гг., отмечены миграцией титульных народов за пределы этнических ареалов, русское население приостановило

свою территориальную экспансию, увеличился приток некоторых народов (армяне) и отток других этносов (немцы и т.д.).

Вопросу формирования населения Восточной Сибири, где значительное место отводится коренным этносам, посвящена монография В.В. Воробьева [1975]. Главными линиями исследования В.В. Воробьева [1975] являются: рассмотрение взаимоотношений аборигенного и пришлого населения (и в связи с этим судеб коренных сибирских народов); анализ соотношения на разных этапах в общем увеличении населения миграционного притока, с одной стороны, и естественного прироста – с другой; выявление региональных особенностей процессов формирования населения. Значительное место в труде исследователя уделяется вопросу о «вымирании» коренных народов в дореволюционной России. В.В. Воробьев [1975] подчеркивает, что сокращение численности имело для этносов, проживающих в лесотундре и тундре, где частым явлением были голодовки, что характерно, например, для юкагиров. В то же время наиболее устойчиво сохранялась численность бурятов и якутов, перенявших у русских более передовые по тем временам приемы ведения хозяйства.

Особенности жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в русле культурной географии исследуются М.В. Рагулиной [2004, 2008, 2009]. В рамках культурной географии значительное место уделяется вопросам взаимодействия ландшафта и человека. Ареалы проживания КМНС исследователь обозначает как этногеографические регионы (ЭГР), которые характеризуются пространственной изменчивостью природно-ресурсной основы, различной совокупностью почвенно-климатических, геоморфологических условий и растительных сообществ [Рагулина, 2009]. Все эти условия непосредственно влияют на охотничью-промысловую фауну, кормовую базу оленеводства и скотоводства, пригодность территории к земледельческому освоению. На примере ареалов обитания эвенков в Иркутской области М.В. Рагулина [2009] выделяет следующие ЭГР: Нижнетунгусский, Ленский и Мамско-Бодайбинский.

Исследователем также подробно освещаются вопросы природопользования коренных малочисленных народов и усилия властей, стремившихся модернизировать традиционные отрасли хозяйства малочисленных этносов. М.В. Рагулина [2008] обращается к примеру этноса тофаларов, которого коснулись меры коллективизации. С 1930-х гг. властями был выдвинут лозунг стопроцентной коллективизации в Тофаларии, «как первый опыт перевода туземцев Севера на коллективное хозяйство» [Рагулина, 2008]. Конкретные меры, которые в большинстве случаев можно охарактеризовать как неудавшиеся, выражались в объединении личных оленей в колхозные стада, переводение их на хозрасчет, создание оленеводческих молочно-товарных ферм и т. д. [Рагулина, 2008].

На наш взгляд, значительная часть вышеуказанных исследований в области этнической географии носит в большей степени теоретический характер. В частности, к таковым могут быть отнесены работы советской школы этнической географии, Т.И. Герасименко [2012, 2015, 2018] и др. К теоретико-практическим (прикладным) работам можно отнести разработки С.Г. Сафронова [2015], использовавшего индекс этнической мозаичности Б.М. Эккеля при анализе динамики этнических групп в регионах европейской части России. Полагаем, что помимо статьи уже упомянутого выше Б.М. Эккеля [1976], одновременно теоретический и прикладной характер носят работы В.С. Белозерова [2000], В.В. Воробьева [1975, 1977], М.В. Рагулиной [2008, 2009] и др., посвященные изучению этнических групп в границах тех или иных регионов. Вышеуказанные труды исследователей вне зависимости от их направленности обогащают предметное поле этнической географии, придавая при этом импульс проведению новых исследований в данной области.

1.2. Определение основных подходов, понятий и методов

Безусловно, ключевым понятиями в изучении этнической проблематики являются понятия «этничность» и «этнос». На данный момент в науке не сложилось единственных верных определений данных концептов. Этничность

представляет собой обширную категорию в науке, обозначающую существование культурно-отличительных (этнических) групп и форм идентичности [Тишков, 2002]. Более специализированным, но в то же время в большей степени используемым в отечественных научных кругах служит понятие «этнос». На наш взгляд, этнос следует рассматривать как определенную исторически сложившуюся относительно устойчивую общность людей, объединяемую происхождением, единым языком, территорией проживания, индивидуальными особенностями хозяйства, культуры и менталитета [Безруков, Размахнина, 2018].

Выше нами уже было обозначено три подхода к понятию «этнос». Наиболее близким к этногеографии является примордиалистский (объективистский) подход, согласно которому этнос рассматривается через призму истории, культуры и географической среды. Этот подход представляли две школы, представителем которой, с одной стороны, являлся Ю.В. Бромлей [1973], а с другой, – Л.Н. Гумилев [1970]. Ю.В. Бромлеем [1973] была предложена дуалистическая теория этноса. Дуализм данной теории проявляется в существовании основополагающего базиса или ядра (этникос) и его этносоциального организма (условия формирования и существования этноса). Этникос состоит из следующих компонентов: этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая деятельность, этноним (самоназвание). Под этносоциальным организмом понимаются природные, географические условия, социально-экономические характеристики и государственно-правовые режимы тех или иных этнических групп [Бромлей, 1973]. В данном случае в качестве примера можно рассматривать русский этнос: все русские, проживающие в мире – это этникос, в то время как русские, проживающие в границах России – представляют собой этносоциальный организм. Единство этноса обеспечивается синхронными (в пространстве) и диахронными (во времени) информационными потоками [Бромлей, 1973].

Восприятие этноса Л.Н. Гумилевым в большей степени носит социобиологический, нежели географический характер. В его понимании

этнос относится к замкнутой системе дискретного типа, а люди, входящие в эту систему, обладают общими стереотипами поведения и отличительными признаками от представителей других систем и общностей. Большую роль в теории Л.Н. Гумилева играет пассионарность – способность человека черпать энергию при взаимодействии с биосферой и выдавать ее в виде работы, что выражается в стремлении некоторых индивидов к преобразованию окружающей действительности.

В 1970-е гг. произошел перелом для этнологической науки. Теория плавильного котла, основной постулат которой сводился к преодолению этничности в ходе построения национальных государств, стала терять актуальность и значимость в научных кругах. Ослабление позиций традиционной примордиалистской парадигмы привело к отрицанию существования этносов как географической, исторической и культурной объективной реальности [Герасименко, 2015].

Одной из альтернатив примордиализму служит конструктивистский подход, согласно которому этничность представляет собой интеллектуальный конструкт, созданный писателями, учеными и политиками. Таким образом, представители конструктивизма, например, В.А. Тишков [2002], в своих трудах оспаривают этнос как объективную категорию.

Последний подход – деятельностная парадигма – рассматривает этносы в качестве самостоятельных коллективов, существующих независимо от исторических периодов и присущих для них общественно-экономических формаций [Герасименко, 2015]. Данное направление считается самым молодым в исследовании теоретических аспектов этничности, а также наиболее перспективным на текущий момент, поскольку сторонниками этого подхода предлагается разнообразие признаков классификации этносов, начиная от территории проживания и заканчивая особенностями менталитета. К представителям данного подхода Т.И. Герасименко [2015] относит Ю.В. Иванову, К.Х. Момджана, Э.С. Маркаряна и др.

На наш взгляд, последний подход является наиболее перспективным для современных реалий, поскольку включает в себя достоинства предшествующих научных школ. Кроме того, одним из существенных достоинств деятельностной парадигмы служит опора на возможности междисциплинарных наук, что способствует комплексному характеру исследования. Поэтому к характеристике того или иного этноса следует подходить комплексно, рассматривая не только такой типичный географический признак, как территория проживания, но также язык, социально-экономические условия, культурное наследие и т. д. [Безруков, Размахнина, 2018].

Помимо понятия «этнос» в русле данной проблематики представляется важным определение «нации» в виде единой общности различных этнических групп. В целом, нация означает совокупность граждан одного государства как политического сообщества. Существуют и более специализированные определения «нации», близкие по смыслу к этничности. Например, В.А. Тишковым [2002] подчеркиваются два понятия: «нация наций» и «этнонация». «Нация наций» фактически означает крупное государство, в котором выделяются отдельно этнонации (русские, буряты и др.) и этнорегиональные сообщества (например, сибиряки). Применительно к РФ этнонация означает территориальную общность титульной идентификации с крупным этносом, а также и гражданскую целостность федерации с многообразием этнического состава населения. Например, республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия функционируют на конкретной территории с административными границами в российском государстве и как территориальные составляющие гражданской нации [Колесников, 2016].

Для любого территориального образования (страна, регион, район и т. д.) свойствен определенный национальный (этнический) состав, который является результатом длительного исторического процесса смешения и переселения представителей разных рас и этносов. Главным источником о количестве и доле этносов являются данные переписей.

Российские регионы отличаются собственной административно-территориальной иерархией. Говоря об этнической составляющей, определенные привилегии, как уже говорилось, имеют республики, в основном сформированные по национальному признаку; затем идут края и области. Значимое положение, хотя и довольно формальное, занимают «административно-территориальные единицы с особым статусом» (бывшие автономные округа), которым посвящаются отдельные статьи в уставах субъектов, в состав которых они входят. Эти статьи затрагивают положение в сфере бюджетного обеспечения, представительство интересов жителей данных территорий депутатами в региональном законодательном органе, возможности создания специального органа исполнительной власти, ответственного за дела округа, особый порядок решения вопросов территории и границ округа.

Этносу как коллективной общности присуще такое свойство, как системность, что предполагает собственную структуру и состав элементов, а также возможность их изменения. Эти изменения, происходящие с этносом и его компонентами (язык, культура и др.), есть ни что иное как «этнические процессы». Процессы, происходящие с этносом, подразделяются на две группы – эволюционные и трансформационные. В первом случае, с течением времени не происходит изменения самосознания этносов и их характеристик, вторая группа процессов приводит к существенным изменениям этноса и этнического самосознания. В свою очередь, изменения, происходящие с этносом, по своему характеру могут быть объединительными или разделительными. Среди объединительных процессов выделяются, например, консолидация или ассимиляция, межэтническая интеграция и др. При межэтнической интеграции процессы могут быть консолидационными, если отношения между этносами основаны на равноправии; симбиозными, в случае, если этносам удастся сохранить свои отличительные признаки (территорию проживания, язык и т.д.); сегрегационными (отношения между этносами неравноправны). Разделительные процессы могут заключаться в

делении этноса на несколько частей, каждая из которых будет представлять собой новую общность (париципация или дивергенция). Кроме того, при сохранении этноса все же существует возможность, что из его состава выйдет какая-либо часть, которая в последующем осознает себя в качестве новой этнической группы. Результатом последнего явления является этническая сепарация.

Данная работа, как и труды других авторов по этнической проблематике, опираются в том числе на практические подходы, что часто приводит к необходимости использования математического аппарата в исследовании. Одним из применяемых методов служит индекс этнической мозаичности (ИЭМ), который впервые был введен Л.Ф. Моногаровой и в последующем переосмыслен Б.М. Эккелем. Характеризуя ИЭМ, Б.М. Эккель [1976] подчеркивает, что данный показатель будет тем выше, чем больше в пределах территориальной единицы (район, город и т. д.) будет сосредоточено национальностей, чем меньше будут эти группы и чем более равномерно по численности они будут распределены. В общем виде формула, по которой рассчитывается индекс, выглядит следующим образом:

$$P_j = \sum_{i=1}^m \pi_i (1 - \pi_i),$$

где P_j – индекс мозаичности национального состава j района; m – число национальностей в j районе; π_i – доля (частота) i национальности во всем населении j района; $\pi_i(1 - \pi_i)$ – теоретическая вероятность вступления межэтнические контакты i национальности в j районе [Эккель, 1976].

Под «этническим фактором» понимается влияние, которое оказывает этничность на различные региональные процессы. В данной работе, например, изучается степень взаимосвязи этнического состава населения и результатов избирательных кампаний Восточной Сибири по двум основным показателям – явке и политическим предпочтениям.

В качестве восточносибирских субъектов РФ рассматриваются республики Бурятия, Саха (Якутия), Хакасия и Тыва, Забайкальский и Красноярский края, Иркутская область. Особого внимания заслуживают территории бывших автономных округов – Усть-Ордынского Бурятского округа (УОБО), Агинского Бурятского округа (АБО), Таймырского Долгано-Ненецкого и Эвенкийского муниципальных районов, а также иных территориальных единиц (районы, городские округа, муниципальные образования нижнего уровня), характеризующихся высокой долей коренных народов в национальном составе населения.

Анализ этнической структуры населения Восточной Сибири по переписям 1989 и 2010 гг. позволяет определить основные тенденции и типы динамики этнического состава населения на постсоветском этапе. Проведение новой переписи населения планируется осенью 2021 г., а предполагаемая обработка полученных сведений может занять год. Данные переписей 1989 г. (последняя Всесоюзная перепись) и 2010 г. анализировались в разрезе муниципальных образований верхнего уровня, поскольку в большинстве случаев отсутствует информация по муниципальным образованиям нижнего уровня (особенно за 1989 г.) Административно-территориальное деление регионов в 1989 г. (административные районы, города областного и соответствующего подчинения) приведено в соответствие с муниципально-территориальным делением верхнего уровня в 2010 г. (муниципальные районы и городские округа).

При анализе динамики этносов в разрезе муниципальных образований верхнего уровня основное внимание уделялось русскому населению и коренным этносам, что соответствующим образом отображено на картосхемах. Кроме того, анализируя изменения в целом по Восточной Сибири с 1989 по 2010 гг., нами были выделены и другие группы национальностей, кроме русских, коренных крупных народов (бурятов, якутов, тувинцев и хакасов) и КМНС (эвенков, ненцев, тофаларов и т. д.). К ним относятся прочие восточнославянские народы (украинцы и белорусы);

этносы Поволжья (татары, чувашы, мордва, башкиры, марийцы и удмурты); национальности Закавказья (азербайджанцы, армяне и грузины); народы Центральной Азии (киргизы, узбеки, таджики и казахи); народы Восточной Азии (китайцы и корейцы); немцы и евреи.

При изучении влияния этничности на политические предпочтения основным источником служили материалы избиркомов регионов Восточной Сибири. Используя эти данные в совокупности с информацией переписи 2010 г., нами были рассчитаны коэффициенты корреляции между долей коренных этносов, с одной стороны, явкой и политическими предпочтениями избирателей, с другой стороны, как для отдельных субъектов РФ макрорегиона, так и в целом для Восточной Сибири. При выявлении степени взаимосвязи между долей населения и уровнем явки, количеством голосов за определенную партию или кандидата, делался акцент именно на коренное население, поскольку политическое поведение представителей коренных этносов в большей степени продемонстрировало стандартные и устоявшиеся модели электоральной культуры. Это выражается в исполнительности (более ответственное отношение к голосованию в ходе избирательной кампании, нежели у русского населения) и традиционализме (почитание авторитета старших, выбор сильных и уверенных политиков).

В нашем исследовании этносов мы также обращаемся к возможностям смежных наук – демографии, политологии, социологии, лингвистики и др. Благодаря обработке информации о численности населения этнических групп, используются возможности демографии – науке о народонаселении. Синтез демографии с изучением территориальной картины распределения этносов является этнодемографией, что также имеет место в работе. Политическая сторона исследования представлена электоральной географией, т. е. наукой, сформированной на стыке политической географии и политической регионалистики. Данной наукой изучается электоральное поведение граждан в зависимости от действия территориальных факторов – места проживания (город или село), социально-экономических условий регионов и пунктов,

этнической принадлежности и др. На наш взгляд, менее распространена в российской географии более узкая отрасль науки – электоральная этническая география. С тематикой данного исследования соприкасается как в целом политология – наука о политической жизни общества и проблемах внутренней и внешней политики, так и ее более узкий аспект – этнополитология.

В данной работе широко используются методы работы со статистикой (переписи, информация о выборах избиркомов). С помощью математического специализированного метода – корреляционного анализа – выявлена теснота связи доли коренных этносов с явкой и политическими предпочтениями. Математический метод исследования также применен для расчета индекса этнической мозаичности, который показывает степень национального разнообразия в пределах тех или иных муниципальных образований регионов. Благодаря данному методу оценена степень изменений этнического состава за период между переписями 1989 и 2010 гг. Использование сравнительно-географического метода в исследовании предполагает сопоставление численности и доли определенных народов в муниципальных образованиях республик, с одной стороны, краев и области Восточной Сибири, – с другой, в восточносибирских субъектах РФ и в других регионах страны, и т. д. Применен картографический метод для составления этнических карт способом картограмм, с помощью которого отображается пространственное распределение этнических групп Восточной Сибири. Также в работе использовались методы полевых исследований и наблюдения, опроса респондентов.

1.3. Основные особенности и проблемы разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий

Уникальная этническая гетерогенность Восточной Сибири, рассматриваемой в составе республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской области,

способна усиливать меж- и внутрирегиональные социально-экономические диспропорции, действие центробежных сил и политический сепаратизм, что требует научного осмысления этнической проблематики и разработки взвешенной национальной политики страны и ее регионов. В макрорегионе преобладающими по численности населения являются русские – 79,7 %. Совокупный удельный вес четырех относительно крупных коренных народов (якуты, буряты, тувинцы и хакасы) составляет 14,0 %, коренных малочисленных народов Севера (эвенки, эвены, долганы, ненцы, сойоты, кеты и др.) – всего лишь 0,8 %. [Безруков, Размахнина, 2018]

Примером выраженного влияния этнического фактора на политико-географические процессы могут служить проблемы и противоречия существования иерархии разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий (рис. 1). Особенность Восточной Сибири заключается в том, что подавляющую часть ее территории – 73,9 % – занимают республики (Бурятия, Саха, Тыва и Хакасия) и муниципальные районы бывших автономных округов (Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский в Иркутской области, Агинский Бурятский в Забайкальском крае), сложившиеся на основе этнического принципа [Безруков, Размахнина, 2018]. Очень широко представлены также такие официально выделенные этнические территории, как «места традиционного проживания коренных малочисленных народов РФ», которые имеют значительную долю КМНС.

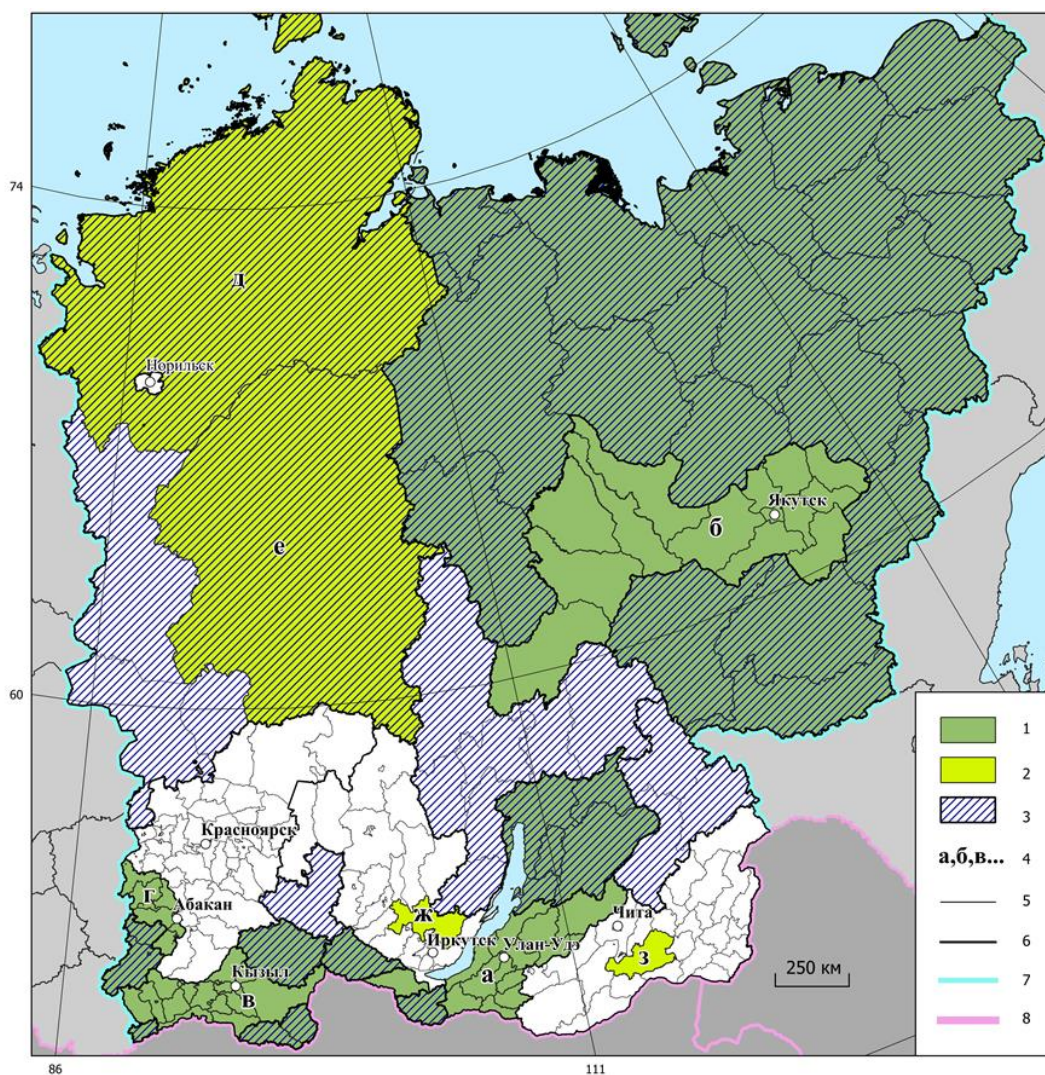

Рис. 1. Национальные единицы государственного и муниципального устройства и другие этнические территории Восточной Сибири по состоянию на 2021 г.

Национальные административные единицы и этнические территории: 1 – республики, 2 – административно-территориальные единицы с особым статусом (бывшие автономные округа), 3 – муниципальные районы с наличием мест традиционного проживания КМНС. 4 – названия национальных административных единиц: а – Республика Бурятия, б – Республика Саха (Якутия), в – Республика Тыва, г – Республика Хакасия, д – Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, е – Эвенкийский муниципальный район, ж – Усть-Ордынский Бурятский округ, з – Агинский Бурятский округ. Границы: 5 – муниципальных районов, 6 – субъектов РФ, 7 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 8 – государственные.

Составлено автором

Необходимо особо подчеркнуть, что существование столь сложной иерархии разностатусных национальных единиц характерно прежде всего для Восточной Сибири. В двух других этнически гетерогенных макрорегионах страны – Урало-Поволжье и Северном Кавказе – представлены национально-

территориальные единицы лишь одного статуса – республики. Если в Восточной Сибири насчитывается 51 муниципальный район с наличием «мест традиционного проживания коренных малочисленных народов РФ», то в Урало-Поволжье и на Северном Кавказе аналогичные районы отсутствуют. Подобные районы, правда в существенно меньшем количестве, есть на Северо-Западе и Дальнем Востоке, но в последнем макрорегионе нет республик (Якутию мы рассматриваем в составе Восточной Сибири), а в республиках Северо-Запада эти районы единичны. Только в Восточной Сибири этнические ареалы коренных малочисленных народов накладываются на аналогичные ареалы не только русских, но и относительно крупных коренных народов в их республиках.

Для систематизации и лучшего понимания специфики современного национально-территориального устройства Восточной Сибири и вытекающих отсюда проблем дадим характеристику национально-территориальных единиц в соответствии с их иерархией: 1) республики, 2) бывшие автономные округа (административно-территориальные единицы с особым статусом), 3) места традиционного проживания КМНС (табл. 1).

В большей степени этническая компонента выражена в республиках, как субъектах РФ, представляющих собой национальные образования государственного уровня. В пределах Восточной Сибири расположены четыре республики: Хакасия, Тыва, Бурятия, Саха (Якутия) (см. рис. 1).

При формальном равенстве всех субъектов РФ имеет место их фактическая неравнозначность («статусная асимметрия») [Лексин, Швецов, 2012]. Согласно ст. 66 последней Конституции РФ, республики (в отличие от других видов субъектов РФ – краев, областей и пр.) характеризуются прежде всего тем, что они являются государствами. В то же время статус всех других субъектов РФ (кроме республик) характеризуется тем, что они не являются государствами.

Иерархия и состав национальных образований (единиц)
государственного и муниципального устройства (уровня) и других
этнических территорий Восточной Сибири

Уровни статуса	Национальные образования государственного уровня – субъекты РФ	Национальные образования муниципального (и надмуниципального) уровня – муниципальные районы и городские округа или их группы (округа)	Другие этнические территории (в рамках муниципальных районов, поселений, населенных пунктов)
Виды и состав	<p>Республики:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Бурятия - Саха (Якутия) - Тыва - Хакасия 	<p>Административно-территориальные единицы с особым статусом (бывшие автономные округа):</p> <ul style="list-style-type: none"> - Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район Красноярского края - Эвенкийский муниципальный район Красноярского края - Усть-Ордынский Бурятский округ Иркутской области в составе Аларского, Баяндаевского, Боханского, Нукутского, Осинского и Эхирит-Булагатского муниципальных районов - Агинский Бурятский округ Забайкальского края в составе городского округа «Поселок Агинское», Агинского, Дульдургинского и Могойтуйского муниципальных районов 	<p>Места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС)*:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Р. Бурятия: 3 муниципальных района (м.р.) полностью и 8 сельских поселений (с.п.) в 4 м.р. - Р. Саха (Якутия): 63 с.п. в 21 м.р. - Р. Тыва: 11 с.п. в 4 м.р. - Р. Хакасия: 3 с.п. и 1 городское поселение (г.п.) в 2 м.р. -Забайкальский край: 8 с.п., 2 сельских населенных пункта, 3 межселенные территории в 3 м.р. - Красноярский край: 4 м.р. полностью и 2 с.п. в 2 м.р. - Иркутская область: 1 м.р. полностью, 7 г.п., 8 с.п., 1 межселенная территория в 7 м.р. <hr/> <p>Всего: 51 м.р.</p>

* Список мест традиционного проживания КМНС см. в Приложении Г, Д.

Составлено автором

Особенности конституционно-правового положения республик заключаются в следующем: а) как государства, они имеют свою конституцию (в остальных субъектах – только уставы) и законодательство, государственные символы (герб, флаг, гимн), соответствующие названия органов власти (президент, парламент, т. д.), они вправе в соответствии со ст. 68 Конституции РФ устанавливать свой государственный язык наряду с государственным языком РФ; б) как другие субъекты РФ, республики имеют свою территорию, которая не может быть изменена без их согласия [Умнова, 1996; Морозова, 2009]. Конституции республик не нуждаются в утверждении или регистрации со стороны федеральных органов власти и имеет высшую юридическую силу по вопросам, отнесенным к ведению данных субъектов. В Конституциях республик их статус развивается и конкретизируется.

Осветим особенности национальной политики в республиках Восточной Сибири. Основное внимание здесь уделено правовому положению титульных народов и их взаимоотношениям с русскими как государствообразующим этносом; правовое положение проживающих в республиках КМНС рассматривается в последующих разделах.

Основной идеей национальной политики Бурятии является идея возрождения, которая заключается в повышенном внимании к коренным народам. В институциональном плане этническая компонента в республике является компетенцией Совета Национальностей при Президенте Бурятии, учрежденного в 1998 г. Анализ ключевых государственных документов, затрагивающих национальную проблему в Бурятии [Байкальский..., 2002], показал, что в ее Конституции указано на государствообразующую роль бурятского народа, а Концепция национальной политики 1997 г. говорит о том, что национальная политика в республике должна учитывать имеющуюся проблему социокультурной и этнополитической адаптации русского населения в условиях суверенитета Бурятии.

Другие авторы [Амоглонова, Елаева, Скрынникова, 2005] считают, что формально символами бурятской республиканской идеи выступают

государственные символы (президентство, парламент – Народный Хурал, конституция, герб, гимн), а в неформальная сфера нашла отображение во взаимоотношениях между жителями республики, которые дифференцируются по принципу титульности и нетитульности. Ранее, осуществлялся паритет по этническому признаку в сфере высшей власти по причине того, что большинство жителей республики являются русскими: президент – русский, но владеющий бурятским языком (т. е. обладающий хотя бы одной этнодифференцирующей характеристикой, гарантирующей качество «своего»), председатель Народного Хурала и мэр г. Улан-Удэ – буряты. С 2017 г. главой республики является А.С. Цыденов, бурят по национальности, что закрепляет роль титульного этноса в политической сфере.

Пример Республики Тыва показывает, что иногда влияние этнического фактора способно привести к росту межнациональных конфликтов. Специфика данного субъекта РФ заключается в достаточно позднем вхождении республики в состав СССР (в 1944 г.) и в подавляющей на данный момент численности тувинского этноса (82 %) по сравнению с русскими.

В 1990-е гг. активно осуществлял свою деятельность Народный фронт «Хостуг Тыва» («Свободная Тува»), лидеры которого ратовали за проведение в 1992 г. референдума по вопросу о выходе республики из состава России [Анайбан, 2011]. В 1990 г. произошло крупное столкновение между русскими и тувинцами в п. Хову Аксы, построенного возле завода «Тувакобальт», которое привело к тому, что населенный пункт покинуло полторы тысячи русских [Тувинская..., 2016]. После обострения столкновений на межэтнической почве в Туву был введен контингент ОМОН из других регионов, однако пробывший там недолго, так как властями Тывы была подана жалоба в федеральный центр о превышении полномочий силовиков. В целом, русские покидают республику из-за криминогенной обстановки и дискриминации по национальному признаку. В то же время, данная точка зрения контрастирует со мнением властей Тывы, которые полагают, что отток

русского населения прежде всего вызван социально-экономическими причинами [Там же].

С принятием Конституции Республики в 1993 г. был образован и начал работать законодательный и представительный орган – Верховный Хурал (парламент). Установлен конституционный статус местного самоуправления, была возрождена традиционная система административного устройства (деление на сумоны и кожууны). В 2010 г. был проведен референдум по изменениям в Конституцию. Одной из главных поправок, затронувших национальную сферу, является исключение статьи «Гражданство в Республике Тыва», которая предусматривала принцип двойного гражданства – российского и тувинского одновременно [Тарбастаева, 2016].

На данный момент количество русских в Верховном Хурале составляет 19,3 % (6 депутатов из 31). В правительстве Республики примерно насчитывается двое русских по информации текущего года, среди руководителей структурных подразделений и сотрудников примерно 70 % тувинцев, 27 % русских и около 3 % – представители других национальностей (данные 2011 г.) [Тувинская..., 2016]. По данным 2020 г. трое глав районов (кожуунов) являются русскими.

Республика Хакасия является примером разукрупнения регионов, что выразилось в ее отделении от Красноярского края в 1992 г. Для данного субъекта РФ характерна острая нехватка бюджетных средств. При этом, ресурсная составляющая Хакасии (древесина, золото, уголь, гидроэлектроэнергия) представляется достаточной для жизнеобеспечения республики, но крупные корпорации в основном зарегистрированы не в ней и поэтому не платят налоги в республиканский бюджет [Владимир..., 2019]. В данной связи, статус республики не способствует обеспечению интересов титульной нации, русских и КМНС.

Спецификой Республики Саха (Якутия) является высокая степень этнической мозаичности национального состава, что наглядно прослеживается в разрезе муниципальных районов. Например, типично

русскими считаются Алданский (79 %), Ленский (78,2 %), Мирнинский (61,7 %) и Нерюнгринский (78,1 %). В других районах, а также в столице республики, доля якутов в совокупности с КМНС в основном превышает русское население. Этнический мозаичный состав выгодно выделяет Республику среди прочих субъектов Восточной Сибири высокой степени политкультурности, образованным как коренными, так и пришлыми народами. В пользу этого утверждения свидетельствуют данные социологического опроса, проведенной Т.В. Парниковой [Этнонациональные..., 2017] в 2011–2013 гг. В целом, межэтнические отношения были охарактеризованы как «нормальные, благоприятные» 73,4 % респондентов.

Следует отметить, что Якутия была одним из первых субъектов, разработавших региональную Концепцию государственной национальной политики, которая была принята в 1995 г. (обновлена в 2013 г.). На уровне на Главы Республики в сфере национальных отношений действуют такие структуры, как Советы по вопросам государственной национальной политики, по языковой политике, по вопросам коренных малочисленных народов Севера, Оргкомитет по проведению II Десятилетия коренных народов мира [Этнонациональные..., 2017] и т. д.

Далее по национально-территориальной иерархии следуют административно-территориальные единицы с особым статусом (АТЕОС) – бывшие автономные округа (см. рис. 1, табл. 1). На территории Восточной Сибири образованы четыре административно-территориальные единицы с особым статусом: Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район и Эвенкийский муниципальный район в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский округ в Иркутской области, Агинский Бурятский округ в Забайкальском крае. Особый статус они получили после объединения в 2007–2008 гг. автономных округов с соответствующими краями и областью.

Однако правовое положение АТЕОС явно недостаточно определено как на федеральном, так и на региональном уровнях. К тому же субъектам РФ не

предоставлена возможность самостоятельно определять вышеуказанный особый статус, а федеральные законы не содержат четких положений об особенностях этого статуса.

В объединительных федеральных конституционных законах, которые в самом общем виде определяют очертания особого статуса, помимо моментов, специфичных для каждого случая объединения субъектов РФ, устанавливаются следующие общие, предельно неконкретизированные положения [Кондрашев, 2016]:

1. Особый статус определяется федеральным законодательством, уставом и законами вновь образованных субъектов РФ.

2. Целью образования нового субъекта РФ является ускорение социально-экономического развития объединяющихся субъектов РФ и повышение уровня жизни их населения.

3. Выполняется требование единства территории АТЕОС. Фиксация территориального единства в федеральном конституционном законе означает, что любые изменения границ АТЕОС возможны только в порядке внесения изменений и дополнений в федеральный конституционный закон.

4. Обеспечивается повышенное представительство населения АТЕОС в законодательном органе государственной власти вновь образованных субъектов РФ. Такое повышенное представительство в законодательном органе гарантируется только для депутатского корпуса первого созыва, в дальнейшем данный вопрос должен регулироваться уставом субъекта РФ в соответствии с федеральным законодательством.

5. Организация местного самоуправления выстраивается с учетом особенностей АТЕОС.

6. Предусматриваются гарантии для коренных малочисленных народов, проживающих на территориях вновь образованных субъектов РФ.

Однако в реальности АТЕОС и их структуры управления не встроены в существующую модель конституционно-территориального устройства страны. АТЕОС не реализуют никаких самостоятельных государственных

полномочий, выполняя лишь незначительные координирующие или совещательные функции.

Вместе с тем на территориях АТЕОС предусмотрены и частично реализованы определенные особенности местного самоуправления: 1) из-за низкой плотности населения некоторых территорий допускается возможность отходить от требований Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» при определении границ МО; 2) для МО в составе АТЕОС предусмотрены иные принципы расчета бюджетных трансфертов, нацеленные на повышенные нормы обеспеченности бюджета; 3) с учетом исторических и прочих местных традиций на территориях АТЕОС допускаются особые наименования представительного органа и главы МО; 4) МО АТЕОС могут наделяться отдельными государственными правами в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни народов [Там же].

С момента реформ по укрупнению субъектов РФ (2007–2008-е гг.) так и не был разработан федеральный закон о правовом положении АТЕОС. Соответствующие положения присутствуют лишь в региональных уставах и законах (Уставы Красноярского края 2008 г., Иркутской области и Забайкальского края 2009 г.; Закон Красноярского края 2015 г.). По большей части итоги объединения критикуются, а существование АТЕОС признается некоторыми учеными лишь в географической, но не правовой реальности [Кульчевский, 2010].

Охарактеризуем процесс и последствия объединения Усть-Ордынского Бурятского автономного округа с Иркутской областью. Следует отметить, что впервые потребность объединения двух субъектов РФ прозвучала со стороны полпреда президента в СФО в 2002 г. Необходимость их слияния, по мнению федеральной власти, сводилась к двусторонней выгоде: Иркутская область будет содействовать индустриальному развитию округа, тогда как он со своим агропромышленным сектором будет стимулировать развитие сельского хозяйства в едином регионе [Окунев, Шиловский, 2018]. Однако изначально у

области и округа имелись принципиальные возражения против объединения: первая не желала принимать в состав депрессивный округ, что могло привести к неблагоприятной социально-экономической обстановке в регионе, во втором сохранились воспоминания об отделении от Бурят-Монгольской АССР. Кроме того, представителей округа волновал вопрос федерального финансирования, поскольку 80 % доходов его бюджета поступало именно из столицы.

Тем не менее, местными властями была развернута кампания по обеспечению явки на избирательные участки и голосованию за нужный результат. По итогам референдума, проект объединения двух субъектов был поддержан 89,7 % голосов жителей области и 97,7 % – округа [Там же].

Уставом Иркутской области 2009 г. Усть-Ордынский Бурятский округ (УОБО) определяется как административно-территориальная единица с особым статусом. Однако особый статус округа, в отличие от Агинского, не предполагает учреждение особого органа власти в структуре администрации области: вопросами округа занимаются лишь законодательные и исполнительные органы власти Иркутской области [Там же]. Сохранение национальной культуры является компетенцией окружной администрации и органов местного самоуправления, при этом данные инстанции в своей деятельности подотчетны областной администрации. В УОБО недовольство населения вызывает сокращение изучения бурятского языка в школах и детских садах, что напрямую связывается с прошедшим объединением субъектов [В Усть-Ордынском..., 2019].

Ранее интересы бурят в Законодательном собрании представляло четыре депутата от округа (8 %), с 2013 г. правила выборов изменились, теперь по одномандатному округу наравне с остальными депутатами избирается один депутат. Реальных конкурентов у депутата «Единой России» К. Алдарова, который идет на второй срок, нет: против него не выставила кандидата даже КПРФ [На праймериз, 2015].

Социально-экономические последствия реформы выразились в восполнении инфраструктурного пробела: были построены культурные и

спортивные сооружения, школы. Однако это были лишь мизерные перемены на общем негативном фоне: представители администрации округа заявляют, что увеличилась безработица, были закрыты многие предприятия, снизилось качество государственных и муниципальных услуг [Окунев, Шиловский, 2018]. В Уставе Иркутской области умалчивается об экономических правах округа. На данный момент с полной уверенностью можно сказать, что достигнута лишь одна цель – повышение роста эффективности за счет сокращения управленческого аппарата.

В итоге среди населения округа часто можно услышать оценки в духе «нас всех обманули». В расположенном в 70 километрах от Иркутска административном центре округа поселке Усть-Ордынском много людей, ранее занятых в упраздненных ныне окружных и федеральных структурах, осталось без работы и вынуждено искать ее в областном центре. Живший до 2007 г. шумной жизнью регионального центра Усть-Ордынский сегодня зримо деградировал и похож на обычный райцентр [Басаев, 2016].

Объединение Агинского Бурятского автономного округа с Читинской областью имеет свою специфику. В частности, губернатор Читинской области Р. Гениатуллин положительно отнесся к проекту федеральных властей, аргументировав свое отношение положительными сдвигами в развитии экономики нового региона, повышением инвестиционных возможностей, существованием культурных связей. Напротив, глава округа Б. Жамсуев решительно возражал объединению. Свою позицию он обосновывал наличием этнокультурной специфики в округе, которая выражается в преобладании доли бурятов в национальном составе (61 %), религиозных традициях (буддизм), особой ментальности агинских бурятов, в отличие от остальных бурятских диаспор.

Не менее важной представляется разница между экономическими и социально-демографическими показателями области и округа: в 2005 г. последний занимал второе место среди регионов по динамике восстановления промышленности после распада СССР. Причиной этого является

существование на территории округа так называемого «Агинского офшора» – территории с особыми экономическими условиями для предпринимателей, где находилось несколько десятков компаний. Все налоговые и неналоговые поступления от их деятельности шли в строительство транспортной и социальной инфраструктуры, техническое оснащение школ и больниц, реализацию различных социальных программ [Объединение..., 2020]. Благодаря этому, например, резко снизился уровень дотационности бюджета с 1996 по 2006 г. – с 80 % до 6,6 % [Добчинов, 2017]. После объединения офшор перестал существовать, а доходы ушли в Читу.

В то же время в Читинской области все отрасли промышленности, за исключением горнодобывающей, пришли в упадок. Более того, в области происходило уменьшение численности населения ввиду естественной убыли и миграции, а в округе наблюдался прирост населения. Кроме того, в округе уровень безработицы сократился в три раза, уровень безработицы снизился до общероссийского показателя, активно шло жилое строительство [Окунев, Шиловский, 2018].

Власти прибегли к использованию административного ресурса для обеспечения явки на референдум и голосованию за нужный результат (применялись методы запугивания людей, гарантировались сложности на работе и учебе, если избиратель не проголосует «за» и т. д.). Тем не менее, 11 марта 2007 г. был успешно проведен референдум, результатами которого стали 90 % голосов «за» в области и 94 % в округе [Там же].

После объединения создан новый консультативно-совещательный орган – Собрание представителей Агинского Бурятского округа (АБО), полномочиями которого являются защита интересов бурятов, их культуры и языка, что уже значительно отличается от результатов ряда других аналогичных объединений, проведенных в 2000-е гг. Кроме того, администрация округа занимает место межотраслевого органа по взаимодействию и координации с правоприменительными полномочиями, что расширяет сферу ее компетенции до принятия решений не только в

этнокультурных вопросах, но и в делах бюджетного обеспечения и пр. Немаловажно, что помимо русского, как государственного языка, законодательно закреплено использование бурятского языка, который может применяться во всех СМИ. Также создаются дополнительные культурные и образовательные учреждения по защите разнообразия местных языков и культур [Там же]. На данный момент в Законодательном Собрании Забайкальского края представлены семь депутатов (14,3 %) АБО из 49, в то время как ранее представители округа получали в Законодательном Собрании Читинской области пять мандатов из пятидесяти.

Тем не менее, в социально-экономической сфере (медицина, трудоустройство) не отмечается положительных изменений. По мнению большинства жителей АБО, в округе произошло даже ухудшение обстановки. Особенно негативно сложилась ситуация относительно рабочих мест и миграции населения [Там же].

Нами были проведен опрос среди жителей-бурятов Капсальского МО УОБО и МО «Южного Аргалей» АБО. Относительно объединения автономий с Иркутской и Читинской областями были заданы следующие вопросы: «Как Вы голосовали за объединение УОБО/АБО и Иркутской/Читинской области?»; «Если бы сейчас состоялся референдум, как бы Вы проголосовали?». На первый вопрос 46 % респондентов Капсальского МО ответили «за», 19 % – «против», 34 % – не голосовали на референдуме, 1 % (1 человек) не помнит, как голосовал. «За» объединение проголосовало 56,2 % бурятов Южного Аргалея, 30 % – «против», 13,7 % – не голосовали. В личном разговоре некоторые опрашиваемые упоминали, что в их отношении применялось давление в разных формах для «положительного» с точки зрения властей исхода референдума.

Второй вопрос был задан с целью понять, изменилось ли отношение респондентов к итогам референдума с учетом его последствий, наблюдаемых в настоящем времени, а также узнать, как гипотетически поступили бы опрашиваемые, при возможности вновь выразить свое мнение посредством

голосования. Предлагалось три варианта ответа: «за», «против», «воздержусь». Проголосовали бы «за» 29 % бурятов Капсальского МО, 44 % – «против», 27 % предпочли воздержаться. Из бурятских респондентов Южного Аргалея 30 % ответили «за», 48,8 % – «против», 21,3 % – «воздержусь». Указанные результаты косвенно подтверждают негативные последствия объединения субъектов РФ с точки зрения местного титульного населения.

Нами также был задан вопрос респондентам – «На каких проблемах коренных народов, включая Ваше муниципальное образование, стоит заострить внимание?», на который респонденты отвечали в свободной форме. Более охотно своими проблемами делились жители Капсальского МО: 45,3 % не удовлетворены положением дел в сфере развития национального языка и культуры, 37,7 % недовольны социально-экономическим развитием округа (безработица, плохое состояние дорог, нехватка школ и т. д.), 14,5 % назвали проблемным сельское хозяйство как отрасль экономики, 5,8 % упомянули о политических аспектах (отделение Усть-Ордынского округа от Бурятии в 1937 г., объединение с областью, представительство бурят в правительстве области и др.). Всего лишь 12,5 % и 22,5 % респондентов Южного Аргалея ответили соответственно, что власти не уделяют внимания их проблемам или делают это частично, 65 % не испытывают недовольства. К главному спектру проблем опрашиваемые (42,8 %) отнесли аспекты социального обеспечения (пенсии, жилье инвалидам, здравоохранение).

Этническая идентичность бурятов, проживающих на территории бывших автономных округов, значительно более выражена у жителей АБО, как вследствие более высокой численности и доли бурятского этноса в сравнении с русскими, так и наличия особых религиозных установок (буддизм). Кроме того, причиной более выраженной национальной идентичности, вероятно, служило социально-экономическое положение округа, которое выгодно отличало его от Читинской области на момент объединения двух субъектов. Полагаем, что наличие вышеуказанных

особенностей способствовало предоставлению администрации АБО наибольшего спектра полномочий в сравнении с УОБО и существенного представительства интересов округа на уровне объединенного региона.

Стоит отметить, что общей особенностью бурятских округов в Иркутской области и Забайкальском крае служит высокая степень поддержки В.В. Путина, которая также отразилась на последних президентских выборах в 2018 г.: в УОБО за действующего президента проголосовало 80 %, в АБО – 73 % жителей. Р.Ф. Туровский отмечал по аналогичному поводу, что власти нет смысла заниматься этими территориями, так как проблемы и недовольство агинцев и устьордынцев никак не отражаются на результатах выборов [Слияние..., 2018].

Объединение Красноярского края с Таймырским Долгано-Ненецким и Эвенкийским автономными округами, поддержанное губернатором Красноярского края А.И. Лебедем, вызвало негативную реакцию со стороны со стороны губернаторов округов О.М. Бударгина (Таймыр) и Б.Н. Золоторева (Эвенкия). В частности, губернатор Эвенкии заявлял, что укрупнение регионов может привести к исчезновению северных коренных народов, в дальнейшем сместив акцент с возможных национальных проблем на необходимость сохранения уровня жизни населения в объединенном субъекте [Лебедева, 2012].

Как и большинство подобных реформ, необходимость проведения данного проекта обосновывалось обоюдной выгодой для субъектов: автономные округа богаты природными ресурсами, но их развитию препятствовала низкая инвестиционная привлекательность, связанная с плохо развитой инфраструктурой и сложными климатическими условиями. Референдум состоялся 17 апреля 2005 г. и его результатами стали в Красноярском крае 92,2 % голосов «за», против – 7 %, в Таймырском автономном округе 69,9 % – «за», «против» – 29,1 %, в Эвенкии 79 % – «за», 21 % – «против» [Референдум..., 2005].

В новом объединенном субъекте территории бывших автономных округов были оформлены в качестве муниципальных районов, наделенных особым статусом. Однако в Уставе Красноярского края не дается разъяснения по поводу особого статуса, что привело к протестным настроениям среди населения округов. В частности, в 2008 г. жители Эвенкии вышли на улицу с требованием или разъяснить, что такое «особый статус», или вернуть району его прежние полномочия. Озвучивалась даже идея превращения Эвенкии в республику с наделением статуса субъекта федерации [Лебедева, 2012]. В 2017 г. на Таймыре планировалось проведение референдума по возвращению территории статуса национального автономного округа [Таймыр..., 2017].

На данный момент в региональном парламенте представлены в совокупности четыре депутата (8 %) от Таймыра и Эвенкии из пятидесяти, а также шесть человек состоит в комитете по делам Севера и коренных малочисленных народов. Малое представительство в региональном парламенте не способствует решению насущных проблем жителей этих районов.

Последствиями объединения стало сокращение ряда структур, что наглядно проявилось в Таймырском Долгано-Ненецком районе. По словам ряда северян, в результате объединения с Красноярским краем на Таймыре были сокращены многие организации – Роспотребнадзор, налоговая служба и инспекция труда, военный комиссариат, СЭС, жилищный надзор. Существенно уменьшилось количество инспекторов ГИМС и Рыбинспекции. Также северяне жалуются, что жители глубинки не могут получить простейшие госуслуги, сокращены ФАПы и койко-места в больницах, поскольку Таймыр со своими проблемами затерялся в масштабах всего Красноярского края [Красноярский..., 2017].

Не лучше ситуация в Эвенкии, где с каждым годом теряется управляемость. Ликвидация на ее территории Байкитского, Тунгусско-Чунского и Илимпейского районов и переход на поселенческую модель сильно осложнили жизнь населения. Жизненно важные справки и разрешения

невозможно получить по месту жительства. Красноярские чиновники и депутаты продолжают говорить о некоей «раздутости штатов», не понимая, что площадь в 763 тыс. кв. км (это площадь таких государств как Турция или Чили) требует особого управления и нельзя всё сводить к численности населения и каким-то нормативам, разработанным совсем для других территорий.

Между тем количество работников государственных структур в Эвенкии продолжает сокращаться. Так, в 2006 г. в ОВД работало 214 человек, а на начало 2013 г. – уже 146, в службе приставов, соответственно – 75 и 23, ФОМС – 22 и 7, УПФР – 58 и 51, налоговой инспекции – 92 и 10, Роспотребнадзоре – 34 и 22, узле электросвязи – 110 и 25, статистике – 28 и 5, казначействе – 75 и 31 и т. п. [Об особом..., 2009]. Некоторые структуры вообще ликвидированы, в том числе БТИ, пункты техосмотра автомобилей и даже инспекция труда. Более того, сокращению подверглись жизненно важные для Эвенкии структуры: в Госрыболовхохране было до объединения 10 работников, осталось 6; в Охотинспекции, соответственно – 52 и 4; в лесной службе – 190 и 60 [Там же]. Некоторые службы (БТИ, казначейство, Сбербанк), видимо, для удобства населения перенесли за тысячу километров от Эвенкии под Красноярск.

На сегодняшний день Эвенкия является основным местом сохранения эвенкийского языка и эвенкийской культуры. В то же время потеря статуса автономного округа и соответственно субъекта федерации РФ ставит под угрозу само существование эвенкийского этноса в России. Всероссийская перепись 2010 г. выявила удручающую картину – языком владеют всего 4 310 человек из общей численности эвенков России 38 396 человек. После потери статуса субъекта РФ Эвенкия уже не может выполнять функцию сохранения и защиты эвенкийского этноса и эвенкийской культуры. Во время объединения Эвенкийского автономного округа с Красноярским краем предполагалось, что эту функцию возьмет на себя край. Однако взятые на себя обязательства Красноярский край не исполнил [Там же].

Что касается финансирования Таймыра и Эвенкии, то эффект и отдача для коренных малочисленных народов стали еще меньше. Среди КМНС Таймыра и Эвенкии около 60 % являются безработными, средняя продолжительность жизни составляет 37 лет [Требования..., 2015]. Кроме того, с объединением субъектов актуализировались проблемы, связанные с природопользованием. В первую очередь, это связано с вхождением на территорию бывших автономных округов промышленных компаний по разработке недр – «Роснефть» (Юрубчено-Тохомское месторождение в Эвенкии), «Лукойл» (Таймыр) [Объединение..., 2010].

Единицами более низового территориального уровня, в которых выражена национальная специфика, являются «места традиционного проживания и традиционной деятельности коренных малочисленных народов РФ». Поскольку в данном случае речь идет только о народах Севера, то далее эти этнические территории будем называть «местами традиционного проживания КМНС». Данные этнические территории находятся в рамках муниципальных районов, поселений, населенных пунктов.

Перечень мест традиционного проживания КМНС (прил. А) является приложением к Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999 г.). Настоящий Федеральный закон устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов. В субъектах РФ существуют разные подходы к определению мест традиционного проживания КМНС: одни регионы предпочли выделить как муниципальные районы, так и сельские и городские поселения, межселенные территории, отдельные населенные пункты; другие ограничились отдельными сельскими и городскими поселениями и т. д. (табл. 2).

Группировка регионов Восточной Сибири в зависимости от подхода к определению перечня мест традиционного проживания и традиционной деятельности коренных малочисленных народов РФ

Регионы	Примечание
<u>1. Муниципальные районы, отдельные сельские и городские поселения и межселенные территории, отдельные населенные пункты</u>	
Республика Бурятия	Без отдельных межселенных территорий и городских поселений
Красноярский край	Без отдельных межселенных территорий, городских поселений и населенных пунктов
Иркутская область	Без отдельных населенных пунктов
<u>2. Отдельные сельские и городские поселения</u>	
Республика Хакасия	
Республика Тыва	Без отдельных городских поселений
<u>3. Отдельные населенные пункты, входящие в сельские поселения и межселенные территории</u>	
Забайкальский край	
Республика Саха (Якутия)	Без населенных пунктов в составе межселенных территорий

Составлено автором

В Восточной Сибири «места традиционного проживания КМНС» расположены на территории 51 района, из которых 21 находится в Якутии, 8 – в Иркутской области, 7 – в Бурятии, 6 – в Красноярском крае, 4 – в Туве, 3 – в Забайкальском крае, 2 – в Хакасии (рис. 2).

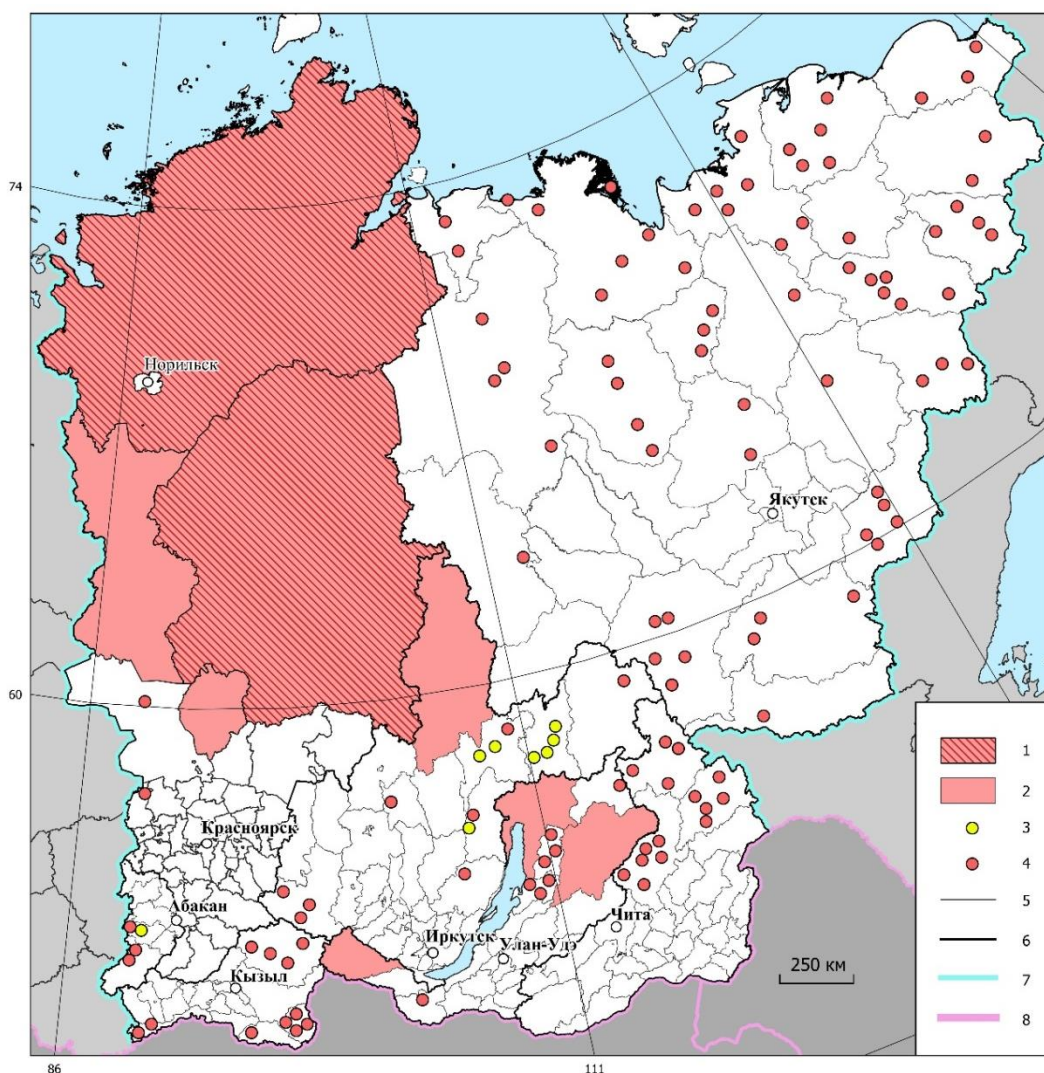

Рис. 2. Места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в Восточной Сибири по состоянию на 2021 г.

Места традиционного проживания КМНС: муниципальные районы полностью – 1 – с особым статусом, 2 – прочие; отдельные городские и сельские поселения, сельские населенные пункты – 3 – городские поселения, 4 – сельские поселения и населенные пункты. Границы: 5 – муниципальных районов, 6 – субъектов РФ, 7 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 8 – государственные.

Составлено автором

Принадлежность к местам традиционного проживания КМНС, согласно упомянутому Федеральному закону, предполагают защиту исконной среды обитания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов. Однако некоторые положения этого закона трудно реализуемы. Право безвозмездного пользования КМНС природными богатствами (что происходит редко) требует специального правового регулирования в

отраслевых законах (Земельном, Лесном, Водном Кодексах РФ) и федеральных законах, детализирующих сферу применения прав пользования землями различных категорий. Кроме того, если ранее у некоторых общин и были зарегистрированы договоры безвозмездного пользования землями, например, лесного фонда, то с 2009 г. они были обязаны переоформить такие договоры на праве аренды, что подразумевает платность данного ресурса и входит в противоречие с вышеуказанным законом [Север..., 2012]. Впрочем, в некоторых регионах приняты меры для обеспечения опосредованного осуществления права безвозмездного пользования. В частности, в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края для общин КМНС и крестьянских (фермерских) хозяйств среди мер социальной поддержки предусмотрена компенсация расходов на оформление территорий (акваторий), необходимых для осуществления пользования объектами животного мира, водными биоресурсами [Там же].

В данном законе также указывается на необходимость проведения этнологической экспертизы, которая включает в себя оценку хозяйственных проектов и риски их реализации, возникающие для исконной среды обитания КМНС. Тем не менее, на федеральном уровне не отрегулирован механизм таких экспертиз, в рамках же Восточной Сибири они проводились лишь в Якутии. Другим проблемным аспектом в отношении традиционного природопользования, в том числе и в местах проживания КМНС, являются убытки, причиненные окружающей среде и методика их исчисления. Следует отметить, что Методика исчисления убытков, принятая Министерством регионального развития в 2009 г., редко реализуется. К сожалению, данная Методика носит более рекомендательный характер, потому что фактически не обязывает промышленные компании оплачивать нанесенный ущерб. На данный момент убытки возмещаются по доброй воле лиц, причинивших вред, как правило, по договоренности сторон без расчета реального ущерба для территории природопользования.

Определенной разновидностью мест традиционного проживания КМНС можно считать так называемые «национальные» муниципальные районы и сельские поселения (прил. Б). К национальным районам Восточной Сибири принадлежат в Якутии Анабарский (долгано-эвенкийский), Жиганский (эвенкийский), Оленекский (эвенкийский) и Эвено-Бытантайский национальные улусы; в Бурятии – Баунтовский эвенкийский район. Статус национальных районов в целом близок к статусу муниципальных районов, отнесенных полностью к местам традиционного проживания КМНС. Выделение национальных районов принадлежит к компетенции регионов – субъектов РФ. Например, наделение административно-территориального образования статусом «национальный» в пределах Республики Саха (Якутия) может быть в случае, если национальные группы коренных малочисленных народов, проживающие на этой территории, составляют не менее 30 процентов от числа населения соответствующей местности, и при добровольном согласии граждан, выраженном большинством голосов участников проведенного референдума или схода (собрания).

Помимо мест традиционного проживания КМНС, выделяются территории традиционного природопользования (ТТП) – особо охраняемые территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни малочисленными народами [Федеральный..., 2001]. Согласно Федеральному закону о ТТП 2001 г., регулирование вопросов, связанных с охраной территории, может осуществляться на трех уровнях: федеральном, региональном и местном. Но фактически на данный момент не существует ни одной федеральной ТТП, образованной решением Правительства РФ совместно с органами власти соответствующих субъектов. Имеющиеся ТТП были сформированы лишь решениями Правительств регионов и органов местного самоуправления на основе обращений малых народов или их уполномоченных представителей. Данный закон предполагает создание территории в соответствующих границах, где устанавливается правовой режим по использованию природных ресурсов, охраны окружающей

среды и историко-культурного наследия. Созданные территории не являются частью административно-территориальной иерархии, основанной на этнической составляющей (республика – АТЕОС – места традиционного проживания КМНС) и характеризуются тем, что закрепили правовой режим некоторых мест традиционного проживания КМНС из перечня закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» 1999 г.

Сравнение официально выделенных «мест традиционного проживания коренных малочисленных народов РФ» (см. рис. 2) и фактического расселения КМНС в Восточной Сибири (рис. 3) показывает, что реальный ареал расселения данных народов существенно шире приведенного в Перечне «мест традиционного проживания». Отчасти это связано с тенденцией все большего сосредоточения КМНС в региональных центрах и других городах, т. е. явно не в «местах традиционного проживания». Видимо, при выделении этих «мест» были недостаточно учтены также группы КМНС с малой численностью, проживающие дисперсно среди других этносов и т. д.

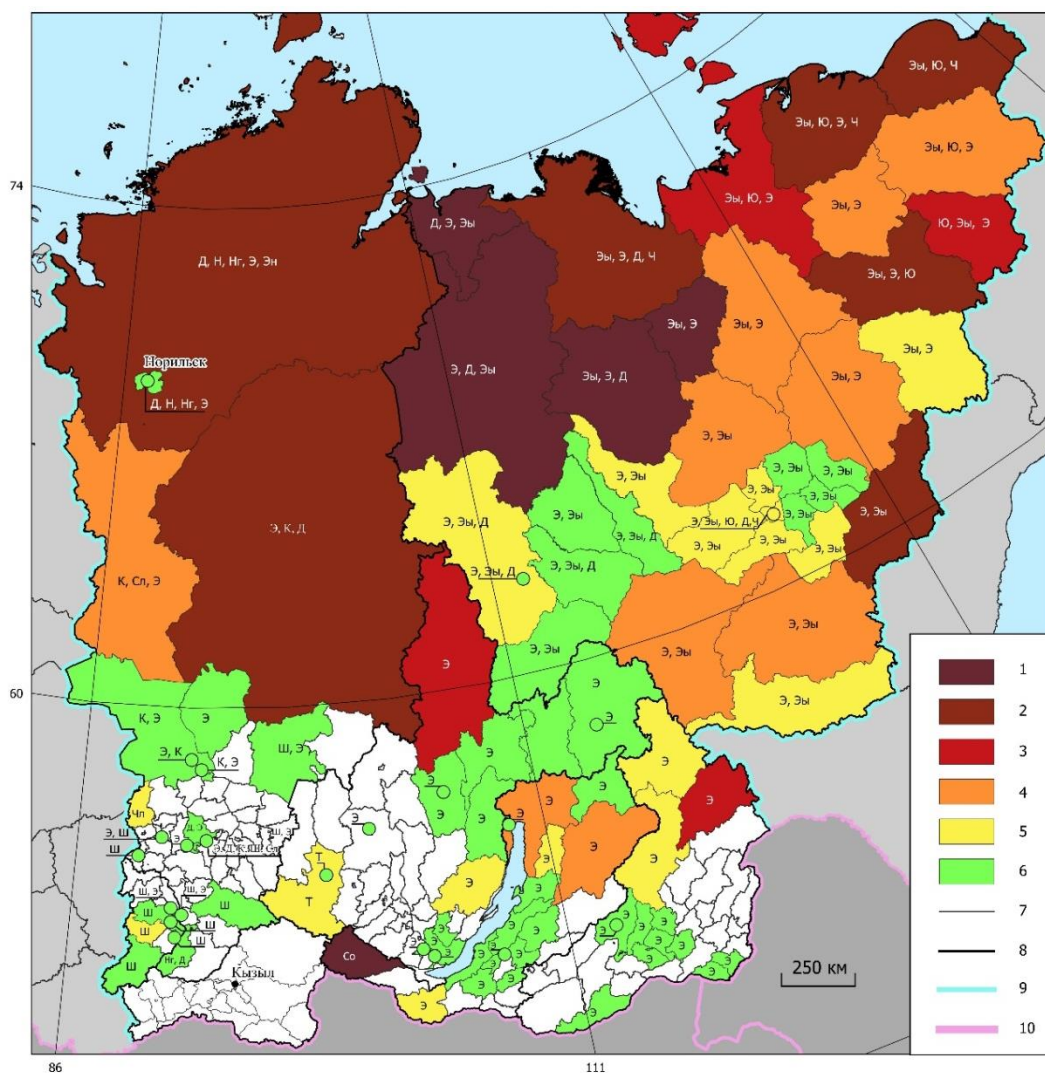

Рис. 3. Расселение коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и их доля в населении районов и городов Восточной Сибири в 2010 г.

Доля КМНС, в %: 1 – свыше 50, 2 – 20–50, 3 – 10–20, 4 – 5–10, 5 – 1–5, 6 – ниже 1. 7 – преобладающие КМНС: д – долганы, н – ненцы, нг – нганасаны, э – эвенки, эн – энцы, эы – эвены, к – кеты, сл – селькупы, ш – шорцы, чл – чулымцы, т – тофалары, со – сойоты, ю – юкагиры, ч – чукчи. Границы: 7 – муниципальных районов, 8 – субъектов РФ, 9 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 10 – государственные.

Примечание: Учтены муниципальные образования с суммарной численностью КМНС более 10 чел. в 2010 г.

Составлено автором

Проблемы КМНС в местах своего традиционного проживания достаточно остры и обширны и является отдельным предметом изучения. Дадим лишь их краткую характеристику в разрезе регионов Восточной Сибири.

Закономерно, что этническая компонента представляется значимой в субъектах, сформированных по национальному признаку. Идея возрождения в наибольшей степени затронула Бурятию и Туву, где наряду с усилением позиций титульных наций, произошел рост самосознания таких этнических групп, как сойоты и тувинцы-тоджинцы. При этом в сравнении с советским периодом происходит снижение количества и доли русских, вызванное как блоком социально-экономических причин, так и дискриминацией по национальному признаку, что особенно заметно на примере Республики Тыва. На наш взгляд, этническая компонента гармоничнее выражена в Якутии, в которой вследствие мозаичного национального состава сложилась законодательная база, учитывающая интересы русского населения, якутов и КМНС, а национальные конфликты между тремя основными группами национальностей сведены к минимуму.

В Республике Бурятия к этнической группе, которая заново обретает свою идентичность, относятся сойоты, проживающие в Окинском районе. К идее возрождения этого этноса в республике относятся с плохо скрываемым скепсисом. По мнению Ю.Н. Пинигиной [Байкальский..., 2002], анализ государственных документов по данной тематике свидетельствует о том, что власть лояльно отнеслась к феномену зарождения этнического самосознания сойотов, но поскольку признание данного этноса требует бюджетных затрат, власти Бурятии на решение этой проблемы предпочитают расходовать средства экономно. Республиканское начальство призывает возрождать язык и традиционные формы хозяйствования (охоту, оленеводство, высокогорное яководство), а не настаивать на решении проблем инфраструктуры и социальной сферы района за счет трансфертов из республиканского бюджета.

По данным нашего опроса, более всего сойотов (Сойотское МО) волнует недостаточная поддержка властями традиционного образа жизни за счет льгот (охота, рыбная ловля, яководство, квоты при поступлении в учебные заведения) и бюрократические сложности их получения (42,4 %). Еще одна проблема – низкое качество дорог в Окинском районе (25,4 %). В равной

степени (6,8 %) респондентов волнует внедрение сойотского диалекта (ранее утраченный язык) в образовательный процесс, высокие тарифы на электроэнергию, малое количество сотовых вышек, полное отсутствие связи и интернета в некоторых населенных пунктах.

Власти республики сосредоточили свое внимание также на реализации дополнительных гарантий избирательных прав эвенков, что отражено в соответствующем Законе 1998 г. [Байкальский..., 2002]. Согласно ему, избирательный округ по выборам депутата Народного Хурала от эвенков формируется на территориях Баунтовского, Курумканского и Северобайкальского районов. Кандидатом в депутаты Народного Хурала может быть только представитель эвенкийского народа.

В Республике Тыва КМНС представлены тувинцами-тоджинцами, которые в 1993 г. получили статус малочисленного коренного народа и с 2002 г. стали учитываться в переписи населения как общей массе тувинцев, так и в качестве отдельной этнической группы. В 2004 г. Верховным Хуралом был принят закон «О родовой общине коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев», обеспечивающий государственную защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни и ведения хозяйства тоджинцев. Ранее, указом 1995 г. Президента республики «О мерах по развитию оленеводства в республике» предусматривалось, что поголовье оленей, имеющих в сельскохозяйственных предприятиях и общинах, является их коллективной собственностью, и приватизации не подлежит [Монгуш, 2017]. Данная мера представляется важной, поскольку, например, в Эвенкии, были применены неудачные попытки приватизации оленьих стад, что негативно сказалось на развитии этой отрасли сельского хозяйства. В целях представительства интересов тоджинцев была создана Ассоциация «Тос-Тадыр», состоящая из пяти родовых общин.

В Хакасии среди представителей КМНС выделяются шорцы, численность которых по последней переписи составляет 1150 человек (0,2 %). Наиболее крупными ареалами проживания данного народа являются

Аскизский (569 человек – 1,4 %) и Таштыпский (250 человек – 1,5 %). Следует отметить, что в 2012 г. был сформирован Совет представителей коренных малочисленных народов при Правительстве Республики Хакасии. Однако функции Совета являются декларативными по своей сути, поскольку шорцам, чтобы получить некоторые полагающиеся льготы (более ранний выход на пенсию, квоты на поступление в вузы, возможность свободной охоты, рыбалки и т. д.), приходится в судебном порядке доказывать свою этническую принадлежность [Шорцы..., 2017]. Кроме того, немаловажны проблемы сохранения языка и культурного наследия в целом: шорский язык на данный момент преподается внеурочно, практически отсутствует учебная и методическая литература, а также болезненно стоит вопрос с преподавательскими кадрами и их подготовкой [Там же].

Одним из наиболее новых и примечательных законов Республики Саха по защите КМНС является закон «О кочевой семье», принятый в 2016 г. Цель закона состоит в установлении статуса кочевой семьи в Якутии и определении системы экономических, социальных и правовых гарантий, обеспечивающих повышение жизненного уровня [Этнонациональные..., 2017]. В целом же, законодательная база по национальному вопросу в республике, в том числе применительно к КМНС, представляется достаточно обширной и является отдельной темой для изучения. Полагаем, что в Якутии созданы наиболее благоприятные условия для коренных малочисленных народов.

В области защиты прав КМНС при Главе Республики Саха функционирует институт Уполномоченного по правам КМНС. Задачами Уполномоченного являются рассмотрение обращений, поступающих от коренных малочисленных народов и принятие соответствующих мер по собственной инициативе в пределах своей компетенции [Там же].

Среди организаций, отстаивающих права и интересы КМНС, выделяется «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (АКМНС), которая располагается в двадцати улусах и состоит из пяти ассоциаций (долган, эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров) и секции

русских старожилов. Данная организация представляет интересы КМНС в органах государственной власти, местного самоуправления, международных и общественных организациях. Каждая из пяти национальных ассоциаций заключила договоры с министерствами; например, Ассоциацией эвенков заключен договор с Министерством сельского хозяйства и заготовок. Кроме того, АКМНС вносит свои предложения, касающиеся поддержки коренных малочисленных народов: установление квот на рабочие места в предприятиях, которые разрабатывают природные ресурсы Южной Якутии (кроме подсобных работ), выделение грантов на создание предприятий малого бизнеса в сфере услуг и туризма в местах проживания КМНС, организация целенаправленной подготовки специалистов из числа КМНС для работы на проектах Корпорации развития Южной Якутии [Север..., 2012].

В Иркутской области губернатором учреждена должность советника по делам коренных малочисленных народов Севера. С 2008 г. осуществляет свою деятельность Иркутская региональная организация «Союз содействия коренным малочисленным народам Иркутской области». Данное объединение представляет интересы эвенков и тофов на всех уровнях, и его целью является содействие КМНС в решении социально-экономического и этнокультурного характера.

В Иркутской области зарегистрировано 26 общественных объединений коренных малочисленных народов, из них 22 находятся на территории традиционного проживания (по данным 2010 г.) [Там же]. Серьезной проблемой для объединений КМНС служит низкий образовательный уровень, крайне незначительное количество специалистов в области юриспруденции и экономике, которые могли бы представлять интересы своего народа в различных структурах власти. Среди организаций данного профиля следует выделить «Эвенкийский национальный центр», созданный в 2003 г. в Катангском районе, главными задачами которого являются сохранение и популяризация культурного наследия, поддержка изучения родного языка в муниципалитете.

В Забайкальском крае действует основная организация «Ассоциация малочисленных народов Севера», представляющая интересы эвенков в области защиты культурного наследия и определяющая приоритеты социально-экономического и культурного развития. При правительстве Забайкальского края функционирует Совет по делам народов Севера. Кроме того, представители коренных малочисленных народов Забайкальского края входят в Консультативный Совет по делам КМНС при полномочном представителе Президента РФ в СФО [Там же]. Данная структура полномочна координировать действия органов государственной власти Забайкальского края и органов местного самоуправления региона в целях реализации мер, направленных на поддержку, защиту прав и интересов КМНС.

В Красноярском крае среди общественных организаций, отстаивающих права и интересы КМНС, присутствует размежевание по национальному признаку (эвенки, долганы и др.), а также по месту нахождения (по муниципалитетам). Представители данных объединений включены в Палату КМНС при Общественной палате Красноярского края [Палата..., 2020]. Одним из первых объединений является ассоциация «Арун», созданная в 1989 г. в Эвенкийском автономном округе. Эта организация занимается широким спектром вопросов: социально-экономическая сфера, взаимоотношения с недропользователями, закрепление на федеральном уровне территорий традиционного природопользования, культура и сохранение языков.

К сожалению, обычные жители мало осведомлены о деятельности организаций, призванных защищать их интересы. Чаще всего, людям проще обратиться за помощью к представителям Департамента по делам КМНС, а не к «абстрактным» ассоциациям. Вероятно, что данная неосведомленность вызвана неудобным расположением организаций. Так, например, деятельность уже упомянутой Ассоциации «Арун» ведется в Байкитской группе поселений, поэтому жители других групп поселений чувствуют себя обделенными в ситуации, когда им нужна поддержка [Север..., 2012].

В Эвенкии среди других общественных структур, можно также выделить Молодежный парламент и Совет общественности. Они активно взаимодействуют с общественными организациями и гражданами, контролируют выполнение законодательства, а также занимаются организацией и проведением мероприятий в области природоохранной деятельности, культуры и образования, в том числе для КМНС района [Там же]. Также в Красноярском крае действует должность уполномоченного по правам по правам коренных малочисленных народов.

Разный статус этнических территорий в Восточной Сибири оказывает принципиальное влияние на современное положение крупных коренных и малочисленных народов, на дифференциацию политико-географических процессов. Так, результатом разностатусности служат относительно высокая или низкая степень участия коренных народов в принятии решений на уровне субъектов, что обычно выражается в их представительстве в законодательных органах регионов. Кроме того, немаловажным представляется и состояние этнокультурной специфики (язык, культура и традиции), которое непосредственно формирует национальную идентичность. В данной связи положение коренных крупных и малочисленных народов, проживающих в республиках, бывших автономных округах, отдельных муниципальных районах, в том числе с этнической спецификой, значительно различается.

Выводы по главе 1

В географических и других работах, посвященной этнической тематике, делается акцент на вопросах роли ландшафта в судьбе этносов; структуре этнического пространства (этнокультурный регион по Т.И. Герасименко), состоящей из ядра и этноконтактной зоны (ЭКЗ), или по мнению С.Г. Сафронова из «русского мегаядра», национальных регионов, переходных этноконтактных зон («внешних» или «внутренних»); разбираются методологические недостатки переписи, среди которых недоучет некоторых народов, скрытие информации о их численности в целях конфиденциальности, сложность учета прибывших мигрантов и заполнение листов переписи по

имеющимся данным органов власти, без личного общения с людьми. Общероссийские тенденции расселения этносов, актуальны в том числе и для восточносибирских регионов, а именно, уменьшение численности и доли русских, увеличение количества лиц, неопределившихся со своей национальностью, что чаще наблюдается именно в «русских» регионах и гораздо менее выражено в «этнических» субъектах; постсоветская коренизация, которая проявляется в Восточной Сибири как «выдавливание» в разных формах русского населения из республик (например, из Тувы), включая его отток по экономическим причинам (безработица, конкуренция за престижные рабочие места) и т. д.

Для этнического пространства Восточной Сибири характерно неравенство статуса ее территориальных образований. Главенствующее место в иерархии занимают республики, которые, являясь государствами, согласно Конституции РФ, обладают своим основным законом и прочими государственными актами, национальными языками, территорией, которая не может быть изменена без согласия местных властей и т. д. Положение АТЕОС или единиц с «особым» статусом менее конкретизировано с точки зрения – не был разработан соответствующий законопроект на федеральном уровне, положения о данных территориальных образованиях содержатся лишь в региональных уставах (Красноярского края 2008 г., Иркутской области и Забайкальского края 2009 г., Законом Красноярского края 2015 г.). Чаще всего АТЕОС претендуют на некую долю представительства депутатов в законодательном органе объединенного субъекта РФ и преимущества в вопросах местного самоуправления: возможность определять границы МО, иные принципы расчета бюджетных трансфертов и др. Создание мест традиционного проживания КМНС, часть из которых также относится к национальным районам и сельским поселениям, предполагает защиту исконной среды обитания малочисленных народов и дает им право безвозмездного использования ресурсами природы, возможность создать ТТП с особым охраняемым режимом (последнее не было реализовано на федеральном

уровне). Но на практике часто пользование природными ресурсами для КМНС затруднено – с 2009 г. общины КМНС были обязаны платно переоформить договоры на землю, для получения льгот на охоту, рыбную ловлю необходимо установить свою национальную принадлежность в судебном порядке и пр.

Существует три подхода к интерпретации понятия «этнос». Примордиализм (представители Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев) предлагают рассматривать данный концепт через призму истории, культуры и географической среды. Конструктивисты (В.А. Тишков) считают этничность плодом интеллектуальных усилий писателей, ученых и политиков и оспаривают ее как объективную реальность. Самая молодая деятельностная парадигма (к представителям относят Ю.В. Иванову, К.Х. Момджана, Э.С. Маркаряна) рассматривает этносы как самостоятельные коллективы, существующие независимо от общественно-экономических формаций тех или иных исторических периодов.

Для данного исследования представляются важными такие понятия, как национальный состав, этнические процессы. Особую роль в рамках работы играет концепт «этнический фактор», под которым понимается влияние, которое коренные этносы оказывают на политико-географические процессы – итоги выборов и этнокультурную специфику. В свою очередь, это предполагает использование возможностей междисциплинарных гуманитарных наук: политологии, социологии, лингвистики, а также демографии для анализа динамики этнического пространства макрорегиона. С помощью данного спектра научных дисциплин были определены основные и вспомогательные методы – работа со статической информацией (данные переписей, избирательных комиссий), корреляционный анализ математической статистики, картографический, сравнительно-географический, полевых исследований и наблюдений, опроса населения.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ

В данной главе раскрываются особенности этнического пространства Восточной Сибири, начиная с XVII в. и заканчивая постсоветским этапом по состоянию на 2010 г. Решается задача № 2: установить основные тенденции постсоветской трансформации этнического состава населения Восточной Сибири на трех территориальных уровнях – макрорегиона в целом, регионов (субъектов РФ), муниципальных образований. В начале главы раскрываются историко-географические аспекты формирования населения Восточной Сибири: этнический состав населения районов Восточной Сибири во времена Российской империи, складывание национальных административно-территориальных единиц в советские годы, их трансформация после распада СССР. Основательно проанализирован этнический состав населения Восточной Сибири по последней переписи 2010 г. Анализ этнического пространства Восточной Сибири проведен на уровне как всего макрорегиона, где рассматривается изменение численности и доли этносов и их групп, так и отдельных субъектов РФ и их МО. Выделено три типа регионов – «русские», «этнические», промежуточные (Хакасия); рассчитан ИЭМ для субъектов РФ и МО.

С помощью применения адаптированных нами методик А.Г. Манакова, С.Г. Сафронова, С.Н. Стрелецкого, а также расчета ИЭМ выявлены следующие тенденции, характерные для национального состава Восточной Сибири на постсоветском этапе: усиление поляризации районов и городов на «русские» и «этнические»; рост моноэтничности центров «русских» регионов; постепенное замещение русских в столицах «этнических» регионов, что наиболее характерно для Тувы; почти повсеместное повышение доли КМНС в «местах традиционного проживания» и растущая их концентрация в региональных центрах.

2.1 Историко-географические особенности формирования этнического состава населения, образования национально-территориальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий

Коренное население Восточной Сибири представлено широким спектром национальностей, среди которых выделяются как крупные народы (буряты, якуты, тувинцы и хакасы), так и малочисленные (долганы, кеты, нганасаны, ненцы, селькупы, сойоты, тофалары, тувинцы-тоджинцы, чукчи, чулымцы, шорцы, эвенки, эвены, энцы и юкагиры). Помимо количественных отличий, местные коренные народы различаются между собой принадлежностью к языковым семьям и группам. Наиболее обширной в Восточной Сибири является алтайская языковая семья, которая подразделяется на три ветви: тюркскую, монгольскую и тунгусскую. Тюркская ветвь включает в себя алтае-саянские народы (тувинцы, хакасы, шорцы, чулымцы, тофалары) и народы Крайнего Севера (якуты и долганы), ареалы обитания долган находятся на востоке Таймыра в бассейне р. Хатанга. Монгольская ветвь представлена бурятами, проживающими на территории Байкальского региона. В тунгусской ветви народов Восточной Сибири выделяются эвенки (тунгусы), ареалы которых разбросаны по обширной территории от Енисея до побережья Охотского моря и от Прибайкалья до Ледовитого океана, и эвены (ламуты), расселенные в ряде районов северной Якутии.

До прихода русских наиболее многочисленными народами Восточной Сибири были якуты, буряты и тунгусы. В.В. Воробьев [1977] указывает на их примерную численность, которая составляет 100 тыс. человек. В сравнении с огромной площадью края (7,2 млн км²), следует, что один человек приходился на 72 км².

В целом, взаимоотношения между коренным и пришлым населением можно охарактеризовать как нейтральные, которые сопровождались выплатой

ясака (натурального налога). Исключения составляют первичный этап освоения земель края, в частности, затруднение продвижения русских на юг и приостановление их движения у Красноярска в 1628 г., вследствие сопротивления енисейских киргизов, занимающих Минусинскую котловину. Конфликт между русским населением и киргизами был окончательно завершён в 1703 г., когда последние перекочевали с верхнего Енисея в Джунгарию.

XVII в. характеризуется формированием, развитием и расселением по территории Восточной Сибири русских и отчасти коренных народов. Безусловно, что наиболее значимые процессы (внешняя и внутренняя миграция) были свойственны для русского населения, однако этот вопрос достаточно обширен и не является предметом пристального внимания в данной работе. Среди коренных народов наиболее характерно было дальнейшее расселение якутов, которые осваивали верховья Яны, земли по Вилюю и низовья Лены. Далее якуты продвинулись до устьев рек Олекмы, Оленека, Анабара и Индигирки, низовьев Яны и Хатанги. Среди части бурятского населения наблюдалась миграция в Монголию, в последующем некоторые из мигрировавших вернулись обратно, а из Монголии на земли бурятов переселились племена атаганов, ашехабатов, узонов, цонголов, хатагинов. Таким образом, происходил процесс объединения бурятов как этноса и включения в его состав новых племен. Также ненцы, проживающие в Мангазейском уезде, мигрировав на восток, к началу XVIII в. они заняли всю территорию, расположенную к западу от Енисея, и вытеснили энцев на земли к востоку от реки.

С начала XVIII в. и до второй половины XX в. численность коренных народов значительно выросла: со 103 до 485 тыс. чел., т. е. практически в 5 раз. Однако их доля в национальном составе характеризуется существенным снижением: до начала XVIII в. они составляли 60 % населения, к началу XIX в. – около 50 %, в 1860 г. – 38,4 % [Там же]. Данная закономерность во многом была определена как миграционным притоком в Восточную Сибирь русского

населения, так и его устойчивым естественным приростом, в отличие от коренного населения, среди которого смертность была выше.

В.В. Воробьевым [Там же] для периода с XVIII по первую половину XIX в. были выделены *районы с преобладанием русского населения*, к которым относились: южная часть Приенисейского края (правобережная часть Минусинского округа, северная часть Ачинского округа); Восточное Забайкалье; Предсаянье (Нижеудинский и Канский округа). Данные территории характеризовались *стремительным притоком переселенцев*. К местностям с преобладанием русского населения относились также Илимский (Киренский) и Енисейский районы, что было связано с *естественным приростом*, протекавшим не столь быстрыми темпами как переселенческие миграции.

Более сложно картина обстоит с районами *с преобладанием или большей ролью аборигенов*. В данной группе выделяются *районы с большим числом русских переселенцев*, где происходило интенсивное смешивание населения – Западное Забайкалье и Прибайкалье (Иркутский район). В обоих случаях наблюдалась ассимиляция эвенков. В Западном Забайкалье ощущалось преобладание бурятов, однако вследствие большого притока переселенцев численность русских почти сравнялась с численностью бурятов. В Прибайкалье наблюдалось чересполосное размещение русских и бурят, обуславливающее взаимное влияние народов, причем приток переселенцев привел к концу первой половины XIX в. к преобладанию численности русских.

К *районам с малым числом русских и незначительным их притоком относились* Центральная Якутия, Туруханский край, а также ареалы с интенсивным притоком якутов или бурятов, сопровождаемым ассимиляцией малочисленных народов (эвенков, юкагиров) – Вилюй, Колыма, Яна, Индигирка, Баргузин. Следует также отметить, что в Якутии наблюдалась ассимиляция русских якутами. Русские жители, проживающие в Амгинской слободе, у Олекминска, на Вилюе, на Лене у Якутска, находясь в тесном окружении якутов, занимались, как и последние, скотоводством, переняли у

них многие бытовые и хозяйственные навыки. В итоге во втором – третьем поколениях они уже мало чем отличались от коренного народа – утратили русский язык и перестали себя идентифицировать как русских.

Отдельно стоит упомянуть о начавшихся в указанный период процессах образования новых национальностей. В частности, на левобережье Енисея в Минусинском и Ачинских округах из разных тюркоязычных народностей и ассимилированными ими южных самодийцев и кетов начала оформляться новая тюркоязычная народность (предки современных хакасов). На Таймырском полуострове в течение XVIII–XIX вв. посредством слияния тунгусов, якутов, русских и самодийцев образовывалась новая народность долганы. Кроме того, в это же время на Таймыре происходит образование этноса нганасан – народности самодийской группы.

Во второй половине XIX вв. численность племен и народностей Восточной Сибири продолжала расти, увеличившись с 485,1 тыс. в 1860 г. до 613,7 тыс. в 1897 г. Наиболее многочисленными в Восточной Сибири были буряты – 288,4 тыс., якуты – 244,9 тыс., эвенки – 49,6 тыс., хакасы (абаканские татары) – 40,6 тыс. Однако доля коренных народов в Восточной Сибири продолжала уменьшаться, составив в 1897 г. 30,3 %, а в 1917 г. – около 20 % [Воробьев, 1977]. В это время завершается формирование хакасской и долганской национальностей, которые были официально признаны после революции. Усиливались различия между группами бурятского этноса в темпах их ассимиляции русскими, что особенно заметно при сравнении прибайкальских и агинских бурятов, последние из которых в большей степени сохранили свою самобытность и обособленность от русского населения.

Относительно районов Восточной Сибири, заселенных русскими и коренными народами, во второй половине XIX в. произошли некоторые изменения. В частности, в Прибайкалье стало преобладать русское население, что наметилось уже в конце первой половины XIX в. Западное Забайкалье (Троицкосавский, Селенгинский, Баргузинский, Верхнеудинский уезды) перешло в разряд района со смешанным населением, где наблюдался

естественный прирост русского населения вкупе с небольшим притоком переселенцев, в то время как аборигенное население характеризовалось только естественным приростом. На Северо-Востоке (Верхоянский и Колымский уезды) продолжился приток якутов и ассимиляция ими малочисленных народов (юкагиров, ламутов). Вследствие этого и эпидемий оспы (1884 и 1889 гг.), кори и голодных лет наблюдалось сокращение численности юкагиров с 1280 чел. в 1859 г. до 664 чел. в 1897 г. Сокращение численности наблюдалось за вышеуказанный период и у ламутов (предки современных эвенов): с 4 до 3,2 тыс. чел., что помимо ассимиляции связано с уходом части ламутов на территорию Охотского округа.

После Октябрьской революции по мере укрепления советской власти создаются революционные комитеты, под управление которых перешли территории Сибири (Сибревком) и Дальнего Востока (Дальревком). С этого момента начинает складываться административно-территориальное деление (АТД), наиболее приближенное к современному. В 1920-е гг. на основе этнического принципа создаются республики, в частности, Якутская АССР (1922), Хакасский уезд (1923), две Бурят-Монгольские АССР (1921 г.), объединенные в единую Бурят-Монгольскую АССР (1923).

В это же десятилетие осуществляется масштабное районирование Сибири, которое привело к постепенной ликвидации губерний, уездов и волостей и замене их на окружное деление. Параллельно с вышеуказанным происходил процесс укрупнения волостей, а затем их преобразование в районы, что выразилось в ходе реорганизации административного устройства Якутской и Бурят-Монгольской АССР. В 1925 г. был образован Сибирский край, в состав которого вошли Красноярский, Минусинский, Хакасский и другие округа. Иркутская губерния как исторически сложившееся административно-территориальное образование была упразднена и поделена на три совершенно неравнозначные в экономическом и демографическом отношениях территории [Историческая..., 2009] – Иркутский, Тулунский и Киренский округа, также вошедшие в состав Сибирского края.

Новым витком административно-территориальных реформ ознаменовались 1930-е гг. Реформирование заключалось главным образом в переходе от трехуровневой (край–округ–район) к двухуровневой системе управления, исключая промежуточное звено в виде округов для усиления позиций советской власти в районах. Параллельно с вышеуказанным происходили преобразования на более высоком уровне: Сибирский край в 1930 г. был преобразован в Западно-Сибирский, включающий в себя районы, ранее входившие в Ачинский, Минусинский, Хакасский округа и др. В состав новообразованного Восточно-Сибирского края вошли восточные районы нынешнего Красноярского края, а также Иркутская и Читинская области и Республика Бурятия в административно-территориальных границах, близких к современным [Там же]. В Восточно-Сибирском крае в указанное десятилетие советскими властями также создаются национальные округа – Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Витимо-Олѣкминский (упразднен в 1938 г.).

Дальнейшие преобразования в области АДТ в довоенный период продолжили тенденцию разукрупнения краев и областей региона. В 1934 г. создан Красноярский край, в состав которого вошла Хакасская автономная область (АО), территории бывших Ачинского и Минусинского округов (Западно-Сибирский край), Канского и Красноярского округов (Восточно-Сибирский край), а также Эвенкийский и Таймырский национальные округа. В 1936 г. произошел выход Бурят-Монгольской АССР из состава Восточно-Сибирского края, сам же край был переименован в Восточно-Сибирскую область. Через год из края были выделены Иркутская и Читинская области. Наконец, одним из важных событий довоенного десятилетия, на наш взгляд, является отсоединение от Бурят-Монгольской АССР ее частей и присоединение их к Иркутской области (Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ) и Читинской области (Агинский Бурят-Монгольский национальный округ). Отношение бурятского народа к случившемуся носит противоречивый характер. По замечанию Б.М. Дамдинова [2009, с. 35],

«присоединение округов к Иркутской и Читинской областям могло рассматриваться и рассматривается некоторыми кругами как этап в ликвидации бурятской государственности».

По господствующей в российской историографии точке зрения, в 1940-е гг. и ранее в 1939 г. от тувинской политической элиты (в частности, от генсека С. Токи) исходили инициативы о вступлении Тувы в состав Советского Союза. Одной из наиболее весомых причин служили определенные трудности Тувы в получении экономической помощи от СССР, поэтому изменение статуса республики, как полагали ее руководители, могло существенно улучшить социально-экономическое положение [Отрощенко, 2017]. В итоге 11 сентября 1944 г. Президиумом Верховного Совета СССР было принято постановление о включении Тувы в состав советского государства в качестве автономной области. Еще одним событием, затронувшим АТД Восточной Сибири в данном десятилетии, послужила ликвидация Алданского округа в 1947 г. (был образован в 1939 г. в составе Якутской АССР).

Среди изменений следующего десятилетия в сфере АТД Восточной Сибири следует упомянуть исключение монгольской составляющей из названий национальных округов Иркутской и Читинской области; их новые наименования – Усть-Ордынский Бурятский (УОБНО) и Агинский Бурятский (АБНО) автономные округа. В свою очередь, в 1958 г. подобным образом была переименована Бурят-Монгольская АССР в Бурятскую АССР. Переименование коснулось и более низших административных единиц, например, в том же году Баунтовский туземный район стал именоваться Баунтовским аймаком. Интересные преобразования произошли с территориями, населенными коренными народами в Иркутской области: в 1950 г. был упразднен Тофаларский национальный район, а его территория вошла в Нижнеудинский район; напротив, произошло расширение Боханского аймака за счет сельсоветов (Буретский, Олонский и др.) упраздненного Кировского района.

В 1963 г. состоялась Всесоюзная реформа АТД, согласно которой производилось деление регионов Восточной Сибири на промышленные и сельские районы, также в Иркутской и Читинской областях были выделены города областного подчинения. Эта реформа способствовала укрупнению районов, например, в Красноярском крае вместо шестидесяти районов было образовано 4 промышленных и 35 сельских районов. Однако уже 1964–1965 гг. данное деление признано неэффективным, поэтому состоялся возврат к старой системе районного деления, что привело к росту и восстановлению в прежних границах районов. В 1964 г. в Тыве был образован г. Ак-Довурак. В Иркутской области через год аймаки УОБНО были переименованы в районы.

В 1972–1975 гг. произошло увеличение числа районов Усть-Ордынского Бурятского национального округа: из состава уже имеющих Аларского, Боханского и Эхирит-Булагатского были выделены соответственно Нукутский, Осинский и Баяндаевский районы. Аналогичным образом в Бурятии, как и в Иркутской области, аймаки были переименованы в районы в 1977 г. В этом же году АБНО в Читинской области получил статус автономного округа. В Хакасии в 1975 г. был образован Саяногорск – город областного подчинения.

В 1980-х гг. продолжался процесс реформирования районного АТД, в том числе территорий, населенными коренными этносами. В 1980 г. УОБНО был преобразован в автономный округ. В Бурятии был ликвидирован Улан-Удэнский район в 1985 г., взамен которого был образован Иволгинский район, куда вошли поселковые советы упраздненного района. В 1989 г. образован новый район в Бурятии – Муйский, сформированный из северной части Баунтовского и восточной части Северо-Байкальского районов. В 1989 г. из состава Верхоянского района (Якутская АССР) был выделен Эвено-Бытантайский национальный район.

Безусловно, ключевым событием 1990-х послужил распад Советского Союза, что повлекло за собой дальнейший виток преобразований АТД. В первую очередь, изменения коснулись именно национальных единиц. В

указанное десятилетие образуются новые субъекты РФ: Хакасская АО выходит из состава Красноярского края и в 1992 г. преобразуется в Республику Хакасия, также в данное десятилетие становятся самостоятельными субъектами РФ Таймырский Долгано-Ненецкий, Эвенкийский, Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский автономные округа. Кроме того, были утверждены официальные современные названия республик Бурятия, Якутии и Тывы. Национальными территориальными образованиями подчеркивается этническая специфика путем закрепления за ними традиционных исторических наименований: улусы (районы) в Якутии, кожууны (районы) и сомоны (сельские поселения) в Туве и т. д. Аналогично изменяются названия районов: так, в 1992 г. Баунтовский район Бурятии переименовывается в Баунтовский эвенкийский район. Для этого периода характерно также официальное признание новых национальностей – сойотов в Окинском районе Бурятии в 1994 г. и тувинцев-тоджинцев в Тоджинском районе Тувы (сейчас 96,1 % тувинцев-тоджинцев проживает в Тере-Хольском кожууне, образованном в 2003 г.).

В отличие от процессов дробления и образования новых субъектов РФ в 1990-х гг., в 2000-е гг., напротив, происходило слияние национальных территорий (автономных округов) с регионами с преобладающей долей русского населения. Произошло объединение Иркутской области и УОБАО, Читинской области и АБАО в Забайкальский край в 2008 г. Отношение бурятского этноса к данным событиям является в большей степени негативным, что связано с опасениями утраты национальной идентичности, духовного и культурного наследия. Процесс объединения в указанное десятилетие также затронул и Красноярский край, к которому в 2007 г. были присоединены Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа. Отношение к объединению жителей и властей округов также было негативным. В частности, губернаторы Таймыра, и Эвенкии высказались категорически против, аргументируя несогласие возможными

экономическими проблемами и опасениями за будущее малых народностей в объединенном регионе [Лебедева, 2012].

Общая особенность присоединенных автономных округов заключается в том, что они стали официально называться административно-территориальной единицей с особым статусом (АТЕОС), о которых говорилось в первой главе. Отличительной чертой является разница между бурятскими округами, состоящими из муниципальных районов, и округами, вошедшими в состав Красноярского края, которые сами относятся к районам. Другое различие между ними состоит и в том, что буряты являются крупным народом, основная часть которого проживает в Республике Бурятия, в то время как титульное население Таймырского Долгано-Ненецкого и Эвенкийского муниципальных районов относится к КМНС и помимо указанных территорий имеет небольшие ареалы расселения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Среди прочих значимых изменений АД Восточной Сибири 2000-х гг. следует отметить получение статуса национальных районов Анабарским (2004), Оленёкским (2005), Жиганским (2008) муниципалитетами и образование Нерюнгринского района (2008) в Якутии. Кроме того, в 2009 г. был утвержден перечень мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в целях защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов [Перечень..., 2009]. К местам проживания КМНС в Восточной Сибири относится 51 район, в большей части которых выделены конкретные ареалы проживания малочисленных народов в виде сельских и городских поселений.

Таким образом, большая часть коренных народов макрорегиона представлена алтайской языковой семьей, с ранних времен начавшей распространяться с Саяно-Алтая и Прибайкалья в глубинные районы Сибири. Результаты формирования населения Восточной Сибири к 1917 г. свидетельствуют о росте численности коренных народов при значительном снижении их доли в общем населении. Наибольшая численность в сравнении

с другими коренными этносами в макрорегионе была присуща бурятам, тогда как сейчас лидирующие позиции занимают якуты. Занимавшие ранее третье место эвенки относятся ныне к малочисленным народам.

Представляется возможным выделить определенные этапы АТД с точки зрения образования национальных единиц после 1917 г. Первый этап длился с 1920-х гг. и до окончания Великой Отечественной войны. Он связан с созданием республик – Якутской АССР, Бурят-Монгольской АССР в 1920-х, а также с изъятием из последней национальных бурятских округов в конце 1930-х гг. и присоединением Тувы к СССР в 1944 г.

Второй этап характеризуется изъятием монгольской составляющей из названий бурятских автономных округов, переименованием традиционных территориальных единиц (аймаки и др.) в районы, упразднением Тофаларского национального района в 1950 г. Это свидетельствует о попытках унифицировать административно-территориальное деление, практически не учитывая национально-культурные различия населения Восточной Сибири.

Третий этап, начавшийся с распада Советского Союза и продолжавшийся до начала 2000-х гг., отличается ростом числа новых субъектов (Республика Хакасия и четыре автономных округа). Акцент на этнические особенности нашел также отражение в добавлении термина «национальные» к названиям ряда территориальных единиц (районов и сельских поселений).

Последний четвертый период (2000-е гг.), напротив, отличается объединительными процессами автономных округов с областями и краями, что вызвало протесты со стороны национальных элит и общественности.

2.2. Этнический состав населения (по переписи 2010 г.)

Перепись населения стартовала 14 октября 2010 г. и охватила собой все субъекты РФ. По ее итогам установлена картина распределения этносов Восточной Сибири по численности. Самые многочисленные народы представлены ниже (табл. 3)

Наиболее крупные народы Восточной Сибири по переписи 2010 г.

№	Национальность	Численность, чел.	Численность, %
1	Русские	7073718	79,5
2	Якуты	469327	5,27
3	Буряты	447001	5,02
4	Тувинцы	256175	2,88
5	Украинцы	107109	1,2
6	Татары	81949	0,9
7	Хакасы	69308	0,78
8	Немцы	35457	0,4
9	Эвенки	31013	0,35
10	Белорусы	29215	0,3

* Численность коренных народов указывается до 0,00 %

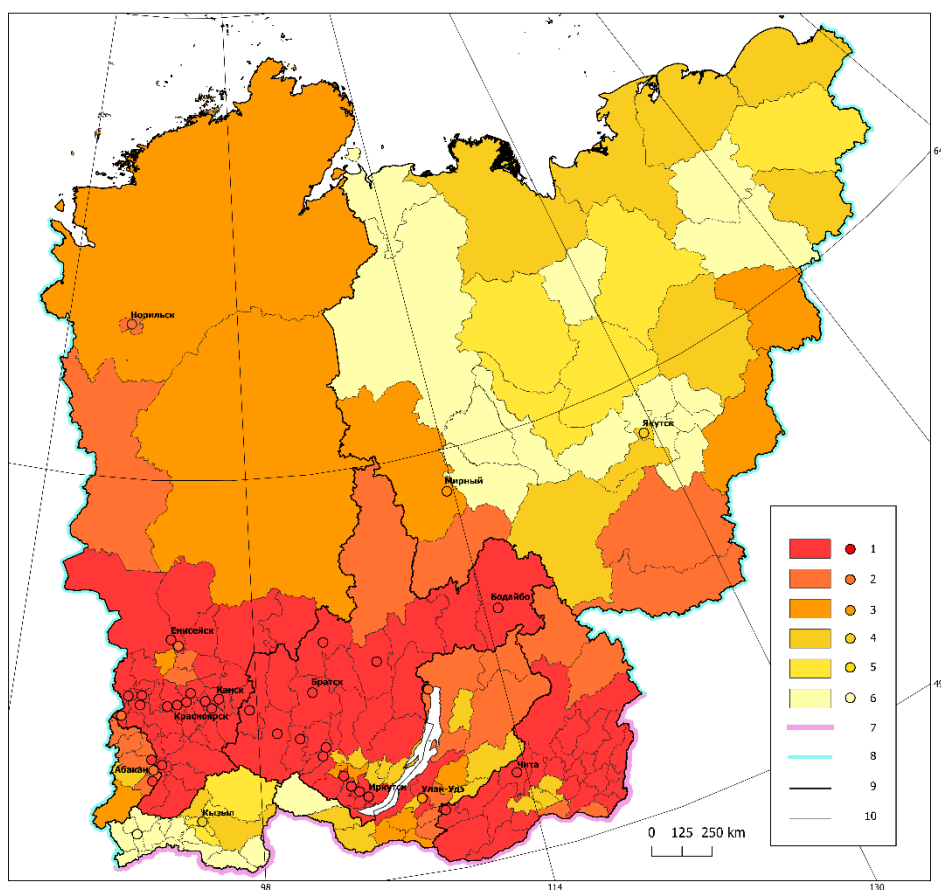
Составлено по: Материалы Всероссийской переписи 2010 г.

URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Для более детального анализа численности народов Восточной Сибири необходимо выделить основные группы народов, сосредоточенных в макрорегионе. К ним относятся: 1) русские как представители государствообразующей нации; 2) прочие восточные славяне (украинцы и белорусы); 3) коренные крупные народы (якуты, буряты, тувинцы, хакасы); 4) коренные малочисленные народы – КМНС (эвенки, эвены, долганы, ненцы, сойоты, шорцы, юкагиры, кеты, нганасаны, чукчи, тофалары, селькупы, энцы и чулымцы); 5) народы Урало-Поволжья (татары, чувашаи, мордва, башкиры, марийцы, удмурты); 6) этносы Центральной Азии (киргизы, узбеки, таджики, казахи); 7) народы Закавказья (азербайджанцы, армяне, грузины); 8) немцы и евреи; 9) народы Восточной Азии (китайцы и корейцы) и др. Отметим, что тувинцы-тоджинцы, хотя и получили в 1993 г. статус КМНС, считаются этнографической группой в составе тувинцев и нами отдельно не рассматриваются.

Анализ данных этнических групп является более показательным в разрезе восточносибирских субъектов РФ.

- Наиболее высока доля русских в Иркутской области (91,4 %) и Красноярском крае (91,3 %), а также в Забайкальском крае (89,9 %) (рис. 4). Напротив, наиболее низкой долей русских в национальном составе характеризуются республики: Тува (16,2 %), Якутия (37,8 %), Бурятия (66,1 %) и Хакасия (81,6 %). Низкая доля русских обусловлена преимущественно как историческими причинами неравномерного освоения и заселения ими обширных территорий, так и современными причинами постсоветского этапа, в первую очередь обострением национальных отношений и социально-экономических проблем, вынуждающим русских, среди которых преобладает молодежь, покидать свою родину. Наиболее болезненно вопрос национализма стоит в Республике Тыва, где с 1990-х гг. начались столкновения между русским и тувинским населением. Тувинский национальный «ренессанс» сопровождался русскими погромами, местные организации националистов, созданные на перестроечной волне, принялись нападать на русские семьи, забирая у них жилье [Тува..., 2018]. Для других республик проблема национализма стоит менее остро. Для них более актуальны социально-экономические проблемы, что выражается в конкуренции за рабочие места и лучшие условия труда вкупе с общим невысоким уровнем заработной платы и такими распространенными негативными явлениями, как бедность и безработица.

**Рис. 4. Доля русских в населении районов и городов
Восточной Сибири в 2010 г.**

Доля русских, %: 1 – свыше 90, 2 – 75–90, 3 – 50–75, 4 – 25–50, 5 – 10–25, 6 – ниже 10.
Границы: 7 – государственные, 8 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 9 – субъектов РФ, 10 – муниципальных районов

Составлено автором

- Доля в национальном составе прочих восточнославянских народов – украинцев и белорусов – наиболее высока в Якутии (2,9 %), Красноярском крае (1,7 %) и Иркутской области (1,6 %). В меньшей степени эти национальности представлены в Хакасии (1,2 %), Бурятии и Забайкальском крае (0,7 %), Туве (0,1 %). На наш взгляд, высокая доля вышеуказанных народов в Якутии связана с мозаичным этническим составом населения, что делает проживание различных этнических групп в данном субъекте более комфортным, нежели в моноэтнических регионах. Небольшое количество представителей этих национальностей в республиках, а также Забайкальском крае, объясняется ассимиляцией русским этносом, которая усиливается в

связи с недостаточным количеством национально-культурных центров и отсутствия образования на родном языке.

- Закономерно, что наивысшая доля крупных коренных народов наблюдается в республиках – Туве (82,4 %), Якутии (50,6 %) и Бурятии (30,1 %) (рис. 5). В меньшей степени крупные коренных этносы сосредоточены в Хакасии (12,3 %), Забайкальском крае (6,8 %), Иркутской области (3,4 %) и Красноярском крае (0,3 %). Численность этих этносов возросла преимущественно за счет более высокой рождаемости [Всероссийская..., 2010].

- Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) включает в себя на данный момент 40 национальностей [Об утверждении..., 2014], из которых 15 проживает на территориях рассматриваемых нами восточносибирских субъектов РФ (см. рис. 3). Наибольшая доля КМНС отмечается в республиках – Якутии (4,2 %), Бурятии (0,7 %), Туве и Красноярском крае (по 0,6 %). В то же время КМНС в меньшей степени представлены в Хакасии (0,2 %), Забайкальском крае (0,1 %) и Иркутской области (0,08 %). В Якутии, начиная с 2005 г., у КМНС наметились позитивные демографические тренды: несколько повысилась рождаемость (на 1,04 %), снизился показатель общей смертности (на 4,9 %), увеличился показатель естественного прироста (+4,7 на 1000 населения) [Север..., 2012]. Противоположным примером в данном отношении служит Иркутская область, где, несмотря на высокую рождаемость тофаларов и эвенков, сохраняется тенденция низкой продолжительности жизни КМНС [Север..., 2012].

- Наибольший удельный вес народов Урало-Поволжья характерен для Красноярского края (2,1 %), Хакасии (1,5 %), Иркутской области и Якутии (1,4 %). В меньшей степени данные народы представлены в национальном составе Бурятии (0,9 %), Забайкальского края (0,8 %), Тувы (0,2 %). Следует отметить массовые волны переселения татар из Поволжья в Сибирь начиная с XIX в. В Восточной Сибири наибольшее их количество отмечается в

Красноярском крае, где было образовано множество татарских деревень [Рендашкина, 2011].

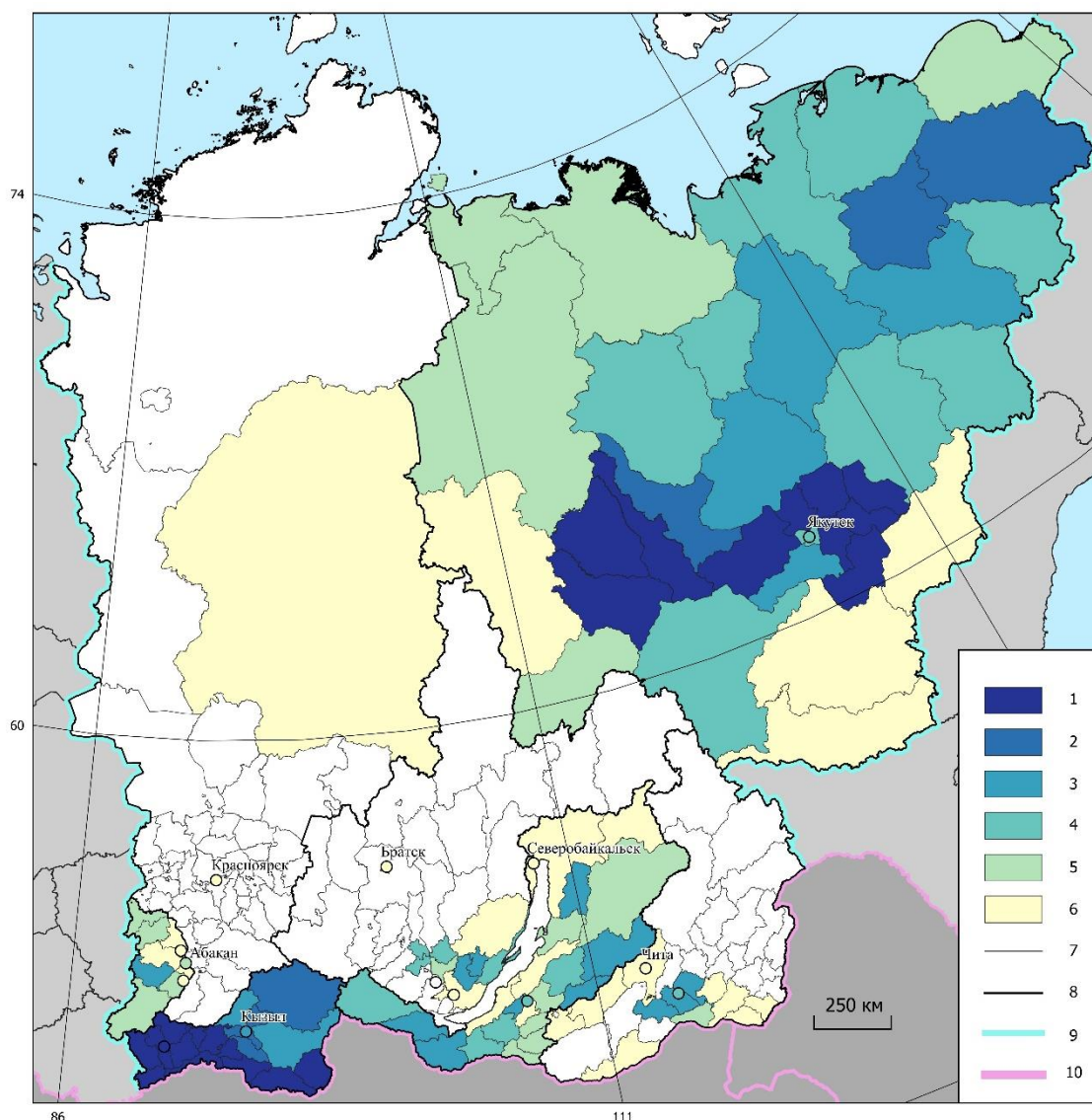

Рис. 5. Доля коренных крупных народов (якуты, буряты, тувинцы, хакасы) в населении районов и городов Восточной Сибири в 2010 г.

Доля коренных крупных народов, %: 1 – свыше 90, 2 – 75–90, 3 – 50–75, 4 – 25–50, 5 – 10–25, 6 – ниже 10. Границы: 7 – муниципальных районов, 8 – субъектов РФ, 9 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 10 – государственные.

Примечание: Учтены районы и города с численностью коренных крупных народов более 500 чел.

Составлено автором

- Народы Центральной Азии в рамках Восточной Сибири широко представлены в Якутии (1,3 %), Красноярском крае (0,8 %) и Хакасии (0,7 %). Меньше их доля в Иркутской области (0,6 %), Забайкальском крае (0,4 %),

Бурятии и Туве (0,3 %). В Якутии, несмотря на высокий уровень безработицы, имеется серьезный дефицит трудовых ресурсов, в особенности по таким рабочим специальностям, как каменщики, штукатуры, машинисты, водители и т. д. Так, по данным Управления Федеральной Миграционной службы Республики Саха за 2014 г. от работодателей поступило более 45 тыс. заявок на привлечение и использование иностранных работников [Неустроева, Попова, Больницкая, 2017].

- Доля этносов Закавказья более выражена в национальном составе Красноярского края (1,0 %), Якутии (0,6 %), Иркутской области и Забайкальского края (0,5 %). В меньшей степени они представлены в республиках – Бурятии и Хакасии (0,4 %), а также в Туве (0,2 %). Красноярский край является привлекательным с точки зрения иностранных мигрантов из-за относительно высокого уровня экономического развития и стабильности краевого центра, более благоприятных условий для прибытия мигрантов в регион (сравнительно небольшой размер платы за оформление документов и др.) [Труфанов, Рафиков, 2018].

- Доля немцев и евреев максимальна в национальном составе Хакасии (1,1 %), Красноярского края (0,8 %), Бурятии и Якутии (0,1 %), а минимальна в Забайкальском крае (0,08 %), Туве (0,03 %) и Иркутской области (0,02 %). Преобладание данных этносов в Хакасии и Красноярском крае обусловлено историей формирования населения Восточной Сибири. Так, еврейские общины начали формироваться в городах Енисейской губернии в 1820-х гг. Большой приток немецкого населения в Восточную Сибирь, в основном в Красноярский край, произошел в ходе депортации данного этноса в 1945 г.

- Удельный вес китайцев и корейцев повсюду невелик: Якутия и Хакасия (0,2 %), Иркутская область, Бурятия и Красноярский край (0,1 %), Забайкальский край (0,08 %), Тува (0,06 %). Еще перепись 1937 г. выявила несколько более высокую долю китайцев в национальном составе Якутии и Красноярского края (включая Хакасию) [Мотревич, 2015].

- Отдельного упоминания заслуживают лица, не указавшие свою национальность в соответствующем пункте переписи. В Восточной Сибири число неопределившихся составляет 527 362 человек. Их доля от общей численности населения составляет в Красноярском крае (3,5 %), Иркутской области (3,4 %), Якутии (2,5 %), Забайкальском крае (1,8 %), Бурятии (1,7 %), Хакасии (1,6 %) и Туве (1,3 %). Количество данных лиц невелико именно в тех регионах, где этническая идентичность является важной компонентой традиционной культуры, которая является гарантией интегрированности в социум. Существует предположение, согласно которому в группу неопределившихся насчет своей этнической идентичности попали сторонники развивающейся «сибирской идеологии», идентифицирующие себя в качестве «сибиряков». Однако их численность по официальным данным составляет всего 4116 человек [«Сибиряков»..., 2012]. Правда, на момент проведения переписи 2010 г. переписчикам было дано указание со стороны властей не фиксировать национальность «сибиряк».

В совокупности по субъектам Восточной Сибири доля русских по переписи 2010 г. составляет 79,68 %, коренных крупных народов – 13,98 %, украинцев и белорусов – 1,54 %, этносов Урало-Поволжья – 1,48 %, КМНС – 0,76 %, народов Центральной Азии – 0,71 %, этносов Закавказья – 0,69 %, немцев и евреев – 0,44 %, китайцев и корейцев – 0,13 %, представителей прочих национальностей – 0,58 %. В то же время доля неопределившихся по поводу своей национальности от общей численности населения Восточной Сибири равна 2,8 %. Подводя итог, следует отметить, что на текущий момент данные переписей населения являются пока главным и единственным источником сведений о национальностях в разрезе субъектов и в целом по стране. При этом некоторые явления, такие как размытие национальной идентичности, отсутствие информации о национальности в паспорте гражданина РФ, нелегальная миграция, препятствуют получению абсолютно точной картины относительно этнической принадлежности.

2.3. Основные тенденции и типы этнического состава населения на постсоветском этапе

В данном разделе проанализированы изменения в этническом составе населения Восточной Сибири в 1989 и 2010-х гг., а также в 2002 г. Для этого рассмотрены: а) динамика этнического состава населения макрорегиона в целом; б) динамика этнического состава населения на региональном и муниципальном уровнях; в) районирование этнического пространства по компонентам его территориальной структуры.

Динамика этнического состава населения макрорегиона в целом. Этнический состав населения Восточной Сибири на постсоветском этапе существенно изменился. Эти изменения затронули все выделенные группы национальностей (табл. 4).

Таблица 4

Динамика основных групп народов Восточной Сибири по переписям 1989 и 2010-х гг.

Основные народы и их группы	1989		2010		Абсолютные изменения, чел.+/-	Изменения, +/-
	чел.	%	чел.	%		
Русские	8202016	80,05	70737 18	79,68	-1128298	-0,37
Прочие восточные славяне (украинцы и белорусы)	441132	4,31	13632 4	1,54	-304808	-2,77
Коренные крупные народы Сибири (якуты, буряты, тувинцы, хакасы)	1046953	10,22	12418 11	13,98	+194858	+3,77
КМНС	49708	0,48	67814	0,76	+18106	+0,28
Народы Урало-Поволжья (татары, чуваша, мордва, башкиры, марийцы, удмурты)	249046	2,43	13172 6	1,48	-117320	-0,95

Продолжение табл. 4

Народы Центральной Азии (киргизы, узбеки, таджики, казахи)	33111	0,32	62505	0,71	+29494	+0,39
Народы Закавказья (азербайджанцы, армяне, грузины)	37125	0,36	61057	0,69	+23932	+0,33
Немцы и евреи	81919	0,8	89071	0,44	-42848	-0,36
Народы Восточной Азии (китайцы и корейцы)	6426	0,06	11508	0,13	+5082	+0,07
Прочие	99136	0,97	51930	0,58	-47206	-0,39
ИТОГО	10246572	100	88775 64	100	-1369008	—

Составлено по: Материалы Всероссийской переписи 2010 г.

URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Наиболее значимые перемены, коснулись группы коренных крупных народов, доля которых возросла на 3,77 %. Полагаем, что основной причиной этому служит отток русского населения из регионов Восточной Сибири, на фоне которого в общей структуре возросла доля коренных крупных народов. Второй актуальной тенденцией служит снижение доли украинцев и белорусов на 2,77 %, что вероятно вызвано высокой степенью ассимиляционных процессов и оттоком населения на историческую родину. Полагаем, что те же причины привели к уменьшению доли этносов Урало-Поволжья практически на один процент (0,95 %) в национальном составе Восточной Сибири.

Отмечено снижение доли (-0,37 %) и численности (-1128298) у русского населения. Вероятно, это связано с миграционным оттоком в европейскую часть России, что вызвано совокупностью социально-экономических явлений, где значимое место занимает конкуренция на рынке труда и т. д.

Наибольшие изменения, как упоминалось уже выше, затронули прочие восточнославянские национальности, в результате чего численность украинцев сократилась в 3,3 раза, а белорусов в 2,9 раза. Среди народов Урало-Поволжья наибольшие потери в Восточной Сибири понес этнос мордва, который уменьшился в 2,8 раза. Важным трендом на постсоветском этапе

является увеличение численности национальностей Центральной Азии, возникшее вследствие обширных миграционных потоков. Среди национальностей данной группы наиболее сильно увеличилась численность киргизов (в 4,5 раза) и таджиков (в 4,9 раза). Аналогичные процессы шли и с народами Закавказья, причем наибольшее увеличение численности – в 2,4 раза – отмечено у армян.

На постсоветском этапе в Восточной Сибири значительно – в 3,2 раза – уменьшилась численность евреев, что, вероятнее всего, связано с их эмиграцией в Израиль, а также переездом в европейскую часть России. Последней актуальной тенденцией в данном ключе служит увеличение этноса китайцев в 3,6 раза. Изменения, затронувшие остальные национальности, проживающие в Восточной Сибири, можно посмотреть в прил. В.

В качестве вспомогательного этапа рассмотрены данные Всероссийской переписи населения 2002 г. Имеющиеся материалы позволяют проследить изменения, произошедшие с этносами как в целом в макрорегионе, так и в отдельных субъектах РФ. Интересна динамика народов, которая носит неравномерный характер на данном промежуточном этапе. Такие изменения коснулись четырех коренных малочисленных народов, а именно, кетов, селькупов и шорцев (табл. 5). Кроме того, в национальном составе макрорегиона в 2002 г. наблюдалась наибольшая численность народов Закавказья (66510), но с 2010 г. их количество уменьшилось (61057), практически не повлияв на их долю в указанные годы (0,70 против 0,69).

Динамика этнического состава населения на региональном и муниципальном уровнях. Более детально охарактеризуем состояние таких этносов, как русские, коренные крупные народы и КМНС, в разрезе муниципальных образований верхнего уровня (районы, городские округа/горсоветы) регионов Восточной Сибири с выделением типов этнического состава, где выделены русские субъекты РФ – Иркутская область, Забайкальский и Красноярский края (происходит снижение численности, но растет доля титульной нации), этнические – республики Бурятия, Тува,

Хакасия и Якутия (снижение численности и доли русских), промежуточные – Республика Хакасия (рост доли русских и титульного народа при потере численности русским населением и незначительного прироста хакасов). Следует отметить, что повышенная доля коренных этносов влияет на электоральные процессы, элитогенез и этнокультурную специфику, о чем подробно будет рассказано в третьей главе.

Таблица 5

Динамика численности и доли кетов, селькупов, шорцев
по данным переписей 1989, 2002 и 2010-х гг.

Народы	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Численность	%	Численность	%	Численность	%
Кеты	981	0,003	1189	0,012	957	0,011
Селькупы	356	0,003	412	0,004	281	0,003
Шорцы	1560	0,015	1279	0,013	1311	0,015

Составлено по: Материалы Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=0

<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Иркутская область относится к *типу русских регионов* (рис. 6, 7, см. рис. 4), где в абсолютном выражении, как свидетельствует динамика этнического состава, уменьшается численность русских, однако в относительном отношении их доля растет. В 1989 г. в области проживало 2 449 620 русских (88,5 %), а в 2010 г. – уже 2 144 075 (91,4 %). Увеличение доли русских в национальном составе произошло практически во всех районах, кроме Катангского (-1,1 %) и районов УОБО, за исключением Боханского.

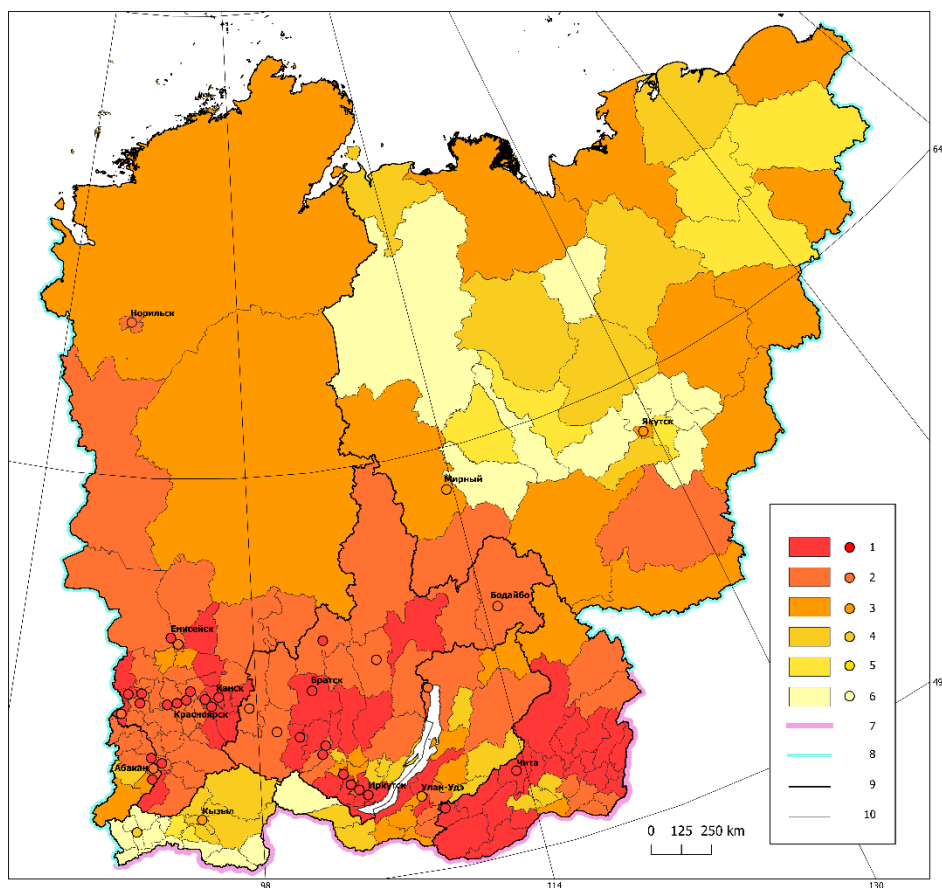
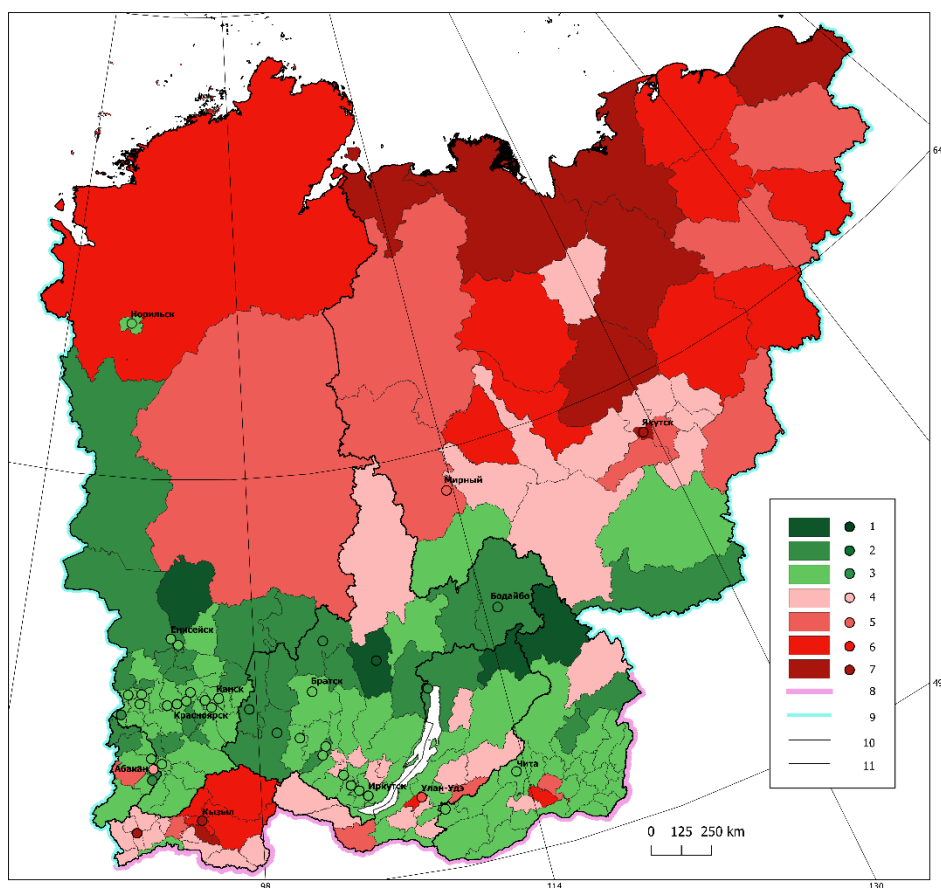

Рис. 6. Доля русских в населении районов и городов Восточной Сибири в 1989 г.

Доля русских, %: 1 – свыше 90, 2 – 75–90, 3 – 50–75, 4 – 25–50, 5 – 10–25, 6 – ниже 10. Границы: 7 – государственные, 8 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 9 – субъектов РФ, 10 – муниципальных районов.

Составлено автором

**Рис. 7. Динамика доли русских в населении районов и городов
Восточной Сибири за 1989–2010 гг.**

Прирост доли, %: 1 – свыше 10, 2 – 5–10, 3 – 0–5. Уменьшение доли, %: 4 – 0–5, 5 – 5–10, 6 – 10–20, 7 – более 20. Границы: 8 – государственные, 9 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 10 – субъектов РФ, 11 – муниципальных районов.

Составлено автором

В Иркутской области также возросла численность бурят на 337 человек (+0,6 %). Тем не менее, в целом по районам, скорее наблюдалось снижение доли этого этноса, за исключением, города Иркутска и его района, Шелеховского и Ольхонского районов, УОБО (рис. 8, 9, см. рис. 5). Кроме того, в некоторых городах и районах количество бурят изменилось незначительно, а именно в Ангарске, Саянске, Братском, Усольском и Усть-Илимском районах (прил. Г., Д).

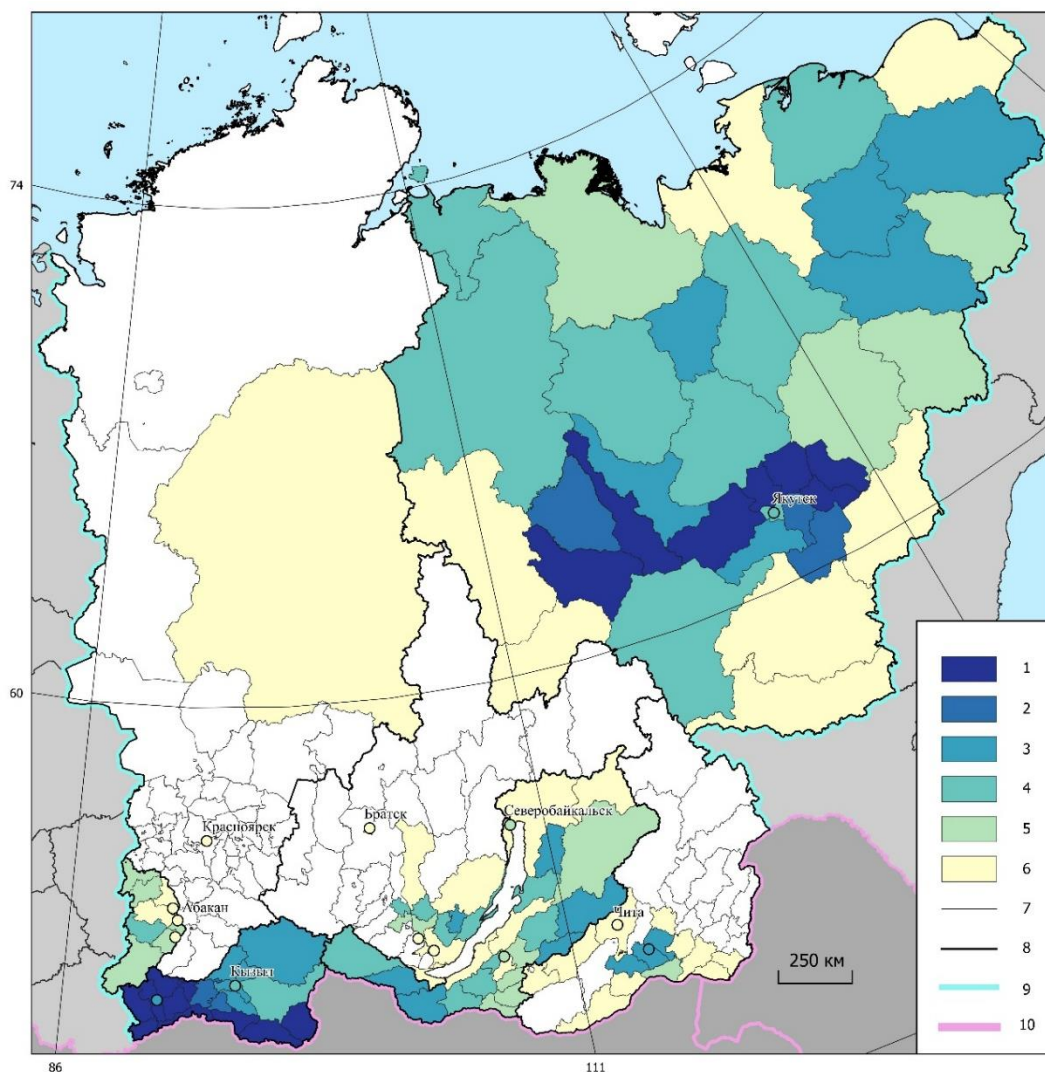

Рис. 8. Доля коренных крупных народов (якуты, буряты, тувинцы, хакасы) в населении районов и городов Восточной Сибири в 1989 г.

Доля коренных крупных народов, %: 1 – свыше 90, 2 – 75–90, 3 – 50–75, 4 – 25–50, 5 – 10–25, 6 – ниже 10. Границы: 7 – муниципальных районов, 8 – субъектов РФ, 9 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 10 – государственные.

Примечание: Учтены районы и города с численностью коренных крупных народов более 500 чел.

Составлено автором

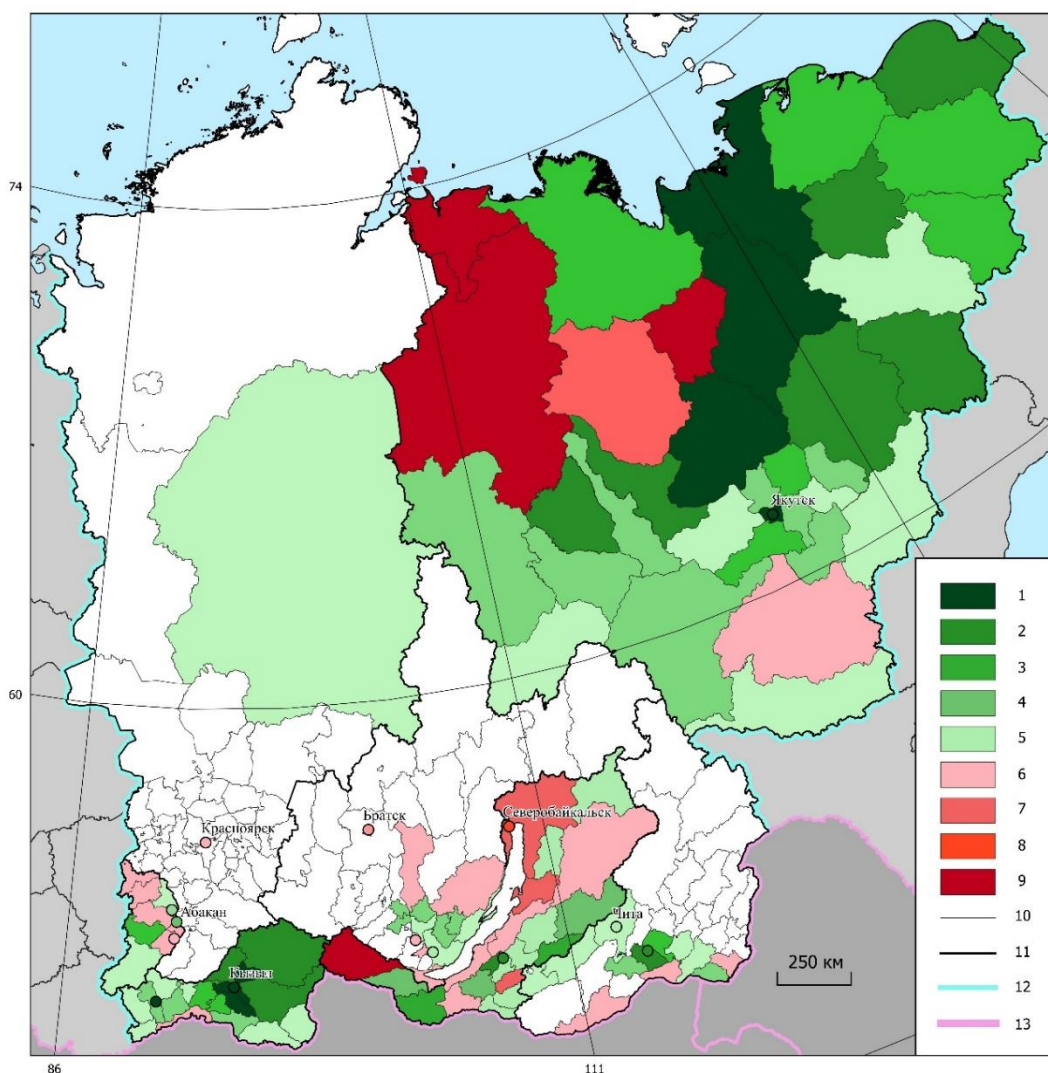

Рис. 9. Динамика доли коренных крупных народов (якуты, буряты, тувинцы, хакасы) в населении районов и городов Восточной Сибири за 1989–2010 гг.

Прирост доли, %: 1 – свыше 20, 2 – 10–20, 3 – 5–10, 4 – 2,5–5, 5 – 0–2,5. Уменьшение доли, %: 6 – 0–2,5, 7 – 2,5–5, 8 – 5–10, 9 – более 10. Границы: 10 – муниципальных районов, 11 – субъектов РФ, 12 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 13 – государственные.

Примечание: Учтены районы и города с численностью коренных крупных народов более 500 чел.

Составлено автором

Применение для анализа в качестве исходных территориальных единиц обширных муниципальных районов (верхний уровень МО) позволяет выявить лишь самые общие пространственные закономерности этнического состава населения и его динамики за 1989–2010-е гг. В то же время внутри самих районов происходит как бы осреднение порою резко различающихся по этническим показателям отдельных пунктов, что способно существенно исказить реальную картину.

Поэтому сквозная характеристика этнического состава населения и его динамики для верхнего муниципального уровня дополнена примером оценки указанных показателей для нижнего муниципального уровня – сельских и городских поселений (к сожалению, для уровня отдельных населенных пунктов необходимая информация отсутствует). Ограниченность только одним примером обусловлена трудоемкостью задачи из-за значительных административно-территориальных изменений постсоветского этапа.

В качестве данного примера рассмотрена динамика доли бурятов в населении сельских поселений УОБО Иркутской области, а также сельских и городских поселений прилегающих муниципальных районов и городских округов области за 1989–2010-е гг. (рис. 10). При этом изменение доли бурятов оценивалось следующим образом: рост – более 2 %, стабильное состояние – от -2 до 2 %, уменьшение – менее -2 %.

На уровне муниципальных районов и городских округов ситуация складывается следующим образом. Во всех шести районах УОБО доля бурятов увеличилась за рассматриваемый период в среднем с 36,3 до 40,2 %, т. е. 3,9 %. В абсолютном выражении численность бурятов в округе выросла незначительно – с 49,3 до 49,9 тыс. чел., причем в четырех районах также отмечен рост, в двух – Баяндаевском и Аларском – небольшое уменьшение численности. Между тем вне УОБО рост численности и доли бурятов наблюдался лишь в Иркутске, Иркутском и Ольхонском районах, тогда как уменьшение – во всех остальных районах (Качугском, Усть-Удинском, Черемховском и Заларинском) и городских округах (Ангарске, Усолье-Сибирском и Черемхове). Следовательно, в течение 1989–2010-е гг. буряты концентрировались как в своем округе и прилегающем Ольхонском районе, так и в региональном центре – Иркутске с одноименным пригородным районом.

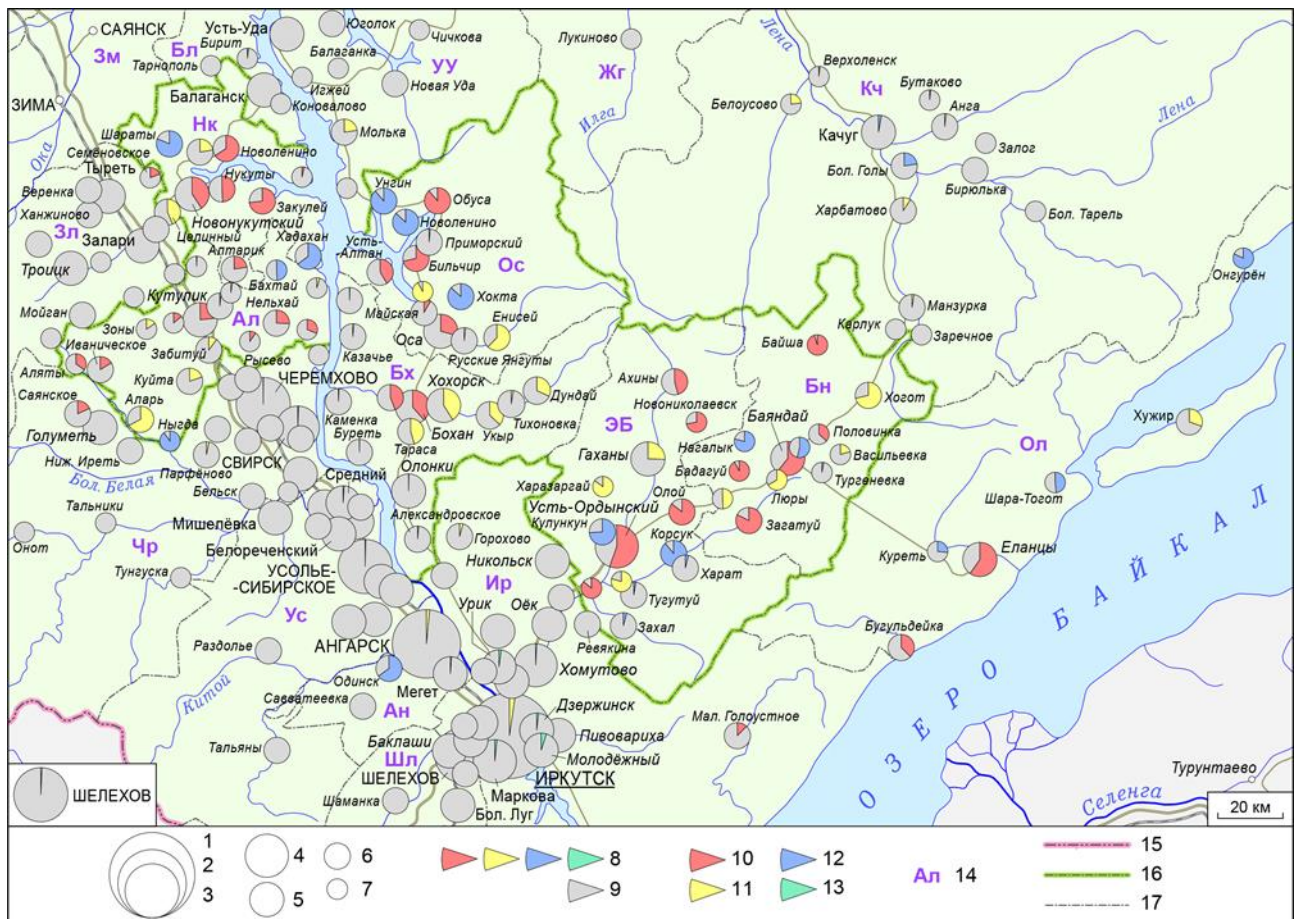

Рис. 10. Динамика доли бурят в населении сельских поселений Усть-Ордынского Бурятского округа (УОБО) Иркутской области, сельских и городских поселений прилегающих муниципальных районов и городских округов за 1989–2010 гг.

Численность населения поселений и городских округов в 2010 г., тыс. чел.: 1 – более 300, 2 – 100–300, 3 – 30–100, 4 – 10–30, 5 – 2–10, 6 – 1–2, 7 – менее 1. Соотношение бурят и других народов в 2010 г.: 8 – буряты, 9 – другие народы. Изменение доли бурят за 1989–2010 гг. (%): 10 – рост (более +2), 11 – стабильное состояние (-2 – +2), 12 – уменьшение (менее -2), 13 – нет данных. 14 – муниципальные районы: Ал – Аларский УОБО, Ан – Ангарский, Бл – Балаганский, Бн – Баяндаевский УОБО, Бх – Боханский УОБО, Жг – Жигаловский, Зл – Заларинский, Зм – Зиминский, Ир – Иркутский, Кч – Качугский, Нк – Нукутский УОБО, Ол – Ольхонский, Ос – Осинский УОБО, Ус – Усольский, Уу – Усть-Удинский, Чр – Черемховский, Шл – Шелеховский, Эб – Эхирит-Булагатский УОБО. Границы: 15 – Иркутской области, 16 – Усть-Ордынского Бурятского округа, 17 – муниципальных районов.

Составлено автором

Рассматривая численность и долю бурят сельских поселений УОБО, отметим в первую очередь такую ключевую тенденцию, как их все большее сосредоточение по центрo-периферическому принципу в районных центрах. Во всех шести таких центрах доля бурят выросла – от 6 % в Бохане до 13,9 % в Усть-Ордынском. Их численность, немного сократившись в одном

Баяндае, увеличилась в остальных пяти центрах: в Бохане – в 1,2 раза, Усть-Ордынском и Кутулике – в 1,5 раза, Осе и Новонкутске – в 1,7 раза. За пределами округа численность и доля бурятов выросли только в Еланцах – центре Ольхонского района.

Интересно отметить, что за рассматриваемый период рост численности бурятов в Иркутске (на 3,5 тыс. чел.) в 1,3 раза превысил их рост в «столице» УОБО – Усть-Ордынском (на 2,7 тыс. чел.). В 2010 г. численность бурятов в Иркутске (12,7 тыс. чел.) в 1,6 раза превышает их численность в Усть-Ордынском (8,1 тыс. чел.), а суммарная численность в Иркутске и Ангарске (16,2 тыс. чел.) близка к их общей численности во всех шести районных центрах УОБО (16,5 тыс. чел.).

В границах УОБО из 77 сельских поселений, где зафиксировано проживание бурятов, рост их доли наблюдался в 29 поселениях (37,7 %), стабильное состояние – в 34 (44,2 %), уменьшение – в 14 (18,1 %). Следовательно, для большинства поселений – почти 82 % – характерен рост или стабильность удельного веса бурятов в общей численности населения. Для прилегающих к УОБО районов рост или стабильность их доли отмечается в несколько меньшей степени – в 76 % поселений.

Таким образом, анализ нижнего муниципального уровня, учитывая отдельные поселения, детальнее отражает территориальную дифференциацию динамики этнического состава населения. Действительно, только на этом уровне раскрыты такие важные тенденции, как преимущественная концентрация бурятов в своем округе и региональном центре – Иркутске, рост численности и доли бурятов в районных центрах УОБО, рост или стабильность удельного веса этого этноса в большинстве поселений округа.

Что касается численности КМНС Иркутской области – эвенков и тофаларов, – она уменьшилась на 97 и 44 человек соответственно и практически осталась без изменений в процентном отношении (рис. 11–13). Наибольшее снижение численности произошло в Катангском (-74) и Нижнеудинском (-52) районах. Относительно численности эвенков стоит

отметить, что максимальное количество представителей рассматриваемой национальности в области было в 2002 г. (1431 против 1369 в 1989 г. и 1272 в 2010 г.).

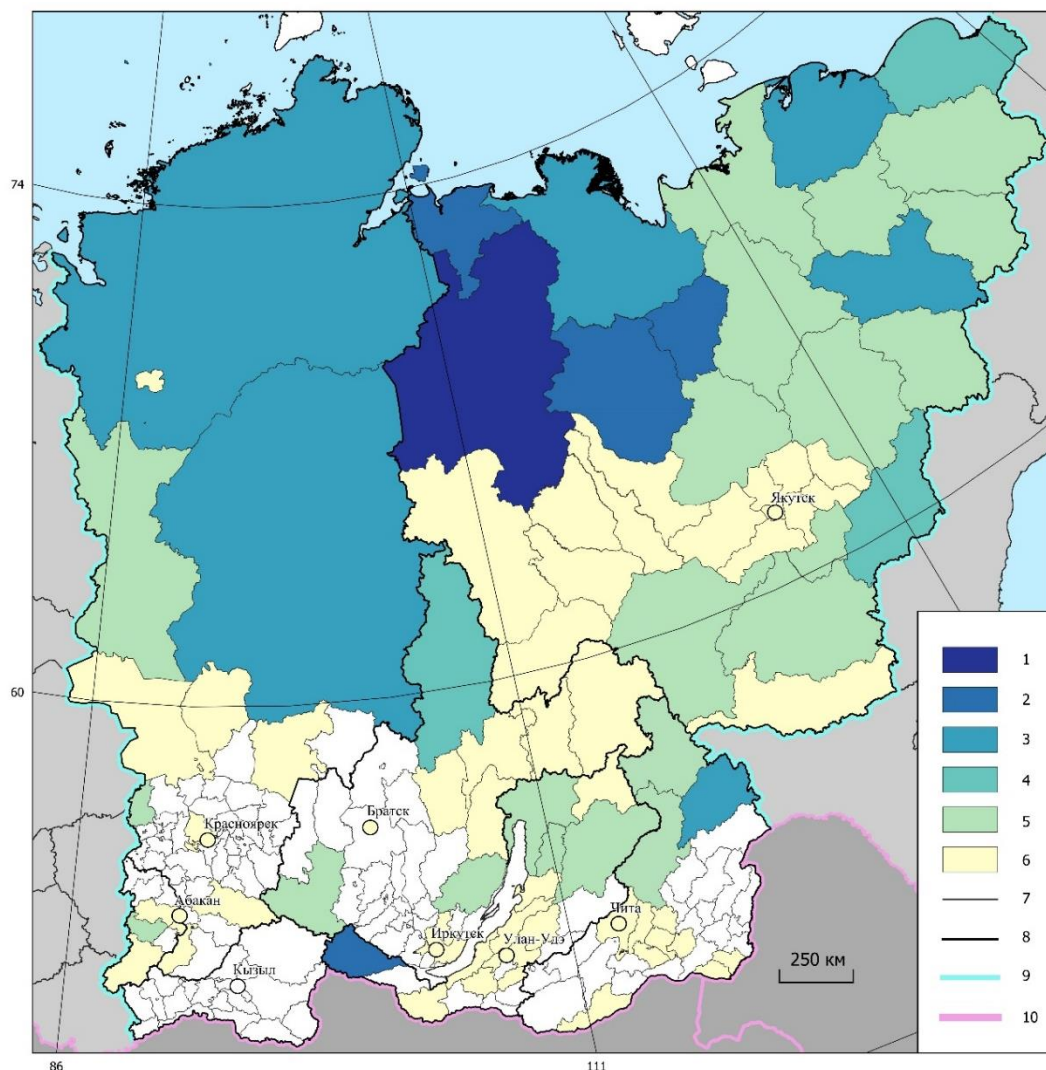

Рис. 11. Доля коренных малочисленных народов (КМНС) в населении городов и районов Восточной Сибири в 1989 г.

Доля коренных малочисленных народов (КМНС), %: 1 – более 50, 2 – 20–50, 3 – 10–20, 4 – 5–10, 5 – 1–5, 6 – менее 1. Границы: 7 – муниципальных районов, 8 – субъектов РФ, 9 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 10 – государственные.

Примечание: Учтены районы и города с численностью КМНС не менее 10 чел.

Составлено автором

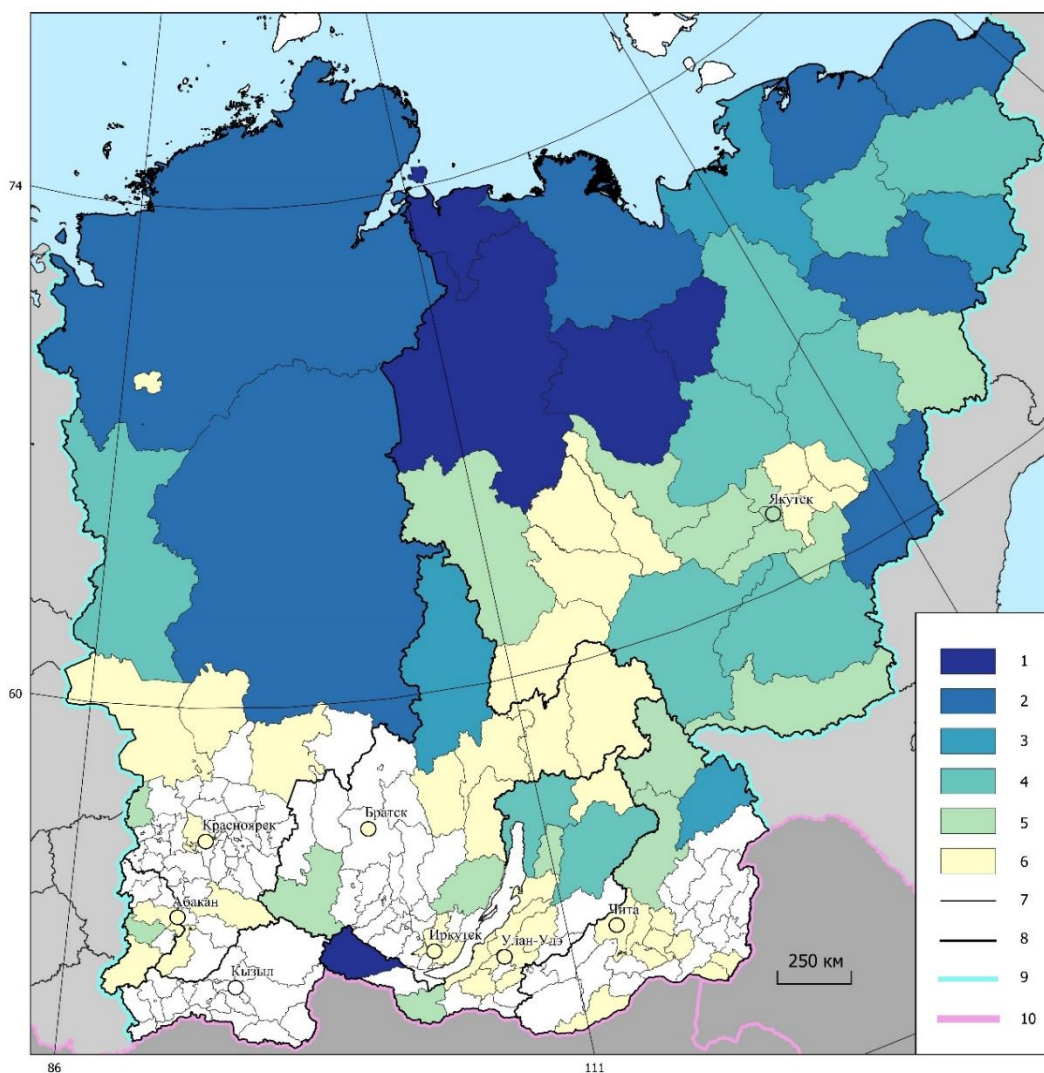

Рис. 12. Доля коренных малочисленных народов Восточной Сибири (КМНС) в населении городов и районов Восточной Сибири в 2010 г.

Доля коренных малочисленных народов (КМНС), %: 1 – более 50, 2 – 20–50, 3 – 10–20, 4 – 5–10, 5 – 1–5, 6 – менее 1. Границы: 7 – муниципальных районов, 8 – субъектов РФ, 9 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 10 – государственные.

Примечание: Учтены районы и города с численностью КМНС не менее 10 чел.

Составлено автором

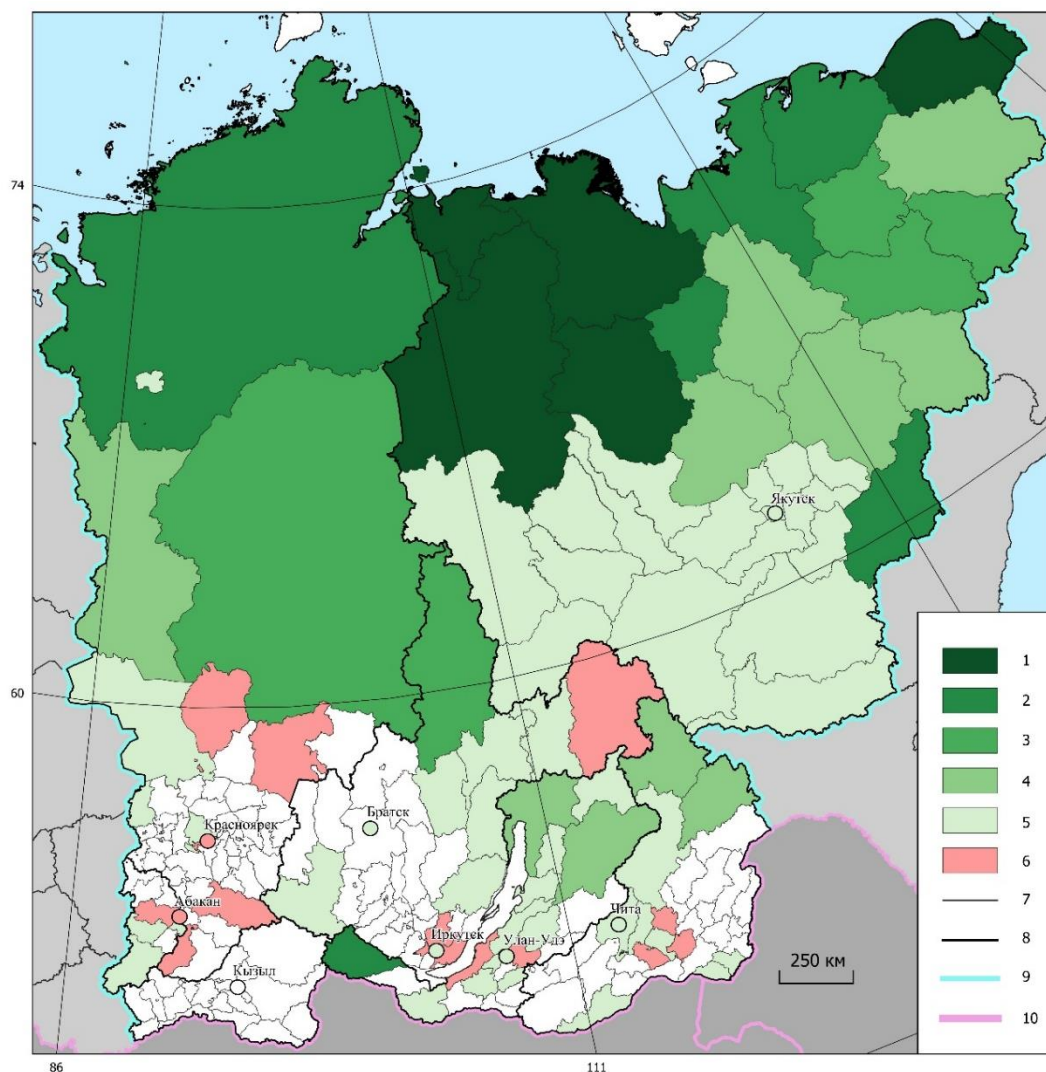

Рис. 13. Динамика доли коренных малочисленных народов (КМНС) в населении районов и городов Восточной Сибири за 1989–2010 гг.

Прирост доли, %: 1 – более 20, 2 – 10–20, 3 – 5–10, 4 – 2,5–5, 5 – 0–2,5. Уменьшение доли, %: 6–0–2,5. Границы: 7 – муниципальных районов, 8 – субъектов РФ, 9 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 10 – государственные.

Примечание: Учтены районы и города с численностью КМНС не менее 10 чел.

Составлено автором

Для того, чтобы оценить изменения, произошедшие в национальном составе восточносибирских субъектов РФ, нами был рассчитан индекс этнической мозаичности (ИЭМ) по формуле Б.М. Эккеля [1976], упомянутой в первой главе. Подсчет осуществлен по данным переписей 1989 и 2010 гг. в разрезе верхних МО с опорой на три национальности, обладающие наивысшей долей.

Подсчитанные ИЭМ для региона продемонстрировали снижение этнической мозаичности на постсоветском этапе, за исключением Катангского (0,282 против 0,322 в 2010 г.) и Боханского (0,460 против 0,538) районов. Очевидно, что наивысшей величины данный показатель может составлять, если он находится в диапазоне от 0,600 и выше [Эккель, 1976]. В Иркутской области к этому показателю наиболее близок Ольхонский район (0,531 в 1989 г. 0,520 в 2010 г.), а также Нукутский (0,584 в 1989 г. и 0,563 в 2010 г.) и другие районы УОБО.

Забайкальский край, как и Иркутская область, также относится к типу регионов, где преобладающую долю в национальном составе занимает русское население. В период с 1989 по 2010 гг. произошла убыль населения на 238 925 человек, при этом повысилась доля русских в процентном отношении (+1,5 %). На промежуточном этапе, а именно в 2002 г., наблюдалась самая низкая доля титульной нации за рассматриваемый период (86,8 %, против 88,4 % в 1989 г. и 89,9 % в 2010 г.), при этом ее численность была больше на 85 468 человек, нежели в 2010 г. Значительно повысилась доля русских в Каларском районе (+12,8 %), в то время как понижение доли этноса произошло во всех районах АБО, особенно в Агинском (-12,7 %), а также в Тунгиро-Олёкминском (-3,7 %).

Доля бурятов увеличилась как в абсолютном отношении (+7316), так и относительном (+2 %). В данной связи закономерен рост количества бурятов в целом по Агинскому Бурятскому округу (+10,5 %), Агинском муниципалитете (+15,8 %), а также в других районах АБО. Доля эвенков в национальном составе края также незначительно увеличилось на 0,035 % (+116 человек). Имеющаяся информация по трем районам проживания эвенков – Каларскому (+2,5 %), Тунгокоченскому (+19,4 %), Тунгиро-Олёкминскому (+4,7 %) в основном подтверждает данную тенденцию.

Следует отметить, что в 2002 г. – промежуточном этапе нашего исследования, наблюдались повышенные доля и количество трех коренных народов – бурятов, тувинцев и эвенков (табл. 6). Полагаем, что возросший

удельный вес бурятов (9,43 % в 2002 г.) повлиял на сниженную долю русских (86,8 % против 89,9 % в 2010 г.).

Таблица 6

Численность и доля бурятов, тувинцев и эвенков в Забайкальском крае по переписям населения 1989, 2002 и 2010-х гг.

Народ	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Численность	%	Численность	%	Численность	%
Буряты	66625	4,84	115606	9,43	73941	6,8
Тувинцы	114	0,008	303	0,02	214	0,019
Эвенки	1271	0,092	1656	0,135	1387	0,127

Составлено по: Материалы Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=0

<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

ИЭМ практически всех районов и городов субъекта, за исключением Тунгино-Олёкминского района (0,325 против 0,367), показали снижение этнической мозаичности. По сравнению с 1989 г. в 2010 г. наблюдалось снижение индекса, тем не менее его наивысшие показатели были характерны для Агинского Бурятского округа в целом (0,532 против 0,466), Дульдургинского (0,516 против 0,498) и Могойтуйского (0,540 против 0,483).

Последним регионом, где повышается доля русских, но уменьшается их численность, является Красноярский край. Численность русских в субъекте уменьшилась на 169 812 человек, но доля выросла (+3,7 %). Повышение доли русских произошло во всех районах, за исключением Таймырского и Эвенкийского, в которых проживает большая часть КМНС. Наиболее значительный рост доли русского этноса отмечен в Енисейском (+8,7 %), Кежемском (+10 %), Северо-Енисейском (+10,4 %) районах.

По материалам переписей в Красноярском крае среди крупных коренных народов более неоднородна динамика численности и доли тувинцев: 2049 человек (0,067 %) в 1989 г., 1492 человека (0,05 %) в 2002 г., 2939 человека (0,107 %). Также заметно, что в 2002 г. наименьшую численность и

долю за рассматриваемый период показали якуты – 1368 человека (0,04 %), в то время как в 1989 г. их численность составила 1680 человек (0,055 %), а в 2010 г. 1458 человек или 0,053 %.

Численность наиболее крупных национальностей КМНС в крае также выросла, что в большей степени наглядно прослеживается в абсолютных величинах – долганов (+427 чел.), ненцев (+927 чел.), эвенков (+34 чел.). Некоторые малочисленные народности края, особенно кеты (1189 или 0,04 %) и селькупы (412 (0,013 %)), а также другие, показали в 2002 г. рост численности и доли, в отличие от крупных народов, упомянутых выше. Данные за 1989 и 2010-е гг. свидетельствуют о следующей динамике упомянутых выше национальностей: кеты в 1989 г. составляли 0,03 % (981) и в 2010 г. (957), селькупы в 1989 г. – 0,01 % (356) и в 2010 (281). По муниципалитетам за 1989–2010-е гг. доля коренных малочисленных народов увеличилась в Таймырском (на 17,1 %) и Эвенкийском (на 9,7 %) районах.

ИЭМ Красноярского края показал практически повсеместное снижение этнической мозаичности, кроме районов, где проживают КМНС – Таймырского (0,539 против 0,644) и Эвенкийского (0,521 против 0,569). Стоит отметить, что ИЭМ данных районов наиболее высокие в сравнении с другими муниципалитетами субъекта.

Республика Бурятия относится к *этническому типу регионов*, где постепенно сокращается доля русских. Общая численность бурятов за период с 1989 по 2010 гг. возросла на 39562 человека (+6,2 %). В большинстве районов республики численность этноса возросла, что особенно хорошо заметно на примере г. Улан-Удэ (+11 %) и прилегающего к нему Иволгинского района (+17 %). Напротив, количество бурятов значительно снизилось в Окинском районе (-12,8 %), г. Северобайкальске (-9,5 %) и др. Помимо бурятского этноса в регионе повысилась численность и доля тувинцев (909 человек или 0,095 % в 2010 г.) в сравнении с другими периодами – 476 человек или 0,045 % в 1989 г. и 399 человек или 0,04 % в 2002 г.

В данном случае закономерно снижение доли русских в национальном составе республики, которое выразилось в убыли 95382 человек (-3,8 %). В районном разрезе показательна убыль русского населения в относительном отношении: уменьшение количества произошло в тех вышеуказанных районах, где увеличилась численность бурятов. Напротив, доля русских в национальном составе выросла в Муйском районе (+10,8 %), который, как упомянуто выше был образован в 1989 г. и еще не присутствовал в Всесоюзной переписи этого года, однако его численность была приведена в соответствии с административно-территориальным делением 2010 г. Кроме того, увеличение доли русских произошло в Северобайкальском районе (+8,8 %) и г. Северобайкальске (+8,4 %).

По сравнению с 1989 г. перепись 2010 г. зафиксировала увеличение КМНС в республике: эвенков на 1295 человек (+0,15 %), сойотов на 1606 человек (+0,18%), по данным 2002 г. В разрезе районов также наблюдается прирост, например, эвенков: в Северобайкальском (+4 %), Баунтовском (+2,6 %), Закаменском (+1,3 %), Курумканском (+1,1 %) и др. Однако наибольшие перемены, коснулись этноса сойотов: их численность выросла на 15,3 % по данным 2002 и 2010 гг.

Подсчитанные ИЭМ для районов республики показывают снижение этнической мозаичности, за исключением нескольких районов и городских округов: г. Улан-Удэ (0,427 против 0,488), Бичурского (0,221 против 0,226), Закаменского (0,432 против 0,479), Хоринского (0,481 против 0,491), Тарбагатайского (0,122 против 0,146). Подсчеты показали, что наибольшее разнообразие этнического состава свойственно для Джидинского (0,540 против 0,521), Еравнинского (0,525 против 0,504), Иволгинского (0,524 против 0,490), Кижигинского (0,511 против 0,480), Окинского (0,581 против 0,525), Селенгинского (0,510 против 0,500) районов.

Республика Якутия относится к тому же *этническому типу*, как и предыдущий субъект РФ, где в целом снижается численность населения. Для региона свойственно уменьшение как абсолютного количества русских (-196

614), так и доли данного этноса в национальном составе (-12,5 %). На верхнем уровне МО практически повсеместно снизилась доля русских, что особенно заметно на примере следующих МО: г. Якутска (-24,1 %), Усть-Янского (-31,7 %) Анабарского (-24,1 %), Булунского (-23,3 %), Верхоянского (-23,2 %), Кобяйского (-20,5 %), Нижнеколымского (-23,4 %) и др. Незначительное увеличение в процентном отношении русских произошло в Нерюнгринском (+5,6 %), Алданском (+1,6 %) и Ленском (+1,3 %) районах.

Закономерно, что количество якутов в республике значительно возросло (+16,5 %) за последние годы – их прирост составляет 101 256 человек. В наибольшей степени численность якутов возросла в Усть-Янском (+34,1 %) и Верхоянском (+30,2 %) районах. Напротив, их доля снизилась в улусах, где проживает значительное количество представителей КМНС – в Анабарском (-15,4 %), Жиганском (-2,5 %), Оленёкском (-11,9 %) и Эвено-Бытантайском (-15,9 %), а также в «русском» Алданском районе (-0,2 %). Численность коренных малочисленных народов в республике возросла как в абсолютном значении (+23664), так и в относительном (+2,6 %). Во всех без исключения муниципальных образованиях с 1989 по 2010 гг. увеличилась доля КМНС в национальном составе, особенно это заметно в Анабарском (+50 %), Булуновском (+24,9 %), Жиганском (+24,5 %), Нижнеколымском (+23,3 %) районах.

Характеризуя разнообразие этнического состава республики с 1989 по 2010 гг., стоит отметить, что несмотря на общий тренд моноэтнизации, все же нередки случаи повышения ИЭМ в 2010 г. По нашим подсчетам, в двенадцати МО верхнего уровня данный показатель вырос по сравнению с 1989 г. К таким муниципальным образованиям, например, относятся г. Якутск, где индекс вырос с 0,544 до 0,627, г. Мирный (с 0,423 до 0,556), Аллаиховский (0,682 и 0,708), Булуновский (0,684 и 0,794) и др. районы. Наивысший индекс этнической мозаичности присущ для уже упомянутых Аллаиховского и Булуновского муниципалитетов, а также для Анабарского (0,776 и 0,772), Жиганского (0,724 и 0,603), Томпонского (0,625 и 0,658), Усть-Янского (0,639 и 0,716) и т. д.

Республика Тыва также относится к *типу этнических регионов*, где растёт доля коренного этноса и значительно снижается доля русских. Количество тувинцев в период с 1989 по 2010 гг. возросло на 50801 человек (17,7 %). Особенно заметно увеличение доли тувинцев в городских округах Кызыле (+38,7 %) и Ак-Довураке (+32,5 %), а также в Тандинском кожууне (+27,6 %) и др. Стоит отметить, что относительное количество тувинцев возросло практически во всех районах республики, за исключением Овюрского кожууна, где незначительно снизилась доля данного этноса (-0,3 %), и, напротив, немного увеличилась доля русского населения (+0,5 %).

Русское население по данным переписи 2010 г. уменьшилось на 49397 человек (-15,8 %). Наиболее сильно снизилась доля русских в упомянутых городских округах (-35,5 % и -26,9 % соответственно), а также в Тандинском кожууне (-26,9 %).

ИЭМ районов республики с 1989 по 2010 гг. снизился во всех муниципальных образованиях, особенно сильно индекс уменьшился в Ак-Довураке, где доля тувинцев возросла с 62 до 94,5 %, составив при этом 0,105 (в 1989 г. – 0,518). В свою очередь, наиболее высокие индексы этнической мозаичности присущи для Кызыла (0,505 и 0,455), Каа-Хемского (0,530 и 0,470) и Пий-Хемского (0,530 и 0,433) кожуунов.

Республику Хакасию, на наш взгляд, следует отнести к *промежуточному типу*, в рамках которого растут доли русских и титульного народа при потере численности русским населением и незначительного прироста хакасов. В частности, количество русских снизилось на 22783 человек при увеличении доли в 2,4 %. В разрезе МО прослеживается повышение доли русских, кроме Абакана (-1,6 %) и Аскизского района (-5,6 %). Наибольший прирост русских отмечен в Алтайском районе (+7,2 %), Саяногорске (+6 %) и др. Численность хакасов немного увеличилась в республике, а именно на 784 человека, что составило 1,1 %. В большей степени количество хакасов увеличилось в Абакане – на 5535 человек (+3 %), в то

время как в Аскизском районе повысилась доля хакасов (+8,9 %) при снижении абсолютной численности на 738 человек.

ИЭМ районов республики отмечен практически повсеместным снижением в 2010 г., за исключением г. Абакана (0,306 и 0,326). Наиболее разнообразным по своему этническому составу является Аскизский район (0,576 и 0,546).

Подсчитанные в целом по субъектам РФ ИЭМ показали, что повышение индекса этнической мозаичности свойственно только для Республики Бурятия (0,453 и 0,473), что связано с повышением доли бурят в национальном составе (+6 %) и снижением русских (-3,8 %). Наиболее высоким индексом этнической мозаичности обладает Республика Якутия (0,635 и 0,607).

Среди типов динамики этнического состава выделяются русские регионы (Иркутская область, Забайкальский и Красноярский края) с уменьшением абсолютной численности титульной нации, но повышением доли русского населения в национальном составе; этнические регионы (республики Бурятия, Якутия и Тыва), где повышается численность и доля коренного населения и происходит отток русских; промежуточный тип (Хакасия), в рамках которого растут доли и русского, и хакасского населения.

Индекс этнической мозаичности позволяет оценить степень изменений в национальном составе, что хорошо прослеживается по переписям 1989 и 2010 гг. В большинстве случаев в муниципальных образованиях макрорегиона происходит процесс моноэтнизации, который выражается в снижении ИЭМ. Данный процесс во многом свойственен для «русских» субъектов, где индекс этнической мозаичности является в целом низким, что выражается в преобладающей доле русского этноса (обычно от 90 % и более), а также для республик, в которых растет численность коренных народов и происходит отток русского населения. В то же время среди этнических субъектов определенное исключение представляет Хакасия. Для русских и коренных народов характерно стягивание в родные субъекты и муниципальные

образования, где их численность являлась высокой еще на более ранних этапах.

Вследствие процесса концентрации коренных народов в столицах своих республик повышается ИЭМ Улан-Удэ (0,427 и 0,488), Якутска (0,544 и 0,627), Абакана (0,306 и 0,326). Исключением является Кызыл (0,505 и 0,455), поскольку доля тувинцев там велика и стремительно возрастает. Наибольшая этническая мозаичность присуща для Якутии, данное обстоятельство вызвано, тем, что в республике проживает множество представителей КМНС, доля которых и численность в последнее время только увеличились, что способствовало в некоторых районах (ареалах обитания коренных малочисленных народов) росту ИЭМ.

Районирование этнического пространства Восточной Сибири по компонентам его территориальной структуры. Районирование этнического пространства Восточной Сибири осуществлено на основе адаптированной нами методики А.Г. Манакова [9] и близких ей методик В.Н. Стрелецкого [2011] и С.Г. Сафронова [2015]. При изучении этнического пространства России А.Г. Манаков [2019] выделяет четыре его главных компонента: 1) «русское этническое ядро русского мегаядра»; 2) «контактная зона русского мегаядра»; 3) «внутренняя полиэтническая периферия русского мегаядра»; 4) «внешняя полиэтническая периферия русского мегаядра». В качестве главного критерия выделения этих компонентов им использована доля русского населения, дополнительного – индекс этнической мозаичности.

В данную методику внесены следующие небольшие изменения. Во-первых, считаем, что с целью упрощения оценки достаточно одного главного критерия – доли русских. Во-вторых, если А.Г. Манаков [2019] оперирует макрорегионами, а В.Н. Стрелецкий [2011] и С.Г. Сафронов [2015] – субъектами РФ, то в нашем исследовании применяется информация по муниципальным образованиям. Столь дробный территориальный уровень для районирования этнического пространства макрорегиона использован практически впервые.

Русское мегаядро, включающее русское этническое ядро (доля русских свыше 90 %) и его контактную зону (75–90 %), протягивается в макрорегионе широкой непрерывной полосой от западной границы Красноярского края (за исключением северных Таймыра и Эвенкии) и Республики Хакасия (кроме двух южных районов) до юго-восточной границы Республики Саха и восточной – Забайкальского края (рис. 14). Внутри мегаядра обнаруживается несколько очаговых ареалов («анклавов») полиэтничной периферии. Мегаядро занимает треть территории Восточной Сибири, но концентрирует 77 % ее населения и основную часть экономического потенциала.

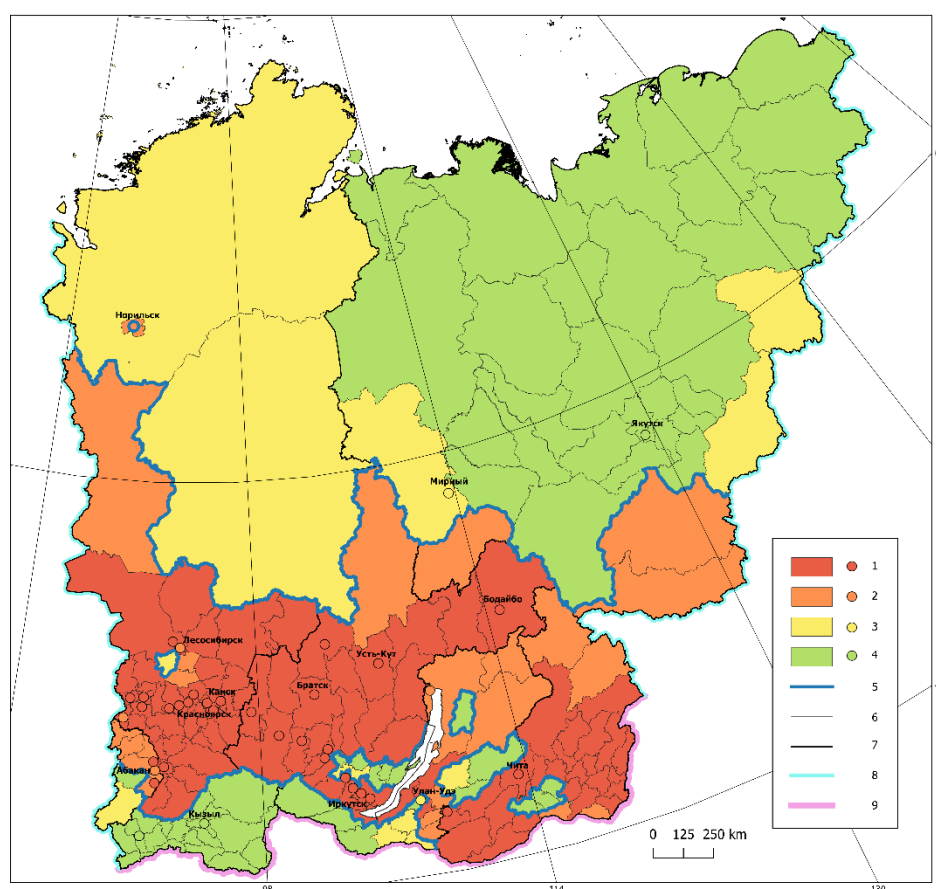

Рис. 14. Территориальная структура этнического пространства Восточной Сибири

Компоненты территориальной структуры этнического пространства (доля русских в 2010 г., %): русское мегаядро – 1 – русское этническое ядро (свыше 90), 2 – контактная зона (75–90); полиэтничная периферия русского мегаядра – 3 – внутренняя периферия (50–75), 4 – внешняя периферия (ниже 50). Границы: 5 – русского мегаядра с полиэтничной периферией, 6 – муниципальных районов, 7 – восточносибирских субъектов РФ, 8 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 9 – государственные.

Составлено автором

Из 226 территориальных единиц в ранге муниципальных образований (МО) к русскому мегаядру в 2010 г. относилось большинство – 147 (65,0 %). К таким МО принадлежали 56 из 59 городов и районов Красноярского края, 38 из 45 – Иркутской области, 30 из 33 – Забайкальского края, 9 из 11 – Хакасии. В то же время в Бурятии их 11 из 23, в Якутии – всего 3 из 36, а в Туве они отсутствуют.

При этом русское этническое ядро составляло 118 МО (более половины), массив которых идет через весь макрорегион по наиболее освоенной и заселенной его части (лишь слегка прерываясь за Байкалом отдельными районами Бурятии), включая как Главную полосу расселения, так и территории к северу и югу от нее. В ядре сосредоточено 65 % населения Восточной Сибири. Большинство МО – 113 – находится в трех «русских» регионах, тогда как в Якутии и Туве их нет совсем.

К контактной зоне относится 29 МО (12,8 %), в основном окаймляющих русское этническое ядро с севера и отчасти с юга, а также расположенных анклавами внутри самого ядра. В северных районах отмечается повышенный удельный вес КМНС, в южных – хакасов и бурятов, в анклавах Красноярского края – татар, чувашей и немцев в сельской местности, украинцев и татар в городах. Кроме того, на севере Красноярского края имеется единственный в макрорегионе анклав контактной зоны внутри полиэтничной периферии – Норильск.

В течение 1989–2010 гг. ключевая компонента русского мегаядра – русское этническое ядро – показала исключительную позитивную динамику: количество соответствующих МО выросло с 71 до 118 (табл. 7), т. е. на 47 (или в 1,7 раза). Подавляющая их часть приходится на Красноярский край (26) и Иркутскую область (17), незначительная часть – на Забайкальский край (2) и Хакасию (2). В то же время количество МО контактной зоны, наоборот, сократилось на близкую величину – с 70 до 29, т.е. на 41. Следовательно, русское этническое ядро росло за счет контактной зоны, а процесс

«русификации» был обусловлен как ассимиляцией ряда нерусских и некоренных народов, так и их повышенным миграционным оттоком.

Таблица 7

**Динамика компонентов территориальной структуры
этнического пространства Восточной Сибири
(по числу муниципальных образований – МО) за 1989–2010 гг.**

Компоненты	Доля русских, %	1989 г.		2010 г.		Изменения	
		Число МО	%	Число МО	%	Число МО	%
<i>Русское мегаядро</i>	<i>Более 75</i>	141	62,4	147	65,0	+6	+2,6
Русское этническое ядро	Более 90	71	31,4	118	52,2	+47	+20,8
Контактная зона	75–90	70	31,0	29	12,8	-41	-18,2
<i>Полиэтничная периферия русского мегаядра</i>	<i>Менее 75</i>	85	37,6	79	35,0	-6	-2,6
Внутренняя периферия	50–75	31	13,7	15	6,7	-16	-7,0
Внешняя периферия	Менее 50	54	23,9	64	28,3	+10	+4,4
Всего	x	226	100	226	100	x	x

Составлено автором

По сравнению с самим русским мегаядром гораздо сложнее конфигурация его полиэтничной периферии, куда входят внутренняя (доля русских 50–75 %) и внешняя (ниже 50 %) периферии. Периферия занимает 2/3 всей площади Восточной Сибири, но ее доля в населении намного меньше – 23 %. Периферия разорвана мегаядром на две большие сплошные части – северную и южную. В огромной северной части располагаются Таймыр и Эвенкия Красноярского края, все районы Якутии (кроме трех окраинных); южная часть меньшей площади охватывает юг Хакасии, всю Туву, ряд районов Бурятии с Улан-Удэ. Кроме того, внутри русского мегаядра есть несколько анклавов полиэтничной периферии. В Красноярском крае расположен единственный в макрорегионе анклав (Пировский район), где значительный удельный вес (более 25 %) составляет некоренной народ – татары. Наличие остальных четырех анклавов приурочено к районам с высокой долей бурятского населения: Усть-Ордынскому округу (с

прилегающим Ольхонским районом), двум ареалам Республики Бурятия, Агинскому округу.

К полиэтничной периферии русского мегадра в 2010 г. относилось 79 МО (35,0 %). К ним принадлежали все 19 МО Тувы, 33 – Якутии, 12 – Бурятии, 7 – Иркутской области, 3 – Красноярского края, 3 – Забайкальского края, 2 – Хакасии.

Меньшая часть указанных МО – 15 (6,7 %) – составляет внутреннюю периферию. Наибольшие площади она занимает на севере Красноярского края, где находятся самые обширные муниципальные районы не только Восточной Сибири, но и всей России – Таймырский и Эвенкийский (повышенный удельный вес КМНС – долган, ненцев, эвенков и др.), а также в трех окраинных районах с городом Мирным Якутии (повышенная доля якутов, эвенков и эвенов). На юге макрорегиона внутренняя периферия очень фрагментарна, а ее районы имеют значительную долю татар (Красноярский край), хакасов (Хакасия), бурятов (Иркутская область и Бурятия).

Более представительна внешняя периферия (38 % территории и 15 % населения Восточной Сибири), состоящая из 64 МО (28,3 %). Ее огромный монолитный северный ареал охватывает основную часть Якутии (29 МО), где большинство населения в подавляющем числе районов составляют якуты, в четырех районах – КМНС. На юге макрорегиона к внешней периферии принадлежат все 19 МО Тувы, 1 – Хакасии, 5 – Иркутской области, 7 – Бурятии, 3 – Забайкальского края. В этих МО Тувы преобладают тувинцы, Хакасии – хакасы, трех остальных регионов – буряты (кроме единственного Окинского района Бурятии, где большинство составляют сойоты). Но абсолютное доминирование коренных крупных народов (доля свыше 90 %) характерно только для тувинцев в Туве (13 МО) и якутов в Якутии (10 МО).

В течение 1989–2010 гг. внутренняя периферия сжалась с 31 до 15 МО (более чем в 2 раза), тогда как за ее счет внешняя периферия расширилась с 54 до 64 МО. Рост внешней периферии произошел главным образом в «этнических» регионах – Якутии (7 МО), Туве (1) и Бурятии (1), а также

Иркутской области (1). Это связано как с более высоким естественным приростом коренного населения, так и с массовым оттоком в 1990-е гг. русских и других некоренных народов, особенно из Тувы и Якутии.

Динамика территориальной структуры этнического пространства Восточной Сибири говорит о росте его двух противоположных компонентов – русского этнического ядра и внешней полиэтничной периферии. Увеличение количества МО как с очень высокой, так и с очень низкой долей русских (и соответственно с повышенной долей коренных народов) рельефно отражает тенденцию поляризации районов и городов на «русские» и «нерусские» («этнические»).

Из других тенденций трансформации этнического состава населения макрорегиона, характерных для постсоветского этапа, отметим следующие. Если общепризнанной тенденцией считается гетерогенизация этнического состава населения крупных городов [Сафронов, 2015; Стрелецкий, 2011], то в «русских» регионах Восточной Сибири их центры отличаются, наоборот, большей моноэтничностью («русифицированностью»), чем подконтрольные им субъекты РФ. Доля русских в Красноярске (91,9 %) выше их доли в крае (91,3 %), в Иркутске (91,8 %) – выше их доли в области (91,4 %), в Чите (93,4 %) – выше их доли в крае (89,9 %).

Иная тенденция проявляется в «столицах» «этнических» регионов, где замещение русских представителями титульных народов идет более быстрыми темпами, чем в их республиках в целом. За 1989–2010 гг. темпы роста доли титульных народов в Кызыле, Якутске и Улан-Удэ опережали аналогичные темпы в их регионах соответственно на 21,0, 5,8 и 5,3 %, что объяснимо процессами продолжающейся экстенсивной урбанизации и стремлением коренных народов к сосредоточению в своем центре без последующей миграции [Тихонов, 2019].

Ведущая тенденция, характерная для коренных малочисленных народов, – почти повсеместное повышение их доли за счет усиления процесса этнической идентификации и миграционного оттока русских и другого

некоренного населения, в результате чего в 11 МО эта доля превышает 20 %. Другая тенденция – все большая концентрация представителей КМНС не только в «местах традиционного проживания», но и в соответствующих региональных центрах: от 12 до 15 % эвенков, эвенов, юкагиров и долган Якутии, сосредоточивается в самом Якутске, 14 % эвенков Бурятии – в Улан-Удэ, 7 % эвенков Иркутской области – в Иркутске и т. д.

Выводы по главе 2

Данные переписей 1989 и 2010 гг. зафиксировали отток русского населения, но при этом доля русского населения в национальном составе в «русских» субъектах увеличилась. Более значительное уменьшение численности, как в абсолютных, так и относительных показателях, коснулось целых групп народов, а именно, украинцев и белорусов, национальностей Урало-Поволжья, немцев и евреев. Напротив, крупные и малые коренные народы Восточной Сибири преимущественно увеличили свою численность и долю в национальном составе. Кроме того, за счет миграции в регионы Восточной Сибири выросла численность таких групп народов, как этносы Центральной Азии и Закавказья, а также Восточной Азии.

Среди типов динамики этнического состава выделяются русские регионы (Иркутская область, Забайкальский и Красноярский края) с уменьшением абсолютной численности титульной нации, но повышением доли русского населения в национальном составе; этнические регионы (республики Бурятия, Якутия и Тыва), где повышается численность и доля коренного населения и происходит отток русских; промежуточный тип (Хакасия), в рамках которого растут доли и русского, и хакасского населения.

Индекс этнической мозаичности позволяет оценить степень изменений в национальном составе, что хорошо прослеживается по переписям 1989 и 2010 гг. В большинстве случаев, в муниципальных образованиях макрорегиона происходит процесс моноэтнизации, который выражается в снижении ИЭМ. Данный процесс во многом свойствен для «русских» субъектов, где индекс этнической мозаичности является в целом низким, что

выражается в преобладающей доле русского этноса (обычно от 90 % и более), а также для республик, в которых растет численность коренных народов и происходит отток русского населения. В то же время среди этнических субъектов определенное исключение представляет Хакасия. Для русских и коренных народов характерно стягивание в родные субъекты и муниципальные образования, где их численность являлась высокой еще на более ранних этапах.

Вследствие процесса концентрации коренных народов в столицах своих республик повышается ИЭМ Улан-Удэ (0,427 и 0,488), Якутска (0,544 и 0,627), Абакана (0,306 и 0,326). Исключением является Кызыл (0,505 и 0,455), поскольку доля тувинцев там велика и стремительно возрастает. Наибольшая этническая мозаичность присуща для Якутии: данное обстоятельство вызвано, тем, что в республике проживает множество представителей КМНС, доля которых и численность в последнее время только увеличились, что способствовало в ряде районов (ареалах их обитания) росту ИЭМ.

Восточная Сибирь остается полиэтничной, но на современном постсоветском этапе на ее территории, наряду со сложившимися ранее этническими процессами и тенденциями, отчетливо проявились новые. Трансформация этнического состава населения очень дифференцирована «от места к месту» и во многом связана с различиями «русских» и «нерусских» («этнических») регионов, в том числе с существованием сложной иерархии разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства. Постсоветская динамика территориальной структуры этнического пространства макрорегиона говорит в первую очередь о расширении его двух противоположных ключевых компонентов – русского этнического ядра и внешней полиэтничной периферии. Ядро росло за счет контактной зоны в «русских» регионах и Хакасии, а внешняя периферия расширялась за счет внутренней периферии «этнических» регионов.

В рисунке и динамике этнического расселения прослеживаются определенные пространственные закономерности. Доля русского населения в

целом снижается с запада на восток и с удалением на север и юг от Главной полосы расселения, составляющей основу русского этнического ядра. Более сильный рост доли русских на постсоветском этапе наблюдается в МО западной части макрорегиона – Красноярском крае и Иркутской области, слабее – в МО восточной – Забайкальском крае. Удельный вес коренных народов Сибири повышается к северу и югу от русского этнического ядра. Активность тенденции моноэтнизации восточносибирских республик зависит как от исходной доли их титульных народов в населении, времени присоединения к России, значимости русского языка и культуры, так и, пожалуй, в еще большей мере от географического положения этих «этнических» регионов. Неблагоприятное географическое положение Тувы и Якутии определяет их транспортную изолированность и труднодоступность, что ограничивает территориальную и социальную мобильность коренного населения, создает основу для этнической замкнутости, стимулируя в итоге процесс моноэтнизации. В то же время в республиках с более благоприятным географическим положением (в пределах Главной полосы расселения), ситуация во многом иная: в Бурятии и тем более Хакасии процесс моноэтнизации выражен гораздо слабее.

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧНОСТИ НА ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В данной главе раскрываются ключевые аспекты исследования, связанные с оценкой этнического фактора на ряд политико-географических процессов. Решается задача № 3: определить степень влияния национального состава (доли коренного населения) на электоральные процессы (явку и политические предпочтения) и на процессы этнизации и коренизации власти, этнократические тенденции (элитогенез), национального состава и статуса национально-территориальных единиц – на сохранение национальной идентичности и родного языка. Выявлена в основном средняя теснота положительной связи между долей коренных народов и явкой на муниципальных выборах, высокая теснота – на избирательных кампаниях регионального и федерального значения. Политические предпочтения в отношении партии Единая Россия (ЕР) и В.В. Путина в целом также характеризуются высокой положительной корреляцией. Напротив, отношение к оппозиционным партиям и их лидерам, особенно к ЛДПР, являются негативным: коэффициенты корреляции демонстрируют иногда очень высокую отрицательную степень связи. Этнократические тенденции прежде всего выражаются в предпочтении лиц своей национальности на политических должностях, бюджетных организациях (что раскрыто на примере УОБО), клановости и т. д. Рассмотрены также такие вопросы влияния этнического фактора на политико-географические и связанные с ними процессы, как сохранение национальной идентичности коренных народов, феномен сибирской идентичности, формирование общероссийской идентичности, современные тенденции образования на родном языке коренных народов и сохранения языкового наследия.

3.1 Влияние этничности на электоральные процессы

В структуре политической географии важное место отводится изучению электорального поведения граждан (электоральная география), на

формирование которого оказывает множество факторов, среди которых следует назвать место проживания (город или село), социально-экономические условия, этническую принадлежность. Свой вклад во влияние коренных этносов Восточной Сибири на электоральные процессы вносит разный статус территорий по этническому принципу. Как правило, более ощутимо влияние коренных народов на итоги выборов в восточносибирских республиках с существенной долей титульных этносов, а также в единицах с особым статусом (особенно в бурятских округах, вследствие высокой доли бурятов в национальном составе), и наименее отчетливо проявляется в отдельных местах традиционного проживания КМНС внутри «русских» субъектов.

Влияние обширного национального состава регионов России на итоги избирательных кампаний на данный момент изучено недостаточно в научных кругах, однако имеющаяся информация позволяет сделать вывод о том, что коренные этносы отличаются высокой степени поддержки правящей партии и политиков и более высоким уровнем явки на избирательные участки. Причина такого поведения состоит в особой («контролируемой») электоральной культуре, для которой присущи вышеуказанные особенности. В отличие от коренных этносов, русское население характеризуется изменчивым характером уровня явки и более сиюминутными политическими предпочтениями.

Как уже упоминалось выше, Р.Ф. Туровским [1999] было подмечено, что результаты голосования в большей степени зависят от локальной политической культуры. Исследователем была предложена типология районов и городов Иркутской области по электоральной культуре в конце 1990-х гг. Безусловно, что некоторые положения данной теории трансформировались к настоящему времени. Например, Р.Ф. Туровский характеризовал города области как представителей пассивной либеральной культуры, для которых характерен высокий уровень поддержки власти, либеральных реформ, антикоммунизм и др. Однако на выборах губернатора

Иркутской области в 2015 г. кандидата С.Г. Левченко от партии КПРФ поддержали большинство избирателей указанных городов.

Тем не менее, несмотря на электоральные изменения прошедших десятилетий, один тип проявил заметную устойчивость. Это контролируемая электоральная культура, распространенная на территории Усть-Ордынского Бурятского округа (УОБО). Данное понятие означает возможность властей обеспечить необходимый уровень явки и процент голосов за конкретную партию или кандидата. В своей активной форме указанная культура существовала в Баяндаевском (60,9 % коренного населения), Нукутском (46,5 %) и Осинском (46,9 %) районах, а также в Ольхонском районе, не входящем в состав УОБО, но имеющем высокую долю коренного населения (49,7 %) [Туровский, 1999]. Пассивная контролируемая электоральная культура наблюдалась в Эхирит-Булагатском районе (51 %). Несколько менее контролируема ситуация в Аларском (25,1 %) и Боханском (21,5 %) районах, одной из причин чего является, на наш взгляд, именно меньшая доля коренных жителей в национальном составе их населения.

Связь электоральных особенностей муниципальных районов УОБО с долей их коренного населения подтверждается и другими данными. Так, анкета Всероссийского референдума 1993 г. зафиксировала следующие ответы на вопросы, касающиеся доверия к Б.Н. Ельцину как политическому лидеру государства и к его социально-экономической политике. Отрицательно на оба вопроса ответили Аларский, Баяндаевский и Нукутский районы, выказали доверие президенту, хотя и проявили недовольство социально-экономической политикой Боханский, Осинский и Эхирит-Булагатский районы [Арбатская, 2006]. Показательным сюжетом, на наш взгляд, является выездной тип голосования. В частности, на выборах в Государственную Думу в 1999 г. так предпочла проголосовать значительная часть жителей УОБО, причем в сравнении с Иркутской областью уровень проголосовавших таким образом в округе выше в 2–3 раза [Арбатская, 2006].

Нами были проанализированы итоги выборов (муниципальные, депутатов Государственной Думы 2011 и 2016 гг., Президента 2012 и 2018 гг., губернаторские, депутатов Законодательного Собрания), а также результаты последнего Общероссийского голосования по внесению поправок в Конституцию РФ 2020 г. Для этого использованы данные Всероссийской переписи-2010 и сведений избиркомов Восточной Сибири, начиная с 2010 г. и по настоящее время, по двум важнейшим показателям – уровню явки и политическим предпочтениям [Размахнина, 2020]. Гипотеза исследования сводится к тому, что имеется связь между долей коренных народов (рис. 15) в национальном составе муниципальных образований и уровнем явки, количеством голосов за определенного кандидата или партию, причем теснота связи возрастет в зависимости от доли коренных народов. Наличие связи между двумя переменными было определено с помощью корреляционного анализа.

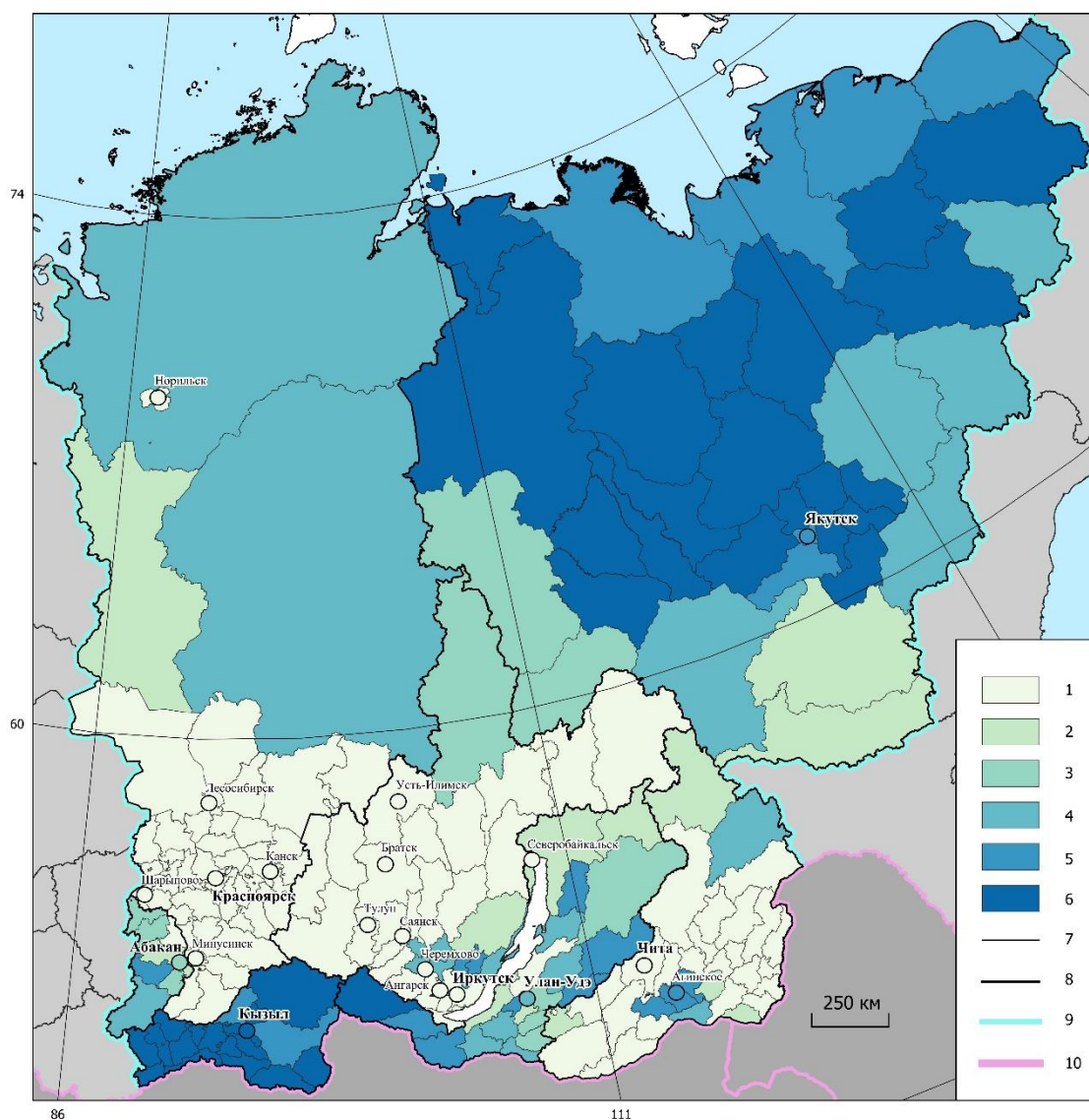

Рис. 15. Доля коренных народов в МО Восточной Сибири по состоянию на 2010 г.

Доля коренных народов по состоянию на 2010 г., %: 1 – 0–5, 2 – 5–10, 3 – 10–20, 4 – 20–50, 5 – 50–75, 6 – 75–100. Границы: 7 – муниципальных районов, 8 – субъектов РФ, 9 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 10 – государственные.

Составлено автором

Явка. Информация о численности этносов за 2010 г. на нижнем уровне МО содержат только материалы переписи по Иркутской области, республикам Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. Общие коэффициенты по указанным субъектам РФ при анализе муниципальных выборов составили: 0,64 (выборы глав поселений) и 0,60 (выборы депутатов поселений). Выборы (446 избирательных кампаний), проведенные на верхнем уровне МО по семи восточносибирским субъектам РФ, демонстрируют более высокую степень

взаимосвязи доли коренного населения и явки: 0,70 – выборы мэров районов и городских округов и 0,72 – выборы депутатов (рис. 16).

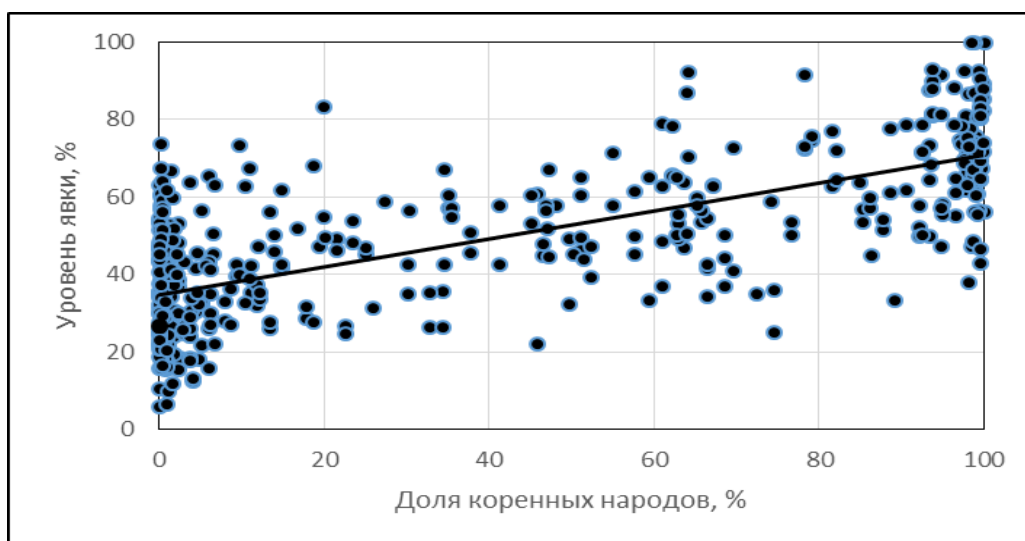

Рис. 16. Взаимосвязь доли коренных народов и уровня явки на выборах депутатов районов и городских округов (2010–2019 гг.) в МО Восточной Сибири

Составлено автором

Более детально характеризуя взаимосвязь между долей коренного населения и уровнем явки, необходимо рассмотреть коэффициенты корреляции по регионам. Наивысшую тесноту связи показала Республика Якутия: 0,52 – выборы мэров по нижнему уровню МО, 0,55 (2014–2019) – выборы депутатов по нижнему уровню МО, 0,75 и 0,62 – выборы мэров и депутатов по верхнему уровню МО. Следом идет Иркутская область: 0,50 и 0,51 – выборы мэров и депутатов поселений за 2010–2013 гг., 0,54 и 0,63 (2014–2019) – выборы мэров и депутатов по высшему уровню МО. Республика Бурятия также продемонстрировала среднюю тесноту связи (0,58) на выборах мэров и депутатов по районам и городским округам. Выборы депутатов районов и городских округов в Забайкальском крае показали среднюю корреляцию (0,54). Корреляционный анализ, проведенный по итогам выборов мэров нижнего уровня МО в Республике Тыве, выявил среднюю тесноту взаимосвязи (0,69). В то же время выборы, проведенные на верхнем уровне

МО в Красноярском крае и Республике Хакасия, продемонстрировали слабую тесноту связи.

Явка на выборах регионального значения, а именно, губернатора и Законодательного Собрания, в некоторых субъектах демонстрируют более высокую степень связи. В частности, к таким избирательным кампаниям относятся: выборы губернатора в Забайкальском крае в 2013 г. – 0,75, Законодательного Собрания 2013 г. – 0,74; главы Республики Саха (Якутия) в 2014 г. – 0,83 и в 2018 г. – 0,86.

Далее рассмотрим явку избирательных кампаний федерального уровня (выборы в Государственную Думу 2011 и 2016 гг., Президента в 2012 и 2018 гг.) по всем регионам Восточной Сибири. В данном случае теснота связи является более высокой: 0,79 – выборы в Государственную Думу 2011 г.; 0,84 – выборы Президента в 2012 г. (рис. 17), 0,77 – выборы в Государственную Думу в 2016 г., 0,72 – выборы Президента в 2018 г. Уровень явки последних парламентской и президентской избирательных кампаний (2016, 2018 гг.) по восточносибирским МО изображен на рис. 18, 19.

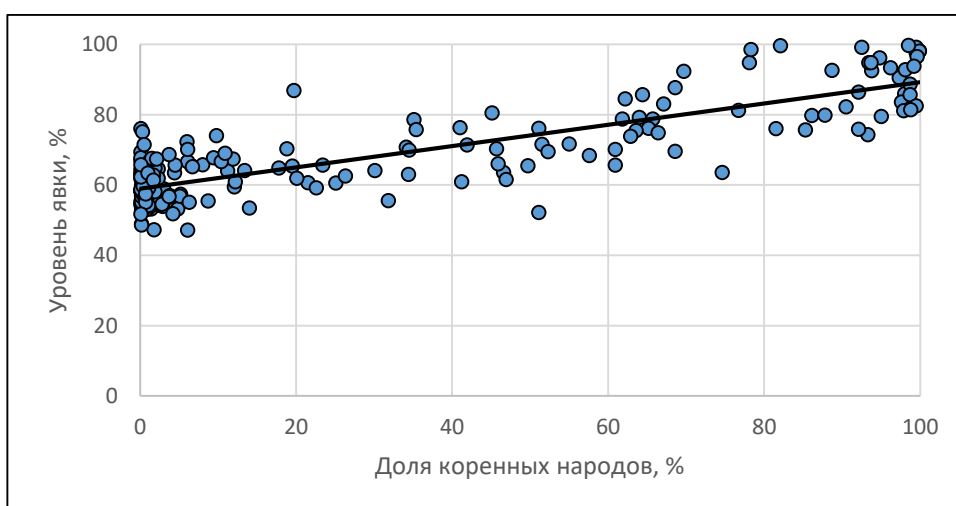

Рис. 17. Взаимосвязь доли коренных народов и уровня явки на выборах Президента 2012 г. в МО Восточной Сибири
Составлено автором

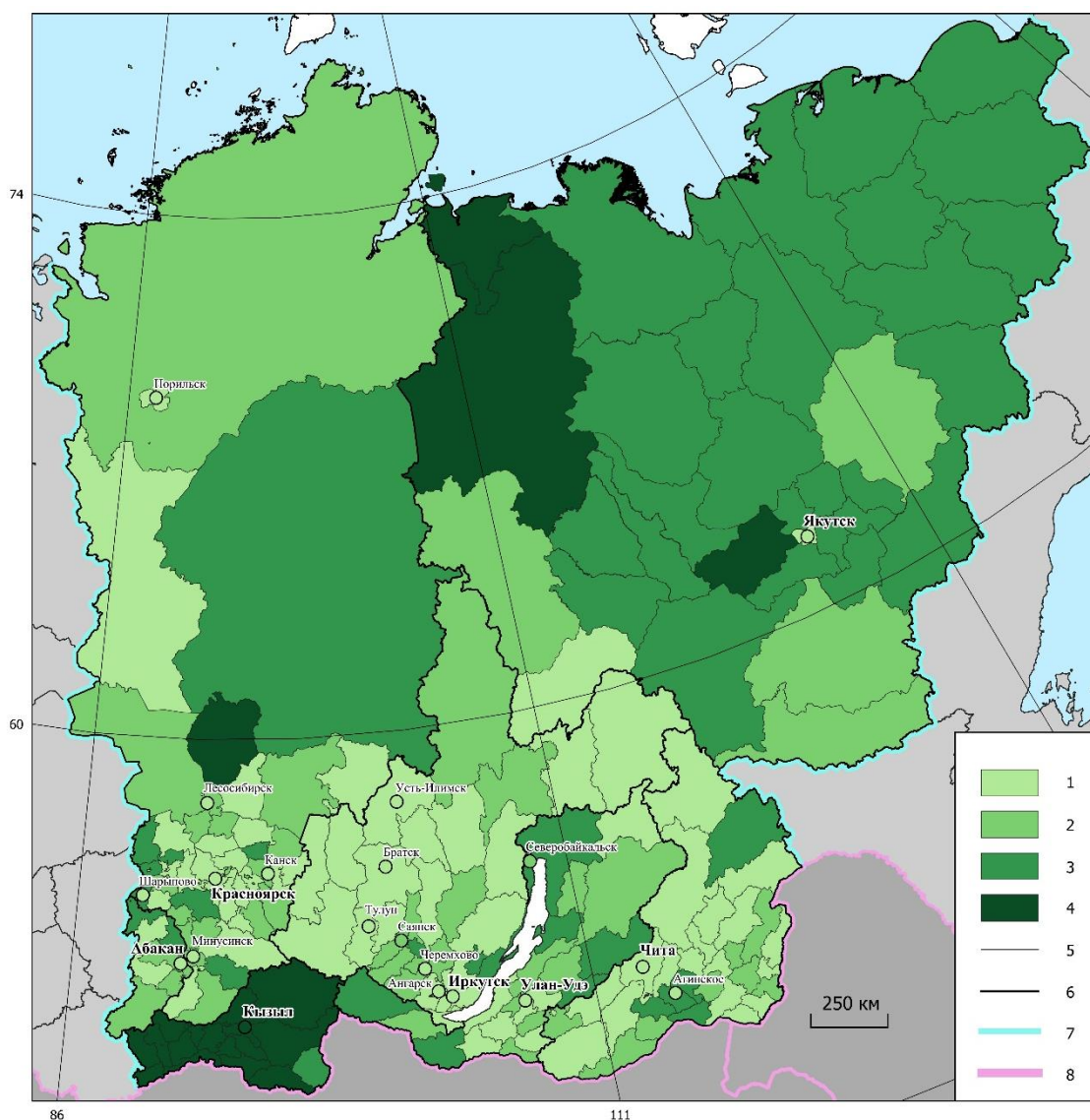

Рис. 18. Уровень явки на выборах в Государственную Думу 2016 г. в МО Восточной Сибири

Уровень явки, %: 1 – 25–40, 2 – 40–50, 3 – 50–70, 4 – 70–100. Границы: 5 – муниципальных районов, 6 – субъектов РФ, 7 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 8 – государственные.

Составлено автором

Уровень явки на выборах в Государственную Думу 2016 и Президента 2018 г. является достаточно высоким в Туве, Якутии и Бурятии, в то время как в основном в русских регионах, а также МО с высокой долей русского населения явка не столь высока. Кроме того, заметно, что по итогам избирательной кампании 2018 г. на картосхеме добавились районы с очень высокой явкой (80–100 %): Тере-Хольский (98,1 % коренных этносов) в Туве, Окинский (93,3 %), Закаменский (65,7 %), Кяхтинский (23,4 %), Курумканский (68,6 %), Еравнинский (55 %), Кижингинский (62,2 %), Хоринский (35,1 %) в

Бурятии, Верхневилуйском (98 %), Амгинском (93,8 %) и Чурапчинский (98,7 %) в Якутии.

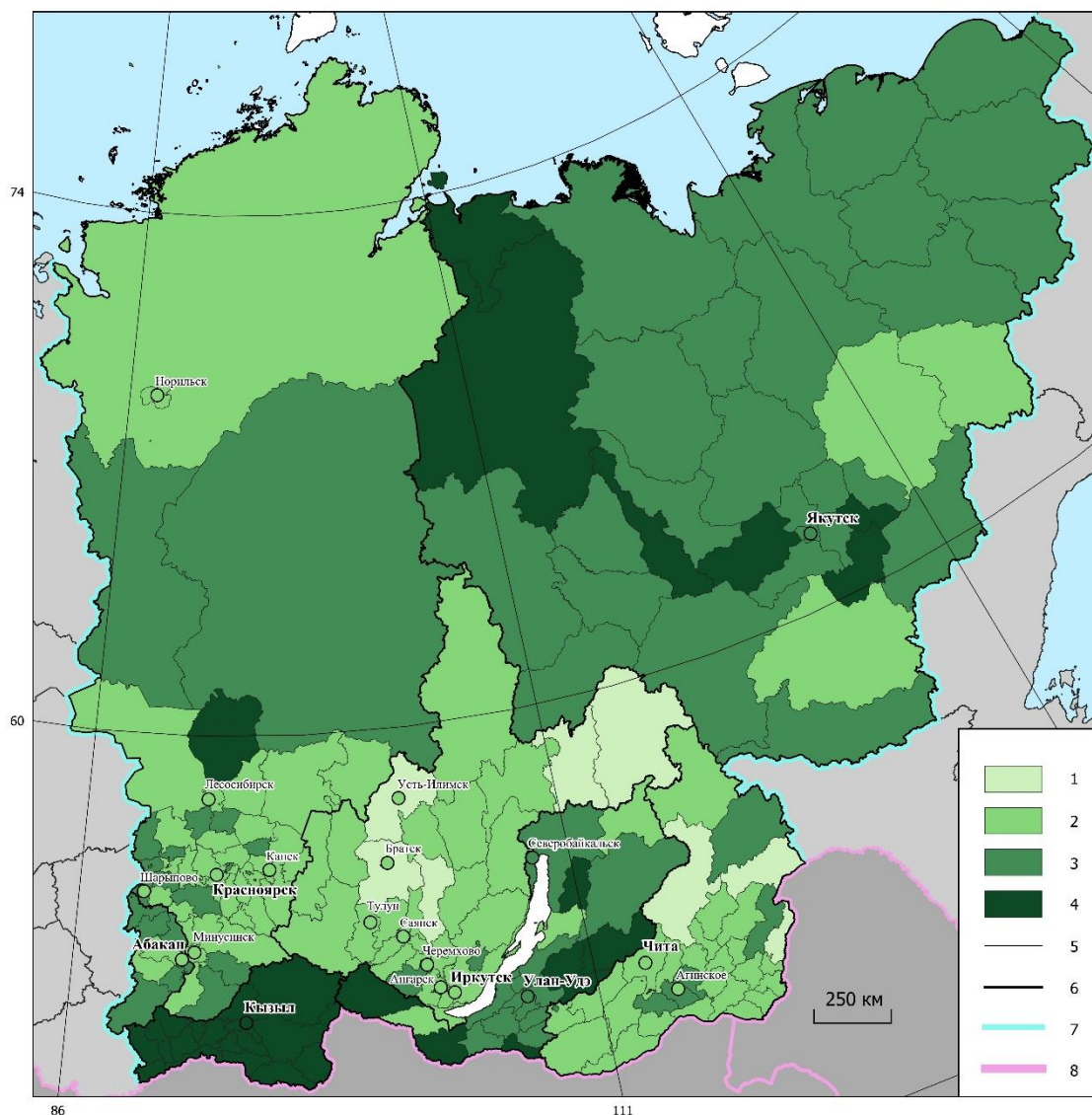

Рис. 19. Уровень явки на выборах Президента 2018 г. в МО Восточной Сибири

Уровень явки, %: 1 – менее 50, 2 – 50–65, 3 – 65–80, 4 – 80–100. Границы: 5 – муниципальных районов, 6 – субъектов РФ, 7 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 8 – государственные.

Составлено автором

При анализе такого важного показателя электорального поведения, как явка, не следует преуменьшать значимость этнической компоненты. Р.Ф. Туровский [1999] указывает на важность так называемого раскола «город–село», обуславливающего, в том числе, избирательную активность граждан. Закономерно, что сельские жители отличаются от городских более

обязательным отношением к голосованию. Коренные этносы часто проживают в сельской местности, однако, по нашим наблюдениям, их активность по итогам избирательного процесса значительно выше, чем у русских жителей села.

На примере Иркутской области заметно, что значительное количество сельских поселений с преобладающей долей русского населения показало явку менее 50 % [Размахнина, 2020]. По нашим подсчетам, в 2010–2019 гг. в Иркутской области состоялось 575 избирательных кампаний (выборы глав поселений) в МО с долей русских не менее 80 %. Из них 277 кампаний (около половины) показали низкую явку – менее 50 %. В то же время выборы в сельских поселениях с высокой долей коренного населения (более 80 %) содержат лишь пять избирательных кампаний (15,6 %) с явкой менее 50 % (табл. 8).

Таблица 8

Доля коренного населения и уровень явки избирателей МО нижнего уровня Иркутской области на выборах глав их поселений и мэров за 2010–2019 гг. (для МО с долей коренного населения от 80 до 100 %)

№	МО – район (дата)	Доля коренного населения, %	Уровень явки, %
1	Курумчинский – Баяндаевский (10.10.10)	82,3	68,2
2	Онгуренское – Ольхонский (14.10.12)	81,8	74,1
3	Ныгда – Аларский (14.10.12)	90,0	62,6
4	Кырма – Баяндаевский (14.10.12)	95,1	68,2
5	Гаханы – Баяндаевский (08.09.13)	92,0	72,2
6	Капсальское – Эхирит-Булагатский (08.09.13)	85,9	66,1
7	Ирхидей – Осинский (08.09.13)	92,1	67,7
8	Каха-Онгойское – Осинский (08.09.13)	86,7	54,8
9	Корсукское – Эхирит-Булагатский (08.09.13)	89,0	59,4
10	Ново-Ленино – Осинский (08.09.13)	86,7	60,0
11	Обуса – Осинский (08.09.13)	88,6	67,9
12	Олойское – Эхирит-Булагатский (08.09.13)	85,6	54,6
13	Улейское – Осинский (08.09.13)	88,9	66,3
14	Харазаргайское – Эхирит-Булагатский (08.09.13)	84,8	56,6
15	Шаратское – Нукутский (08.09.13)	81,2	54,7
16	Корсукское – Эхирит-Булагатский (29.03.15)	89,0	60,5
17	Курумчинский – Баяндаевский (13.09.15)	82,3	75,3
18	Гаханы – Баяндаевский (26.03.17)	92,0	57,0
19	Буреть – Боханский (10.09.17)	96,5	48,2
20	Кырма – Баяндаевский (10.09.17)	95,1	56,7

21	Ныгда – Аларский (10.09.17)	90,0	30,9
22	Онгуренское – Ольхонский (01.08.17)	81,8	44,7
23	Ирхидей – Осинский (09.09.18)	92,1	68,4
24	Капсальское – Эхирит-Булагатский (09.09.18)	85,9	64,6
25	Каха-Онгойское – Осинский (09.09.18)	86,7	67,5
26	Ново-Ленино – Осинский (09.09.18)	86,7	36,3
27	Обуса – Осинский (09.09.18)	88,6	69,1
28	Олойское – Эхирит-Булагатский (09.09.18)	85,6	61,6
29	Онгуренское – Ольхонский (09.09.18)	81,8	45,4
30	Шаратское – Нукутский (09.09.18)	81,2	55,3
31	Улейское – Осинский (09.09.18)	88,9	58,2
32	Харазаргайское – Эхирит-Булагатский (09.09.18)	84,8	59,9

** в 2019 г. в указанных МО не проводилось избирательных кампаний*

Составлено по: Сайт избирательной комиссии Иркутской области

URL: <http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk>

Кроме того, нами были проведены полевые исследования, заключающийся в анкетировании коренных народов, проживающих в сельской местности. Опрос респондентов осуществлен в трех МО – Капсальском (Эхирит-Булагатский район УОБО, Иркутская область), Южном Аргалее (Агинский район АБО, Забайкальский край), Сойотском (Окинский район, Республика Бурятия). В общей сложности, было опрошено 288 местных жителей. Первый вопрос анкеты «Голосуете ли Вы на выборах?» предполагает три варианта ответа – «Обычно да», «Иногда зависит от обстоятельств» и «Не голосую». В целом, 249 респондентов (86,4 %) постоянно ходят на выборы, 25 (8,7 %) иногда, 14 (4,8 %) не голосуют в ходе избирательных кампаний.

Как упоминалось выше, высокая явка особенно характерна для МО со значительной долей коренных народов. Зарубежные исследователи [Goodnow, Moser, Smith, 2014], опираясь на выборы в Государственную Думу 2011 г., выдвигают тезис о возможных фальсификациях в ходе избирательной кампании, если по итогу ее явка составила 75 % и выше. В доказательство этой гипотезы исследователи приводят среднюю явку на выборах в Государственную Думу в 2011 г., которая составила 64 %, а также указывают на слабое социально-экономическое положение регионов, где явка была чрезвычайно высока и т. д. Данное явление особенно контрастно проявилось на примере северокавказских республик, но полагаем, что высокая явка вкпе

с возможными фальсификациями в более сглаженной форме присуща и восточносибирским МО с высокой долей коренных этносов.

Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, прошедшее в 2020 г., также показало, что в Восточной Сибири имеются этнические МО с высокой явкой (выше 75 %), демонстрирующие повышенный процент одобрения поправок. Ниже представлены МО с долей коренных народов не менее 10 % с указанным уровнем явки (табл. 9, рис. 20).

Таблица 9

Этнические МО Восточной Сибири с явкой не менее 75 % на Общероссийском голосовании по внесению поправок в Конституцию 2020 г.

Субъект	№	Район/городской округ	Доля коренных этносов, %	Явка, %	«За», %	«Против», %
Республика Бурятия	1	Еравнинский	55,0	94,9	93,1	6,5
	2	Закаменский	65,7	97,5	90,3	9,3
	3	Кижигинский	62,2	96,5	96,6	3,0
	4	Курумканский	68,6	83,8	88,0	10,9
	5	Кяхтинский	23,4	82,3	88,0	11,2
	6	Окинский	93,3	78,9	70,8	28,0
	7	Селенгинский	34,0	75,7	83,0	15,7
	8	Тункинский	65,2	84,2	70,6	28,6
	9	Хоринский	35,1	95,9	97,7	1,6
Республика Тыва	10	Ак-Довурак	94,8	90,3	97,1	2,7
	11	Бай-Тайгинский	99,9	95,9	99,3	0,5
	12	Барун-Хемчикский	99,5	96,8	97,4	2,4
	13	Дзун-Хемчикский	99,5	97,8	97,9	1,8
	14	Каа-Хемский	64,4	98,6	99,1	0,8
	15	Кызыл	68,6	84,8	94,5	5,0
	16	Кызыльский	78,1	98,7	97,6	2,2
	17	Монгун-Тайгинский	99,5	98,2	98,3	1,4
	18	Овюрский	98,8	99,0	99,5	0,5
	19	Пий-Хемский	69,7	97,5	97,8	2,1
	20	Сут-Хольский	99,9	99,6	99,3	0,6
	21	Тандинский	78,3	97,9	98,1	1,8
	22	Тере-Хольский	98,1	100	98,7	1,1
	23	Тес-Хемский	98,5	99,8	99,3	0,5
	24	Тоджинский	82,1	94,7	91,6	7,6
	25	Улуг-Хемский	92,5	99,2	97,8	2,0
	26	Чаа-Хольский	99,6	96,5	95,8	3,7
	27	Чеди-Хольский	93,7	93,3	97,1	2,8
	28	Эрзинский	99,2	97,1	99,4	1,1
Республика Хакасия	29	Таштыпский	45,7	75,0	77,7	20,3
	30	Ширинский	10,9	86,7	88,2	10,7

Республика Саха (Якутия)	31	Анабарский	93,4	87,0	57,3	37,4
	32	Верхневилуйский	98,0	85,5	81,8	17,7
	33	Оленекский	97,2	93,4	73,0	26,2
	34	Таттинский	98,8	78,5	71,6	27,5
Забайкальский край	35	Тунгиро-Олёкминский	19,7	75,6	89,8	9,2
Иркутская область	36	Баяндаевский	60,9	75,3	64,6	34,7

Составлено по: Данные избирательных комиссий восточносибирских субъектов 2010–2020 гг.

URL: <http://www.cikrf.ru/>

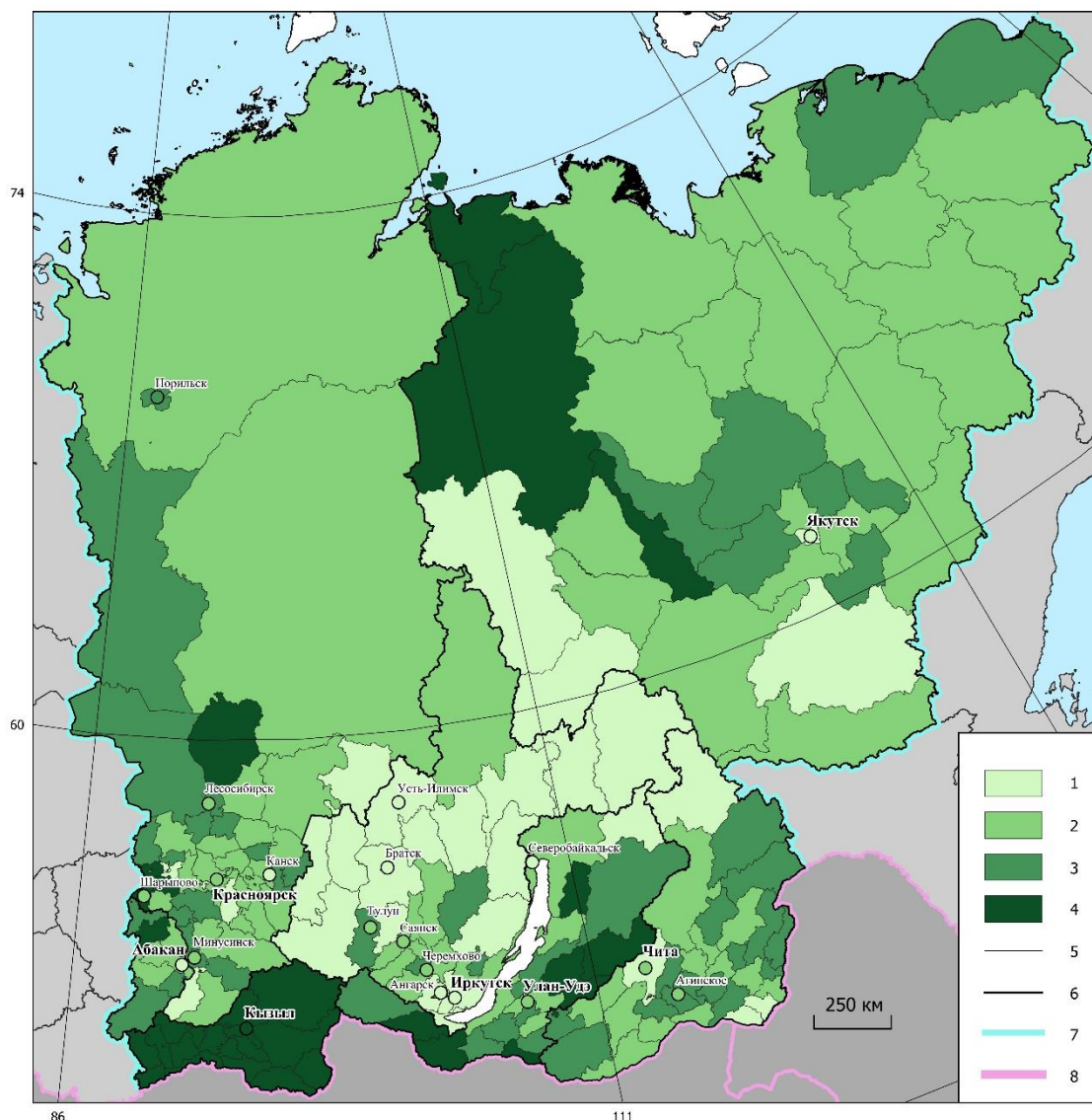

Рис. 20. Уровень явки на Общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ 2020 г. в МО Восточной Сибири

Уровень явки, %: 1 – менее 50, 2 – 50–65, 3 – 65–80, 4 – 80–100. Границы: 5 – муниципальных районов, 6 – субъектов РФ, 7 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 8 – государственные.

Составлено автором

Политические предпочтения. Взаимосвязь национального состава и политических предпочтений является более широко изученным предметом в научных кругах, нежели зависимость уровня явки от доли коренных народов. Прежде чем перейти к анализу связи двух вышеуказанных компонентов для Восточной Сибири и ее регионов, следует обратиться к общим особенностям, которые определяют итоги голосования за партии или кандидатов.

Коренные народы традиционно характеризуются высокой степени поддержки «Единой России» и В.В. Путина. Е.В. Беловой [2015] на примере республик Северного Кавказа к причинам поддержки были отнесены немалые дотации из федерального центра, личный характер взаимоотношений между главами республик и президентом страны, беспрецедентное использование административного ресурса на местах, обращение к коллективному голосованию членов этнических групп за определенную партию или кандидата в традиционных общественных структурах. В целом, как отмечает Н.В. Гришин [2006], за период 1999–2003 гг. усилилась поддержка партии «Единая Россия» (ЕР) в регионах Северного Кавказа (ранее движение «Единство»): если в 1999 г. за партию в среднем проголосовало 18 % населения, то в 2003 г. – уже 60 %.

Среди вопросов анкеты, посвященной политическому поведению коренных народов, мы просили охарактеризовать отношение к «Единой России», используя три варианта ответа – «положительно», «нейтрально» и «отрицательно». В результате 51,2 % жителей-бурятов АБО (Южный Аргалей) оценили данную партию в позитивном ключе, 37,5 % «нейтрально», 10 % негативно; 41,6 % сойотов и бурятов МО «Сойотское» – «положительно», 40,7 % «нейтрально», 11,1 % «отрицательно»; более сдержаны в своих оценках буряты УОБО (Капсальское МО) – 46 % «нейтрально», 25 % «положительно», 23 % «отрицательно». Полагаем также, что об отношении к ЕР может свидетельствовать вопрос «Как Вы голосовали на Общероссийском голосовании по внесению поправок в Конституцию?», где были предложены варианты «за», «против», «не желаю говорить», отдельно были учтены те, кто

не ходил голосовать. В итоге, 58,3 % опрошенных МО «Сойотское» поддержали поправки, 6,5 % были против, 18,5 % не желали говорить, 16,6 % не ходили; 57,5 % респондентов Южного Аргалея проголосовали «за», 12,5 % против, 25 % предпочли не говорить, 5 % не ходили; 48 % бурятов Капсальского «за», 20 % «против», 13 % не стали говорить, 19 % не ходили на голосование.

На примере УОБО Иркутской области заметны усилия ЕР по привлечению электората. Поскольку основной специализацией данных районов является сельское хозяйство, то вопросам его развития уделялось повышенное внимание кандидатами от «Единой России». Например, на внутрипартийном голосовании ЕР и представителей общественных организаций в п. Усть-Ордынский по определению кандидата на выборы губернатора области, состоявшемся в 2015 г., лидировали врио губернатора региона С.В. Ерощенко (98 %) и К. Алдаров (60,7 %) – депутат Заксобрания, руководитель комитета по экологии и природопользованию [На праймериз..., 2015]. Оба кандидата в своих выступлениях, особенно С.В. Ерощенко, сделали акцент на областные финансовые вложения, субсидии и дотации из федерального бюджета, различные программы и гранты для фермеров.

По мнению Р.Ф. Туровского [1999], для крупных коренных народов (титульные этносы в национальных республиках), проживающих в сельской местности, присущ республиканский тип голосования, который выражается в том, что под влиянием местных властей электорат голосует за федеральную партию власти и кандидатов от нее. В данной связи примечателен следующий пример: в Туве уже в первом туре президентских выборов 1996 г. Б. Ельцин получил 86,1 % голосов в Барун-Хемчикском районе (96,8 % тувинцев по данным 1989 г.), в котором родился президент Тувы Ш. Ооржак [Туровский, 1999].

По отношению к оппозиционным партиям (ЛДПР, КПРФ, Справедливая Россия и др.), востребованных у русского населения, заметно их неприятие у коренных народов по итогам голосования. На примере республик Северного

Кавказа Е.В. Белова [2015] подчеркивает, что одной из причин неприязни данных партий на парламентских выборах 2011 г. послужили откровенно националистические высказывания и лозунги («Защитить русских!», «Вставайте, люди русские!»). Следует отметить, что тенденция, свидетельствующая о низкой степени поддержки ЛДПР у коренного населения, наметилась еще в 1990-е гг. Например, на парламентских выборах 1995 г. по итогам голосования заметно отторжение ЛДПР в мусульманских и тюркских республиках. При этом в районах проживания православных финно-угорских народов (коми, карелы, марийцы и пр.) и православных тюркчувавшей партия пользовалась определенной популярностью.

На примере Восточной Сибири заметна дифференциация политических предпочтений по отношению к оппозиционным партиям в русских и коренных регионах и их районах. В частности, в Бурятии, являющейся субъектом с высокой долей титульной нации, по замечанию Е.С. Данзанова [2010], проявилась низкая степень поддержки ЛДПР коренным населением в период с 1993 по 2002 г. на уровне территориальных избирательных комиссий (ТИК), что подтверждается высокой теснотой отрицательной связи (коэффициент корреляции равен $-0,91$). Низкую поддержку получил в Бурятии и С.Ю. Глазьев на выборах президента в 2004 г., причем в данном случае коэффициент корреляции говорит о средней отрицательной связи ($-0,55$) [Данзанов, 2010].

Выборы Президента РФ 2018 г. показали крайне негативное отношение к лидеру ЛДПР В.В. Жириновскому в большинстве восточносибирских республик (рис. 21, прил. Е). Соответствующие коэффициенты корреляции говорят о высокой тесноте отрицательной связи: для Якутии – $-0,93$, Тувы – $-0,90$ и Бурятии – $-0,81$. К ним примыкает Забайкальский край – $-0,87$. На графиках отчетливо видно, что такая сильная отрицательная связь обусловлена большим количеством МО с высокой долей коренных народов: так, во всех МО Тувы эта доля превышает 60 %, в подавляющем числе МО Якутии – 40 % и т. д.

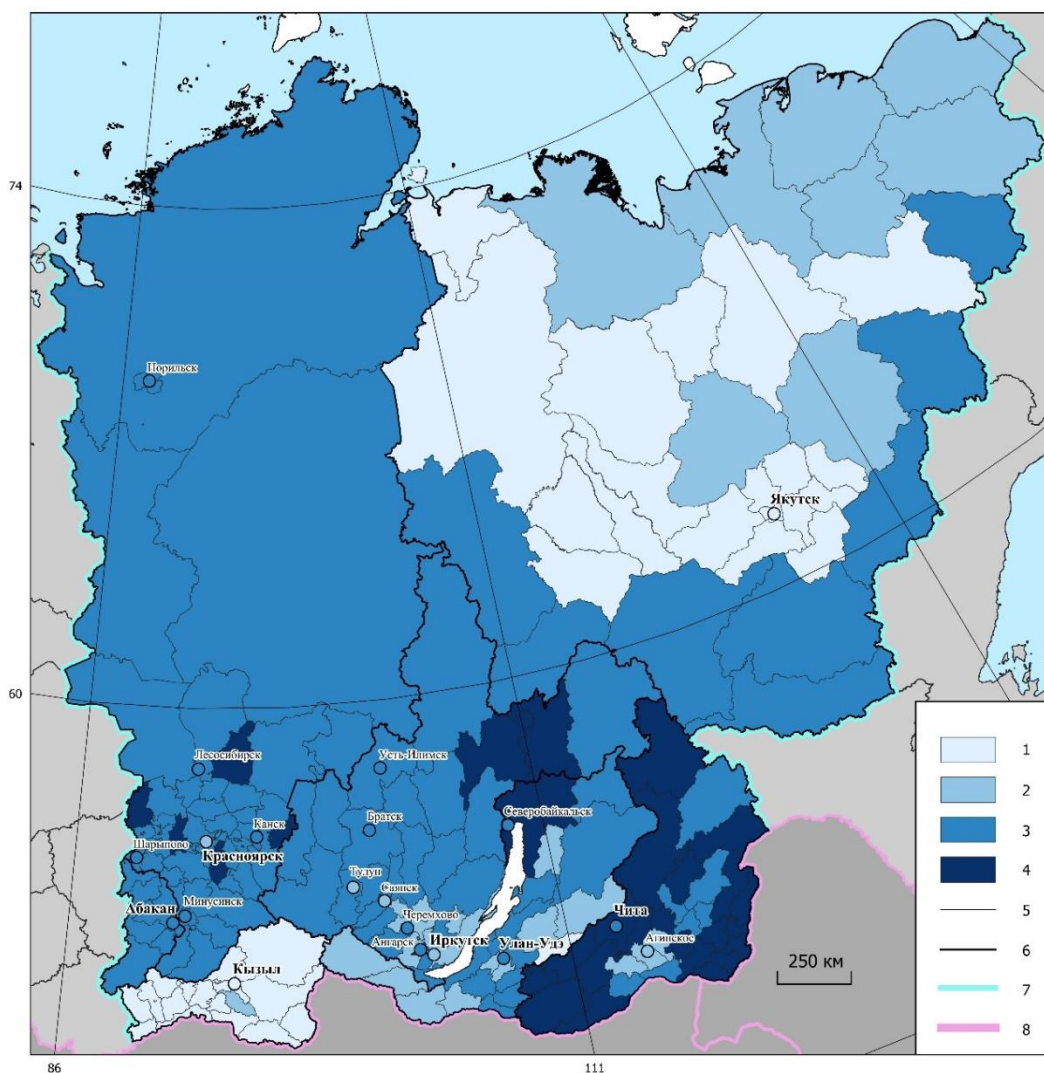

Рис. 21. Доля голосов за В.В. Жириновского на выборах Президента РФ 2018 г. в МО Восточной Сибири

Количество голосов, %: 1 – 0–3, 2 – 3–6, 3 – 6–10, 4 – 10–15. Границы: 5 – муниципальных районов, 6 – субъектов РФ, 7 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 8 – государственные.

Составлено автором

Иная ситуация в Иркутской области, где, несмотря на наличие семи районов с относительно высокой долей коренных народов (от 20 до 60 %), отмечается лишь средняя теснота отрицательной связи – -0,63. Ослабление связи определяется тем обстоятельством, что большинство из 40 рассматриваемых МО области отличается очень низкой долей указанных народов и соответственно преобладанием русских с более вариабельными политическими предпочтениями.

Слабая теснота отрицательной связи характерна для Красноярского края и Хакасии: коэффициенты корреляции равны $-0,09$ и $-0,41$ соответственно. Для края это объясняется наличием всего лишь двух МО – Таймырского и Эвенкийского – с относительно высокой долей коренных народов (30–32 %) при абсолютном доминировании МО с русским населением (всего рассматривалось 35 МО). Ослабление связи для Хакасии обусловлено, очевидно, как недостаточно большой выборкой (только 14 МО), так и сравнительно невысокой долей коренных народов в большинстве МО.

Для Красноярского края существенна положительная связь между долей коренных народов и голосованием за В. В. Путина ($0,62$) на последних президентских выборах. Отмечается также средняя отрицательная связь между долей коренных народов и количеством голосов, отданных за КПРФ: ($-0,55$) по итогам парламентских выборов 2011 г., а также ($-0,57$) за кандидатуры Г.А. Зюганова на выборах Президента РФ в 2012 г. и П.Н. Грудина – в 2018 г.

Анализ политических предпочтений регионов Восточной Сибири на уровне муниципальных избирательных кампаний показал отсутствие какой-либо связи. На наш взгляд, это связано с тем, что в муниципальных выборах чаще всего принимают участие самовыдвиженцы, среди которых имеются кандидаты, принявшие решение не представлять собой определенные партии по конкретным причинам.

Политические предпочтения на уровне региональных избирательных кампаний, выявленные с помощью корреляционного анализа, продемонстрировали высокую степень поддержки ЕР и отрицательное отношение к оппозиционным партиям, значительней всего к ЛДПР, в меньшей мере к Справедливой России и КПРФ. Наиболее сильно негативное восприятие ЛДПР проявилось на выборах губернатора Якутии в 2014 ($-0,97$) и 2018 ($-0,90$) гг. относительно кандидатуры от ЛДПР – Г.П. Парахнина, а также кандидатуры А.И. Френта на пост президента Республики Тыва в 2018 г. ($-0,91$). В то же время имеются исключения, например, выдвижение на пост

губернатора Забайкальского края К.В. Ильковского от Справедливой России. Коэффициент корреляции в данном случае составил 0,68. Полагаем, это объясняется главным образом тем, что на данных выборах от ЕР не было выдвинуто соответствующей кандидатуры. Кроме того, в Хакасии были весьма лояльно восприняты коренным народом как политик от «Коммунистов России» Д.П. Бразаускас (0,96) на выборах губернатора 2013 г., так и данная партия (0,52) по итогам избирательной кампании в Законодательное Собрание этого же года.

Политические предпочтения, зафиксированные по итогам выборов федерального значения, показали более высокие коэффициенты корреляции в 2011–2012 гг. Парламентские выборы 2011 г. зафиксировали следующие коэффициенты: (-0,90) по отношению к ЛДПР, (-0,65) к КПРФ, ЕР – (0,78). Выборы Президента 2012 г. показали наиболее высокую степень связи этничности и политических предпочтений среди избирательных кампаний федерального уровня относительно кандидатуры В.В. Жириновского (-0,91), а также Г.А. Зюганова (-0,64), В.В. Путина (0,78).

Выборы в Государственную Думу 2016 г. продемонстрировали высокую тесноту связи между этническим составом и количеством голосов за ЕР (0,70) (рис. 22, 23) и ЛДПР (-0,86). Кроме того, данная избирательная кампания примечательна еще тем, что в ходе нее была применена технология джерримендеринга, т.е. нарезка избирательных участков осуществлялась произвольным образом для преимущества определенной партии или кандидата. Так, Иркутская область была разбита на четыре одномандатных избирательных округа – Иркутский, Ангарский, Шелеховский, Братский. Следует отметить, что в Иркутский избирательный округ, например, вошли МО с высокой долей коренного населения, которые традиционно поддерживают «правящую партию» (Баяндаевский, Ольхонский, Осинский и др.). При этом республики Восточной Сибири – Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва – не были разделены по одномандатным округам, вследствие чего произошло электоральное «поглощение» этническими районами промышленных городов

с преобладающим русским населением (Мирный, Удачный, Ленск, Северобайкальск и др.) [Черенев, 2017].

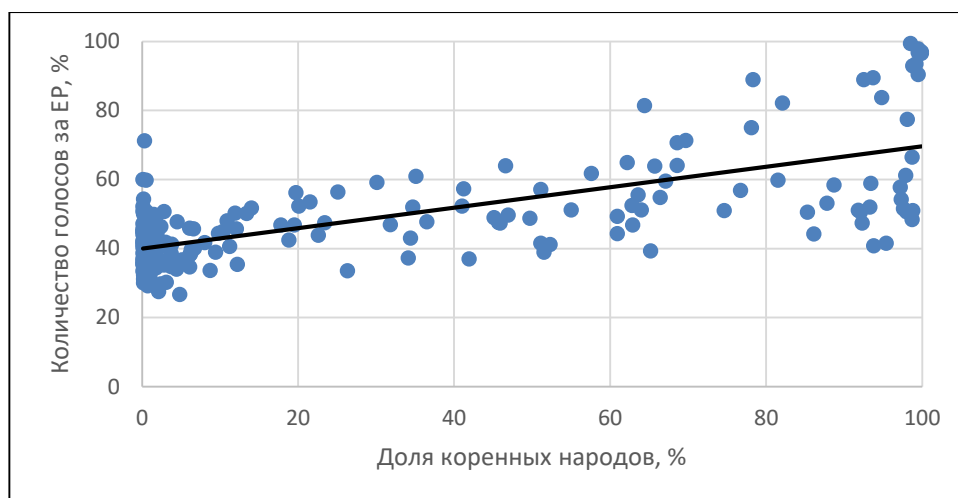

Рис. 22. Взаимосвязь доли коренных народов Восточной Сибири и количества голосов за ЕР на выборах в Государственную Думу 2016 г.

Составлено автором

Последняя избирательная кампания – выборы Президента 2018 г. – показала лишь сохранившуюся высокую степень отрицательной связи по отношению к кандидатуре В. В. Жириновского (см. рис. 21), которая составила (-0,87). Полагаем, что данное обстоятельство вызвано снижением доверия к В. В. Путину и ЕР, прежде всего из-за принятия пенсионной реформы, участия в выборах кандидатов, ранее неизвестных среднестатистическому избирателю – П.Н. Грудинина, С.Н. Бабурина, М.А. Сурайкина и др.

Таким образом, полученные коэффициенты корреляции свидетельствуют о наличии связи между этничностью и явкой с одной стороны, этнической принадлежностью и политическими предпочтениями, с другой стороны. Явка является базовым показателем, отражающим высокую степень связи с этничностью (от 0,70 до 0,72) по всем субъектам Восточной Сибири на выборах МО верхнего уровня. Теснота связи этих показателей для МО нижнего уровня по Иркутской области, республикам Бурятии, Якутии и Тыве, является средней и составляет 0,60–0,64. Взаимосвязь доли коренных народов и явки на выборах регионального и федерального значения является более сильной и составляет 0,70–0,86. При этом в некоторых субъектах, а

именно в Бурятии, отсутствует значимая связь между двумя показателями, что может быть объяснено значительной долей русского населения в некоторых сельских поселениях и городах.

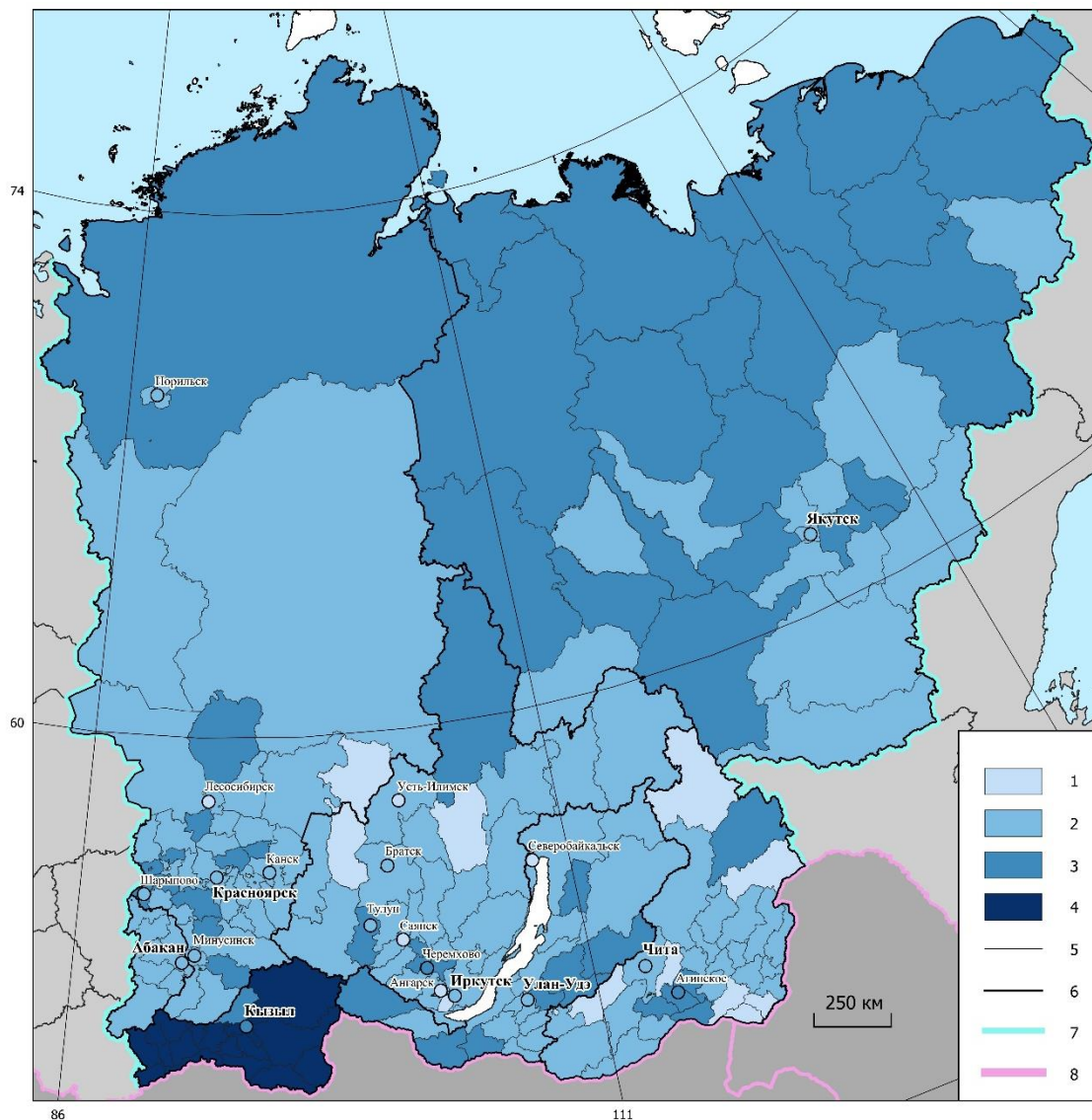

Рис. 23. Доля голосов за «Единую Россию» на выборах 2016 г. в Государственную Думу в МО Восточной Сибири

Количество голосов, %: 1 – 20–35, 2 – 35–50, 3 – 50–75, 4 – 75–100. Границы: 5 – муниципальных районов, 6 – субъектов РФ, 7 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 8 – государственные.

Составлено автором

Связь между этничностью и политическими предпочтениями представляется более высокой при анализе итогов региональных избирательных кампаний и может быть как положительной, так и

отрицательной, находясь в диапазоне от $\pm 0,57$ до $\pm 0,97$. Федеральные избирательные кампании в целом по Восточной Сибири также демонстрируют высокую и очень высокую тесноту связи $\pm 0,64$ от $\pm 0,91$.

Обнаруженные закономерности являются следствием контролируемой электоральной культуры в ее различных проявлениях, включая возможные фальсификации в ходе избирательных кампаний. Данный тип электоральной культуры присущ в большей степени для коренных крупных народов, а также КМНС. Свою роль оказывает и сельский характер расселения коренных народов, но при этом раскол «город–село» скорее дополняет, а не предопределяет итоги голосования, что показано на примере Иркутской области.

3.2. Влияние этничности на элитогенез

Изучение элит пока ведется в нашей стране на недостаточном уровне, несмотря на то, что указанная проблематика носит междисциплинарный характер. Во многом это может быть объяснено деликатной спецификой вопроса. Понятие элита может быть классифицирована по ряду критериев, исходя из биографии той или иной личности (сфера деятельности, возраст, место рождения и т. д.).

В нашем случае осуществлена привязка к национальным аспектам элит в русле политической географии. При этом также рассматривается проблема клановости, которая может выходить за пределы этнического пространства. Нами изучены признаки элит с 2010 г. по настоящее время на верхнем и нижнем (доступны данные по республикам Бурятии, Якутии и Тыве, Иркутской области) уровне МО по таким признакам, как национальность (имеются данные в разрезе только верхних муниципальных образований), пол, партия, возраст. Также были рассмотрены по вышеуказанным критериям последние выборы депутатов Законодательного Собрания республик, в которых представляется значимой доля коренных народов.

На муниципальном уровне нами было проведено разделение «русских» и «коренных» МО. В качестве «коренных» рассматриваются районы и городские округа, где доля коренных народов составляет не менее 10 % и не менее 20 %, если рассматриваются сельские поселения и другие нижние МО. Были изучены выборы глав поселений и мэров.

По национальности. Результаты свидетельствуют о закономерном предпочтении лиц своей национальности. В частности, на верхнем уровне «коренных» МО 76,4 % избранных кандидатов относятся к представителям коренных народов. «Русские» МО характеризуются мизерным уровнем поддержки вышеуказанных кандидатов (3,5 %). М.Ю. Присяжный [Географические..., 2003], собирая информацию о руководителях муниципальных образований Якутии в 2000–2003-х гг., отметил, что 80 % из них составляют представители титульной нации, на долю русских приходилось 12 %, 2 % в совокупности на украинцев, татар и белорусов. Далее следуют КМНС, а также буряты. По одному главе администрации имелось от польского, корейского и греческого этносов. В республиках на парламентских выборах одержали победу 51,6 % представителей коренного населения.

А.А. Маглеев [2019], рассматривая выборы мэра Нукутского района (46,5 % бурят) в 2019 г., отметил стратегию поведения двух бурятских кандидатов при доминирующей численности русских (четыре выдвиженца), претендующих на должность главы муниципалитета. На первом этапе М.А. Иванова (бурятка) сняла свою кандидатуру – в 2017–2018 гг. она работала в должности заместителя Губернатора Иркутской области, Главой администрации УОБО, также ранее (2005–2007 гг.) была избрана председателем Думы Нукутского района. Как полагает А.А. Маглеев [2019], в случае, если бы данный политик не снял бы свою кандидатуру, она действительно могла бы набрать большое количество голосов, но при этом мэром смог бы стать русский кандидат В.В. Максименко, набравший при подсчете голосов 46,6 %. В итоге мэром был избран единственный кандидат-

бурят В.М. Мантыков, лидировавший с небольшим отрывом от В.В. Максименко (49,6 %).

Помимо политической сферы, среди представителей коренных народов, проживающих на периферии, престижной считается работа в организациях здравоохранения и правопорядка. В качестве примера нами рассмотрен национальный состав в указанных учреждениях УОБО Иркутской области. В общей совокупности представили указанную информацию 23 организации. Обнаружилось, что в большей части них (18 или 78,2 %) преобладают именно сотрудники бурятской национальности. Такой перевес в сторону работников-бурятов в пропорциональном отношении не соответствует национальному составу всего округа, в котором проживает 54,7 % русских, 40,2 % бурятов и 5,1 % приходится на другие народы.

Разумеется, этнический состав варьируется в зависимости от определенного района УОБО (их шесть), колеблясь по ним от 21,5 % до 60,9 % бурятского населения. Однако, например, в Аларском (25,1 %) и Боханском (21,5 %) районах также заметно преобладание сотрудников-бурятов в бюджетных организациях. В частности, в Аларской РБ работает 50 % бурятов и 45 % русских, в полиции этого же района работает 80,4 % бурятов и 19,6 % русских (рис. 24), в межмуниципальном отделе МВД «Боханский» среди работников 56,8 % бурятов, 40,6 % русских и 2,5 % татар и т. д. Последний пример носит несколько специфичный характер, поскольку главное управление отдела находится в п. Бохан и имеется еще территориальное подразделение в Осинском районе. Тем не менее, доля бурят (32,9 %) в Боханском и Осинском районах вместе существенно уступает доле русских (61,1 %), вследствие чего очевидно преобладание бурятов в указанной правоохранительной структуре. Доля сотрудников-бурятов выглядит завышенной в сравнении с их долей в общем населении: в Нукутской полиции – 65 %, а в населении соответствующего района – 46,5 % бурятов; в администрации МО «Баяндаевский район» – 84,7 %, а в населении соответствующего района – 60,9 % бурятов; и т. д.

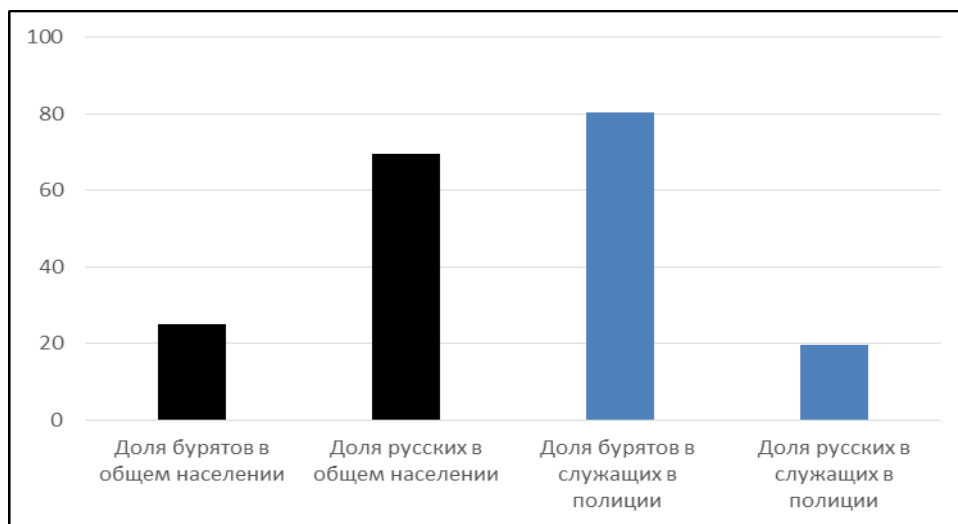

Рис. 24. Сопоставление долей бурятов и русских в общем населении Аларского района и среди работников отдела полиции данного района
Составлено по: Данные Межмуниципального отдела МВД России «Черемховский»

Проводя анализ сфер деятельности, в которых занято бурятское население округа, заметно, что численность бурят преобладает над русскими во всех отделах полиции УОБО, достигая до 93,4 % (ОП МО МВД РФ «Эхирит-Булагатский» в с. Баяндай). В системе здравоохранения округа среди больниц районов и областного значения (Областная больница № 2 в п. Усть-Ордынскй) выделяется лишь Боханская РБ, в которой 50 % работников являются русскими, 30 % относятся к бурятам, а оставшиеся 20 % к другим национальностям (по примерным подсчетам руководства поликлиники), в остальных пяти преобладают сотрудники-буряты. В административной сфере – трех сельских и районной администрациях: Кутулик (Аларский муниципалитет), Новонукутское, Оса, а также в администрации Аларского района, преобладают сотрудники русской национальности, в остальных девяти, включая администрацию округа, выше доля работников бурятской национальности.

Половая принадлежность. Полагаем, что в целом по России невелика доля женщин, занятых в политике. В разрезе МО верхнего и нижнего уровня также подтверждается данная тенденция: главы районов и городских округов у «русских» МО – 3,5 %, глав нижних территориальных образований – 35,2 %.

Относительно избрания представительниц коренных народов на пост глав верхних МО, оно составляет – 2,1 %, нижних МО – 18,5 %. Таким образом, здесь просвечиваются две закономерности: доля женщин, занимающих посты глав поселений и мэров из коренных народов меньше, чем у русского населения, роль женщин в руководстве муниципальных образований повышается на нижнем уровне МО. Считаем, что первое объясняется специфическими особенностями традиционной культуры, которые с течением времени претерпели меньше изменений, чем скажем, у русского населения. Вышеуказанное может объясняться тем, что долгое время женщина была хранительницей домашнего очага, а роль мужчины заключалась в обеспечении семьи, разрешении важных проблем, стоящих перед общиной, государством и т. д. Полагаем, что замечание о том, что женщине сложно занять посты более высокого уровня в политике, правдиво с некоторой долей условности. Женщины занимают более высокие посты, чем посты на муниципальном уровне, например, глав регионов (Жданова Н.Н.), депутатов законодательных собраний. Анализ последних республиканских выборов в Законодательное Собрание по четырем восточносибирским субъектам РФ обнаружил 16,6 % женщин, занимающих соответствующие должности.

Партийные предпочтения. Безусловное превосходство отдано кандидатам от ЕР на муниципальных выборах, уровень поддержки колеблется от 56,3 % до 67,3 %, как в случае коренных, так и некоренных народов. Однако в случае «русских» МО более выражена поддержка кандидатов от КПРФ и ЛДПР. К примеру, поддержка КПРФ в «русских» и «коренных» МО нижнего и верхнего уровня составила от 1,2 % (нижний уровень «коренных» МО) и до 8,3 % (верхний уровень «русских» МО), поддержка глав и мэров от ЛДПР находилась в диапазоне от 0 % (верхний уровень «коренных» МО) и до 2,8 % («русские» верхние МО). Также было интересно рассмотреть варьирующийся уровень поддержки кандидатур депутатов Законодательного Собрания в восточносибирских республиках. В Туве 93,5 % депутатов являются единороссами, Бурятии – 78,1 %, Якутии – 67,1 %, Хакасии – 42 %. Помимо

этого, в Хакасии также велика и поддержка КПРФ (30 %), что полагаем, связано с преобладающей долей русского населения.

Возраст. Было выявлена преобладающая доля возрастной группы старше 40 лет (от 41 до 50) глав поселений и мэров на нижнем и верхнем уровне (рис. 25) «коренных» МО, что отличается с показателями «русских» МО, в которых предпочтение отдают кандидатам старше 50 и до 60 лет. В то же время, анализ возрастной группы депутатов, избранных в Законодательное Собрание, свидетельствует о преобладающей доле депутатов старше 50 и до 60 лет (36 %). При этом возрастная группа старше 40 и до 50 лет, отстает не столь существенно (29 %). Как упоминает В.М. Очирова [2015], изучившая биографии избранных кандидатов более ранних созывов депутатов Законодательного Собрания республик Бурятия, Якутия и Тыва, именно этой возрастной группе неоднократно отдавался приоритет. В то же время нельзя игнорировать победу на выборах глав республик Бурятия и Хакасии: А.С. Цыденова (44 года, 1976 г.р.), В.О. Коновалова (32 года, 1987 г.р.).

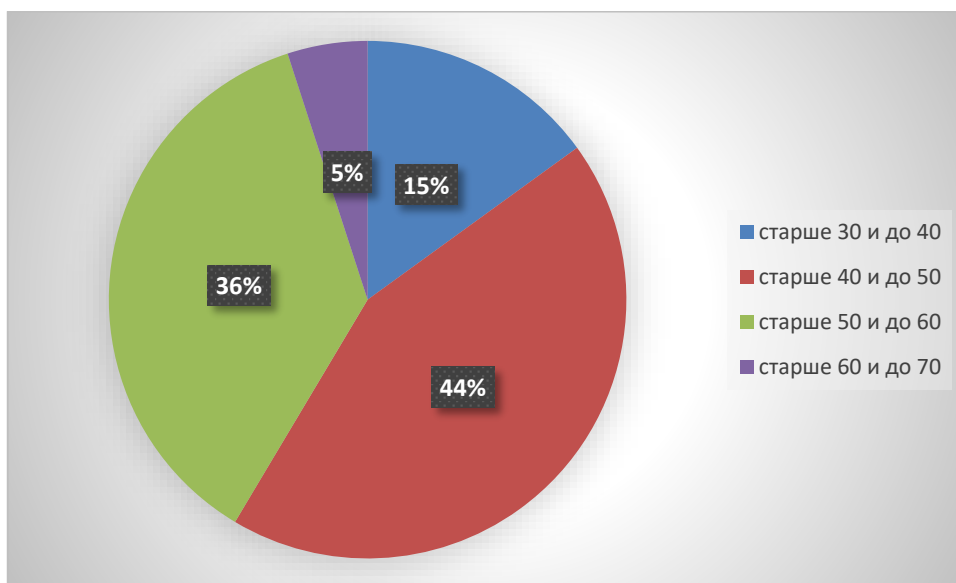

Рис. 25. Возраст глав «коренных» МО верхнего уровня

Составлено по: Данные избирательных комиссий восточносибирских субъектов 2010–2020 гг.

URL: <http://www.cikrf.ru/>

Проблема клановости. В гуманитарных науках имеются ряд определений понятия «клан». Более всего близко к тематике нашего исследования определение социолога Э. Гидденса [2005], который определяет данный феномен как одну из больших родственных групп, выделяя его следующие характеристики: внутриклановые связи выходят за пределы обычных прямых семейных родственных связей, члены одного клана обладают, как правило, схожими религиозными верованиями, имеют экономические обязательства перед друг другом и живут в одной и той же местности. При этом главным признаком является идентификация.

В рамках Восточной Сибири рассмотрим проблему клановости в республиках Тыва и Бурятия. Расцвет клановости в современном представлении в Туве пришелся на 1990-е гг. После распада СССР большая часть партийной элиты сохраняла верность идеям КПСС, но были и те, кто вышел из ее рядов и примкнул к альтернативным политическим силам. Это время характеризуется конфликтом между законодательной и исполнительной ветвями власти. В данное десятилетие региональные партии, по сути являлись ширмой, под которой осуществлялась борьба кланов за власть. Среди партий, в которых процветали кланы, выделялись Народная партия суверенной Тувы (НСПТ), Тувинская республиканская организация, Тувинская организация Социалистической партии трудящихся. Кроме того, активно действует Национальное движение Народный фронт «Хостуг Тыва». После запрета этих партий большинство их бывших членов примкнули к всероссийским партиям. На тот момент выделялись две политические силы – «Российская партия жизни» и «Единая Россия». Последнее региональное объединение было создано слиянием трех партий – «Отечество – вся Россия», «Вся Россия» и «Единство». Объединенную партию возглавил Ш.Д. Ооржак.

Как отмечает О.П. Оюн [2010], в это время на ситуацию в республике повлияли представители творческих и научных кругов, среди которых выделялись К.А. Бичелдей (научный сотрудник Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории – руководитель

движения «Народный фронт Тувы»), В.С. Салчак (руководитель Тувинской региональной инспекции по делам печати и защиты свободы массовой информации – основоположник Народного фронта «Хостуг Тыва» («Свободная Тыва»)), К.С. Кужугет (научный сотрудник Тувинского комплексного отдела СО АН СССР – лидер «Народной партии суверенной Тувы»).

В 1992 г. состоялись первые демократические выборы, на которых одержал победу Ш. Д. Ооржак. В течение его 15-летнего правления аппарат тувинского правительства, подменяя собой все выборные организации, выдвигает кандидатов на выборные должности, формирует избирательные комиссии всех уровней, проводит колоссальную работу по вербовке сторонников, вплоть до того, что все работники правительства назначаются ответственными за своих родственников, земляков, которые прописаны в округе [Оюн, 2010]. Не вдаваясь в перипетии клановой борьбы, которая обострялась каждые выборы (в 2007 г. Ш.Д. Ооржак вынужденно ушел с политической арены, уступив свой пост своему противнику Ш.В. Кара-олу), следует отметить возрастающую роль «Единой России», которая стала орудием клановой политики, в рамках которого объединились влиятельные кланы, среди которых выделялись Ооржак, Монгуш, Кызыл-оол и др. Поэтому, существуют основания утверждать, что «Единая Россия» на данном этапе сама является кланом, в котором сплетаются интересы различных политических группировок.

Тувинская исследовательница Ч.К. Ламажаа [2010] видит причины расцвета клановости в Туве в нескольких факторах. Первая причина – этнокультурная «предрасположенность», основывающаяся на патрон-клиентских отношениях, характерных для тувинцев, пережитках традиций родоплеменной демократии – представлениями о равноправии людей, родов, затем – кожуунов, а также соперничество между родами (кожуунами и их лидерами) [Ламажаа, 2010]. Второй фактор заключается в анархизации общества в 1990-е гг., когда наблюдалась трансформация социальных устоев,

деформация политического устройства, либерализация экономики, что повлекло за собой разрушение старой системы, тогда как построить новые социальные институты, связи и отношения быстро не получилось. В условиях социальной неопределенности опора была найдена в усилении родоплеменных отношений.

Третья основа для расцвета клановости в Туве – особенности выборности глав регионов, освобожденные от контроля столицы. Последняя причина кроется в личности президента. Ш.Д. Ооржак имеет аграрное происхождение и соответствующее (агротехническое) образование. Бывший президент является выходцем из сельской общины Барун-Хемчикского кожууна, жители которого поддерживали своего земляка как во время выборов, так и во время политического кризиса в Туве 2007 г. (окружение президента пыталось организовать акции протеста среди жителей района против ухода Ш.Д. Ооржака с политической арены). Для жителей села, включая бывших сельчан, как отмечает Ч.К. Ламажаа [2010], главенствующую роль играет не закон, а традиции и личные договоренности. В то же время, Кызыл оказался не столь лоялен к бывшему президенту: городские избиратели менее послушны главе республики, здесь были сильны протестные настроения, для столицы Тувы он был «чужим» [Ламажаа, 2010].

В Бурятии на данный момент в большей степени заметны четыре основных клана: западные буряты («иркутские»), восточные буряты («хори»), семейские, к которым относятся потомки старообрядцев, «русские», к которым обычно относят «варягов» из команды В. Наговицина [Политические..., 2016]. В частности, к западному клану относили заместителя председателя правительства республики И.Н. Егорова, В.М. Мархаева как действующего сенатора от Иркутской области, заместителя Генерального прокурора РФ В.Г. Петрова, бывшего главу пенсионного фонда Бурятии В.К. Ханхалаева, экс-мэра Улан-Удэ Г.А. Айдаева и др. Из восточного клана обычно называют бывшего спикера Народного Хурала Ц.-Д. Доржиева, экс-депутата Хурала Б. Семёнова и ряд других бурятских политиков,

происходящих из восточных районов республики. К представителям семейских относят Председателя Народного Хурала VI созыва В.А. Павлова, первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике А.Г. Варфоломеева и др. К «русским» причисляют экс Президента Республики В.В. Наговицына, заместителя руководителя администрации по проектному управлению, председателя Комитета по проектному управлению И.В. Смоляк и др.

Со времён появления республики клан западных бурят занимал лидирующие позиции в связи с тем, что бурятские большевистские лидеры происходили из «иркутских». Однако с течением времени клан западных бурят отошел на второй план, уступив главные позиции семейским и восточным группировкам. Отмечается, что русский во властных структурах или крупном бизнесе Бурятии в большинстве случаев на самом деле «семейский». Обычные же русские, в силу более «европейского» менталитета, в бурятской политике представлены слабо, обычно это энергичные приезжие [Политические..., 2016].

Кроме того, существуют типология кланов Бурятии по территориальному принципу – «мухоршибирская», «баргузинская», «осинобоханская», «еравинская» и «иволгинская» группы влияния. Кроме того, ранее выделяли кланы по контролируемому ресурсу – правительственный клан и контролирующий ресурсы столицы республики, так называемый «голковский» клан (в честь экс-мэра Улан-Удэ А. М. Голкова).

Как отмечалось выше, исследования элитогенеза, в том числе этнических элит, не столь многочисленны, что может быть объяснено некоторыми деликатными аспектами (клановость и др.). В то же время в разрезе муниципальных образований можно обнаружить некоторые интересные особенности, влияющие на итоги выборов с помощью этнического ресурса. Главным образом, это победа кандидатов той национальности, к которой относится большая часть его избирателей, негативное отношение к тем или иным оппозиционным партиям,

недостаточное участие женщин в политическом руководстве, в том числе по причине устоявшихся шаблонов. На примере УОБО Иркутской области заметно преобладание лиц бурятской национальности в бюджетных учреждениях – районных и сельских администрациях, районных и окружной (в п. Усть-Ордынский) поликлиниках, отделах полиции.

3.3. Проблема образования на родном языке коренных народов

Язык вкупе с национальной принадлежностью по-прежнему остается главной составляющей концепта «идентичность». Действительно, значительная часть граждан национальных государств владеет основным языком или языками страны по месту постоянного проживания, но также имеются случаи «билингвизма» как при наличии нескольких государственных языков, так и существовании сравнительно небольших национальных общностей. В эпоху глобализации языковое наследие второй группы находится в более уязвимом положении. Полагаем, что разный статус этнических территорий и доля, проживающих в них коренных народов, влияют на уровень владения родным языком соответствующей этнической общности.

Сфера языковой коммуникации в нашей стране преимущественно регулируется Законом «О языках народов РСФСР» 1991 г., а также Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон «О языках народов РФ» 1998 г. Согласно Конституции РФ и статьи 3 вышеуказанного закона, государственным языком на территории страны признается русский язык, при этом учитывается национальное разнообразие государства, что дает право использовать свой родной язык в обучении, повседневном общении и т. д. Право использовать родной язык также закреплено в региональном законодательстве субъектов РФ.

В то же время статья 14 Федерального закона «Об образовании» 2012 г. (в редакции от 2019 г.) заявляет: «Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного

образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» [Федеральный..., 2012]. В свою очередь разработка законодательной базы в области изучения родных языков является компетенцией региональной власти, что же касается некоторых прав КМНС в данной области, то их можно обнаружить в «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2009 г.

На данный момент наибольшее беспокойство вызывает состояние языков КМНС, поскольку многие из них находятся под угрозой исчезновения. Специалистами в области изучения языков КМНС предложены как минимум две классификации относительно возможности исчезновения языков. Более подробно остановимся на предложенном делении лингвиста-североведа В.А. Роббека [Север..., 2012], который выделил четыре группы языков КМНС по вышеуказанному признаку: 1) языки народов, имеющие перспективу остаться неизменными в ближайшем будущем (долганский, ненецкий), 2) языки, сохранившиеся более чем на 50 %, например, хантыйский, 3) уязвимые языки, чьи позиции могут быть восстановлены во многом благодаря государственной поддержке (эвенский, эвенкийский, селькупский), 4) языки, находящиеся на грани исчезновения (юкагирский, кетский, энский). Постепенное исчезновение носителей языка ведет к снижению числа преподавателей, что в высшей степени болезненно отражается на системе среднего образования.

На современном этапе возможно выделить некоторые тенденции использования языков коренных малочисленных народов в образовательном процессе. Одной из них является неполноценное обучение: слабо изучаются на национальных языках прочие предметы – физика, химия и др. Характеризуя непосредственно само изучение языков КМНС в школах как предмета, Арефьев В.Л. [2014] замечает более позитивную картину, подчеркивая,

однако, что наилучшие показатели в этом отношении наблюдались в 2002–2003 учебном году.

Сегодня значительное число школьников из числа коренных малочисленных народов получают образование в интернатах. В 2010–2011 учебном году имелось 99 школ данного типа, из них в Восточной Сибири, а именно в Якутии и Красноярском крае, насчитывалось 22 школы. Обучение в школах-интернатах или крупных образовательных учреждениях является более выгодным в плане стоимости для родителей, поскольку в них обучается большее количество детей (в среднем 220 человек), в то время как, например, в малокомплектной школе их количество может составлять 5–10 человек [Там же].

В последнее время в кругах научного сообщества и не только бытует мнение о том, что большая часть представителей коренных малочисленных народов неграмотна. Однако А.Л. Арефьев [Там же] ссылается на данные переписи 2010 г., которая подытоживает общее количество школьников от 6 до 17 лет – 54826 человек. Численность подростков (15–17 лет) составляет 13254 человека, из которых лишь 169 человек (1,3 %) являются неграмотными; такие же низкие показатели сохраняются у молодых людей 18–29 лет – 254 человека (1 %) [Там же].

Одной из возможных причин снижения качества владения родным языком коренных малочисленных народов является сокращение часов для изучения языковых дисциплин. В большей степени языки КМНС в школьной программе переведены в разряд факультативов (один урок в неделю), в то время как изучение родного языка предполагает 2–3 занятия в неделю. На качественные показатели владения языком КМНС сказывается и тот факт, что после 9 класса большая часть учеников отказывается продолжать изучать родной язык, что продиктовано необходимостью подготовки к ЕГЭ.

Говоря о выпуске учебной языковой литературы, ситуация представляется неоднозначной. С одной стороны, наблюдается увеличение количества выпускаемой литературы, но изложенный материал в учебных

пособиях труднодоступен для современного первоклассника КМНС. Это объясняется тем, что большинство школьников приходят в школу в основном со слабым знанием родного языка, а современные учебные пособия, написанные с использованием устоявшихся еще 1930-х гг. подходов, ориентированы на более «продвинутой» уровень владения языком. Другой проблемой относительно учебной литературы для изучения языков КМНС служит небольшие тиражи выпуска, при этом наиболее благоприятна ситуация в этом отношении в Восточной Сибири выглядит в Республиках Якутия и Тыва [Там же].

В изучении родных языков для КМНС имеются свои особенности, которые заключается в небольшой степени их употребления в повседневном общении, в том числе по причине схожести с языками крупных коренных народов, кроме того, письменная форма некоторых языков появилась относительно недавно. В частности, 99 % сойотов признают родным языком бурятский, 90 % сойотов также владеет и русским языком. Собственный язык сойотов, близкий по происхождению к тофаларскому языку и тоджинскому диалекту тувинского языка, а также народности туха (Монголия), в процессе ассимиляции с бурятами был утрачен [Там же]. С помощью инициативы Правительства Бурятии и Ассоциации сойотского народа в начале 2000-х гг. была разработана письменность, правила орфографии для сойотского языка, составлен «Сойотско-бурятско-русский словарь», учебник по сойотскому языку для 1–9 классов.

Для школьников тувинцев-тоджинцев, не имеющих своего языка и говорящих на тоджинском диалекте, преподавание языка осуществляется по учебным пособиям тувинского языка, учителя лишь в устной форме объясняют некоторые различия в фонетике и лексике. Похожая ситуация обстоит с долганским языком в Якутии, который в республике считают диалектом якутского языка (анабарским говором), при том, что в 1979 г. для языка был утвержден кириллистический алфавит.

Письменность для тофаларского языка появилась в конце 1980-х гг., когда в 1989 г. были изданы букварь, учебник и прочая учебно-методическая литература по изучению тофаларского языка. В 1995 г. профессором Рассадиным были также составлены и изданы тофаларско-русский и русско-тофаларский словари. С 2011 г. тофаларский язык стал изучаться в школах в качестве факультатива.

Преподавание языков коренных малочисленных народов затрудняется еще тем обстоятельством, что многие языки, находящиеся на грани исчезновения, мало используются в повседневном общении. Так, например, обстоят дела с юкагирским языком, который школьники данной национальности не используют в общении друг с другом, практически не общаются на нем и в семейном кругу [Там же].

Зачастую имеются проблемы с переподготовкой преподавателей языков КМНС: в качестве негативного примера в данном отношении показательна ситуация с тофаларским языком. В последний раз учителя повышали свою квалификацию в 2004 г., когда ездили на курсы, организованные профессором В.И. Рассадиным на базе Педагогического института в г. Улан-Удэ [Там же]. Данная ситуация объясняется тем, что бюджет Нижнеудинского района не позволяет оплачивать курсы повышения квалификации для учителей тофаларского языка за пределами области.

Неблагоприятно выглядит ситуация в деле обеспечения педагогическими кадрами: по данным 2014 г. всего по стране насчитывалось 400 штатных преподавателей, более 150 совместителей и примерно столько же воспитателей и учителей в сфере дошкольного образования [Там же]. Главным центром же обучения по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры является Институт Севера (Санкт-Петербург) и Российский государственный педагогический университет им. Герцена (РГПУ, Санкт-Петербург), а в Восточной Сибири обучение ведется в Северо-Восточном федеральном университете (Якутск) и Бурятском государственном университете (Улан-Удэ). Существует проблема «невозвратности» кадров,

направленных по квоте на обучение. Так, большинство студентов из Забайкалья, отправленных для обучения в Российский педагогический университет им. Герцена (Санкт-Петербург) или вузы Хабаровска по педагогическим направлениям подготовки (в частности, по эвенкийскому языку и литературе), не возвращаются домой.

Отдельного внимания заслуживает ситуация с языками КМНС в Якутии, которая в количественном лидирует по численности представителей коренных малочисленных народов. На современном этапе в системе образования существует проблема вытеснения языков коренных малочисленных народов якутским языком [Там же]. В соответствии со статусом языка и социолингвистической ситуации в Якутии разработаны четыре модели обучения: 1) обучение на родном языке ведется весь период обучения, 2) обучение на родном языке с последующим переходом на другой язык, 3) изучение родного языка как предмета на неродном языке обучения, 4) изучение родного языка методом погружения с целью интенсивного усвоения для невладеющих языком [Север..., 2012]. Как правило, для языков КМНС более свойственна третья модель. В местах постоянного проживания КМНС Якутии сегодня функционирует 69 школ, из них как самостоятельный предмет национальные языки изучаются в 31 школе.

Среди школ Якутии, где проводится обучение КМНС на родном языке, выгодное место занимают кочевые школы. На данный момент в республике насчитывается тринадцать школ данного типа, среди них: кочевые школы-сады (4), стационарно-кочевые школы (6), сезонные (летние) кочевые школы (3). По языковой принадлежности они подразделяются на эвенские (7), эвенкийские (4), по одной долганской и чукотской школе [Арефьев, 2014]. Кроме того, девять из вышеуказанных школ получили статус пилотного проекта ЮНЕСКО. Также заслуживает упоминания открытие в 1998 г. специализированной школы-интерната для детей КМНС «Арктика», где осуществляется базовая подготовка для дальнейшего обучения в вузах, среднеобразовательных учреждениях, основательно изучается родной язык.

В целом, в республике сложилась хорошая база в области языковой подготовки, сформированная Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН, Институтом национальных школ Республики Саха (Якутия), Арктическим государственным институтом культуры и искусств, отделением северной филологии филологического факультета Северо-Восточного федерального университета, педагогическими колледжами и Институтом повышения квалификации работников образования. Кроме того, в 2011 г. Центром информационных услуг был создан портал коренных малочисленных народов, где размещены учебные пособия по языкам КМНС.

Нами были проанализированы материалы переписей о динамике владения языками КМНС. В качестве обязательных опорных были выбраны 2002 и 2010 гг., дополнительными предшествующими послужили 1970, 1979 и 1989 гг. (при наличии информации в архивах Управлений статистики субъектов). Общей тенденцией анализа является снижение численности и доли КМНС, владеющих родным языком. Помимо этого, данные переписей 2002 и 2010 гг. не характеризуют степень владения языковыми навыками в отличие от некоторых данных более ранних годов, где указывается численность представителей коренных малочисленных народов, считающих язык своей национальности родным и лиц, свободно владеющих языком. Вышеуказанное означает, что масштабы утраты родного языка могут быть более значительными.

Среди наиболее уязвимых языков Восточной Сибири выделяется юкагирский, который В.А. Роббеком [Север..., 2012] охарактеризован как язык, находящийся на грани исчезновения. Данные переписей (за исключением 1979 г.) показывают динамику снижения доли представителей КМНС, владеющих этим языком: 1970 г. – 51,8 %, 1989 г. – 35,1 %, 2002 г. – 28,2 %, 2010 г. – 22,5 %. Менее всего среди всех языков КМНС изменения затронули селькупский язык (самодийская группа языков): 2002 г. – 16,5 % и 16,4 % в 2010 г. Значительно сократилось количество шорцев, владеющих

родным языком в Хакасии: в 2002 г. им владели 45,2 %, в 2010 г. – 29,5 %. Доля лиц, владеющих тофаларским (тюркская группа), невелика, но свидетельствует о позитивной динамике (хотя и неустойчивой): 1979 г. – 2,5 %, 1989 г. – 1,6 %, 2002 г. – 3,8 %, 2010 г. – 3,7 %.

Среди тунгусской группы языков Восточной Сибири выделяются эвенский и эвенкийский. С 1970 г. по 2010 гг. (информация за 1979 г. отсутствует) доля эвенков, владеющих родным языком, составила: 1970 г. – 41,7 %, 1989 г. – 34,7 %, 2002 г. – 28,1 %, 2010 гг. – 22,2 %. Эвенки являются самой распространенной национальностью КМНС, представители которой в основном сосредоточены в Иркутской области, республиках Бурятия и Якутии, Забайкальском и Красноярском краях. В свою очередь данное обстоятельство предполагает разный уровень владения языковыми навыками в тех или иных регионах. Имеющиеся данные показали, что эвенки Красноярского края в наибольшей степени сохранили свой родной язык: 1979 г. – 80,2 %, 1989 г. – 71,9 %, 2002 г. – 54,1 % и 2010 г. – 40,8 %. Напротив, менее всего родной язык сохранился в Забайкальском крае: 1979 г. – 47,3 %, 1989 г. – 38,4 %, 2002 г. – 18,2 %, 2010 г. – 5,6 % (рис. 26). При этом, как уже упоминалось выше, количество КМНС, считающих свой язык родным и свободно владеющих им, может существенно отличаться. Так, среди эвенков Бурятии в 1989 г. признавали эвенкийский родным языком 46,4 %, но лишь 2,1 % эвенков полагали, что они свободно владеют языком.

Чукотский (палеозиатская) и кетский (аллароидная) языки, относящиеся к разным языковым группам, также характеризуются утратой языковых навыков. Количество КМНС, владеющих чукотским, показывает нестабильную динамику на протяжении 1979–2010-х гг. Тем не менее на постсоветском этапе наблюдается снижение доли, владеющих чукотским языком: 1979 г. – 59,9 %, 1989 г. – 63,2 %, 2002 г. – 40,2 %, 2010 г. – 40,6 %. Кетским языком в Красноярском крае владело: в 2002 г. – 31,9 %, 2010 г. – 20,5 %.

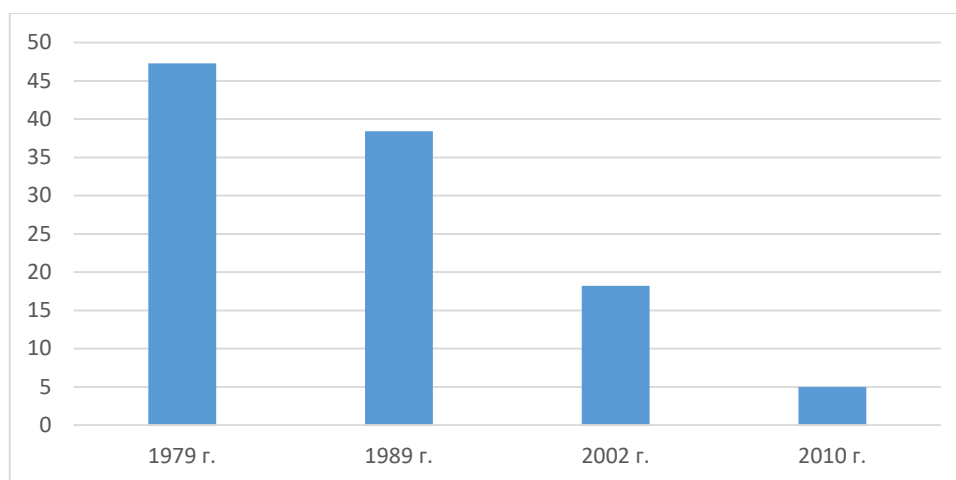

Рис. 26. Уровень владения родным языком эвенков Забайкальского края в 1979–2010 гг., в %

Составлено по: Сведения Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю

Хотя позиции языков крупных коренных народов в меньшей степени подвержены угрозе, нежели языковое наследие КМНС, однако и языки крупных народов не защищены от снижения уровня владения. В 1990-х гг. республиками Восточной Сибири была принята соответствующая законодательная база: закон «О языках народов Республики Бурятия» и государственная программа сохранения и развития языков народов Республики (1996 г.); законы «О языках в Республике Саха (Якутия)» (1992 г.); «Об образовании» и «О языках народов Республики Хакасия» (1992 г.); «О языках в Тувинской АССР» (1990 г.) и т. д.

На наш взгляд, несколько схожая ситуация с повышением роли языка титульной нации обстоит в Бурятии и Туве, однако в последней это явление в виду повышения численности и доли тувинцев, приобрело более значительные масштабы и тувинский язык стремительно вытесняет русский язык. Данные переписей 1979–2010 гг. свидетельствуют о практически неизменном уровне владения тувинским языком: в 1979 г. родным языком владело 99,1 %, 1989 г. – 99 %, в 2002 и 2010 гг. – 98,1 %. Как отмечает Н.М. Очур [2015], тувинский язык преимущественно развивался в сельской местности, в то время как слабый уровень преподавания русского языка и литературы был отмечен еще в 1980-х гг. и был характерен для сельских

районов с высокой долей титульного этноса – Монгун-Тайгинского, Бай-Тайгинского, Овюрского и Дзун-Хемчикского кожуунов. Таким образом, наибольшую обеспокоенность вызывает состояние русского языка вкупе с уменьшением его носителей. Для решения проблемы властями Тувы были предприняты следующие шаги: в 2011 г. Министерство образования и науки Тувы объявило о конкурсе среди педагогов, согласно которому была предусмотрена единовременная выплата в размере ста тысяч рублей преподавателям, при условии того, что они проработают в сельской местности не менее трех лет, кроме того была принята государственная программа «Развитие русского языка на 2014–2018 гг.», подразумевающая ряд мер и мероприятий.

Как упоминалось уже выше, главной основой национальной политики Бурятии на современном этапе является идея возрождения, в связи с чем уделяется повышенное внимание этнической составляющей и языкам как ее важной части. Данные переписей 1979–2010 гг. свидетельствуют о постепенном снижении уровня владения бурятским языком в республике, что особенно заметно по итогам 2010 г.: 1979 г. – 93,1 % бурятов, 1989 г. – 89,4 %, 2002 г. – 78,4 %, 2010 г. – 42,8 % (рис. 27). Обеспокоенность республиканских властей потерей языкового наследия отображена в пояснительной записке к государственной программе сохранения и поддержки языков народов, в которой указывается на необходимость следующих мер: создание кафедр бурятского языка в вузах, введение обязательного предмета в школах по изучению литературы, истории и искусства Бурятии вне зависимости от национальной принадлежности, создание республиканской службы перевода (русский – бурятский языки), составление различных типов словарей и т. д.

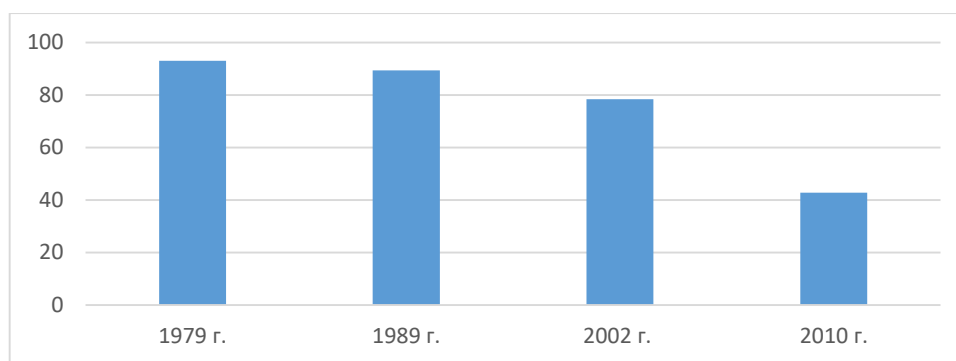

Рис. 27. Уровень владения родным языком бурятами в Республике Бурятия, в %

Составлено по: Сведения Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия

В отличие от уровня владения родным языком в Иркутской области, включая УОБО, где по данным 2010 г. только 28,9 % бурят владели языком своей национальности, а обучение ему в системе высшего образования осуществлялось лишь на отделении бурятской филологии в ИГУ, в Бурятии такой «филологической локализацией» удовлетворяться не намерены. Идея поддержки функционального «возвышения» бурятского языка не ограничивается здесь гуманитарными специальностями; в идеале представляется, что он охватит образовательную систему целиком, на всех ее уровнях от дошкольного до высшего профессионального образования [Байкальский..., 2002]. Полагаем, что аналогичное отношение к бурятскому языку имеется и в Забайкальском крае, где уровень сохранения языкового наследия является даже более высоким, нежели в Бурятии: 1979 г. – 95,7 %, 1989 г. – 92,5 %, 2002 г. – 63,7 %, 2010 г. – 72,1 %.

Нашим респондентам (бурятам УОБО, АБО, Окинского района и сойотам) был задан вопрос: «Как бы Вы оценили свой уровень владения родным языком?». На данный вопрос были предложены варианты ответов со следующими характеристиками: «владею в совершенстве» (т. е. свободно говорю и понимаю речь на родном языке, также свободно читаю и излагаю свои мысли в письменной форме), «хорошо» (т. е. свободно говорю и понимаю речь на родном языке, есть трудности со владением литературной формы

языка, во многом благодаря тому, что я не часто ей пользуюсь или по другой причине), «удовлетворительно» (понимаю речь на родном языке, но разговорной речью и литературной формой языка не владею или владею слабо), «я не владею родным языком». При разговоре с респондентами зачитывались только указанные характеристики, для того, чтобы избежать фактора личной самооценки.

Стоит отметить, что сойоты (представители КМНС) полноценно не владеют сойотским диалектом, зная всего лишь несколько слов, и повседневной жизни используют бурятский язык. При ответах бурят Капсальского МО УОБО наибольшей популярностью пользовались ответы: «хорошо» (39 %) и «удовлетворительно» (31 %), также были ответы «владею в совершенстве» (19 %) и «я не владею родным языком» (11 %). На наш взгляд, больший интерес представляют последние два варианта, а именно возрастные группы респондентов, ответивших таким образом. Возраст тех, кто владеет родным языком в совершенстве, от 60-ти и старше – 73,7 %, 50–60 лет – 5,3 % (в основном ответили «хорошо»), 40–50 и 30–40 лет – по 10,5 %.

Намного выше уровень владения родным языком у респондентов МО «Южный Аргалей» АБО и МО «Сойотское» Окинского района. Среди опрошенных Южного Аргалея 87,5 % владеют языком в совершенстве, 11,2 % – «хорошо», 1,2 % (один человек, 36 лет) не владеет языком. Возрастная группа респондентов, «хорошо» владеющих родным языком, достаточно разнообразна: 20–30 лет – 1,2 %, 30–40 лет – 3,7 %, 40–50 лет – 2,5 %, 50–60 лет – 1,2 %, 60–70 лет – 2,5 %. 96,3 % респондентов Сойотского МО знают бурятский язык в совершенстве, «хорошо» – опрошенные в возрасте 33 и 49 лет (2 человека), «удовлетворительно» – в возрасте 45 и 69-ти лет (2 человека).

Республика Якутия является примером полиэтничности, что подразумевает высокий уровень владения родными языками. Действительно, данные переписей 1970–2010 гг. свидетельствуют о высокой степени сохранения языкового наследия якутов: в 1970 г. родным языком владело 97,1 %, 1979 г. – 95,4 %, 1989 г. – 95,1 %, 2002 г. – 94,2 %, 2010 г. – 87 %. Среди

проблем в этой области в республике отмечается недостаточное количество школ и детских садов, где ведется обучение якутскому языку; приезжие якуты из сельской местности с невысокой заработной платой не всегда имеют возможность устроить своих детей в школы с обучением якутского языка и зачастую их выбор падает на близлежащие русскоязычные школы [Иванова, 2018].

Уровень изучения хакасского языка по данным переписей 1979–2010 гг. в Республике Хакасия составляет: 1979 г. – 86,6 %, 1989 г. – 83,2 %, 2002 г. – 71,1 %, 2010 г. – 61,3 %. Негативные тенденции наметились уже в 1990-х гг., что было связано с сокращением малокомплектных школ (их осталось четырнадцать). Обучение хакасскому языку проводилось с начальных классов, а русский являлся предметом изучения, в большинстве школ обучение проводилось на русском языке, изучение хакасского языка сводилось к отдельному предмету. По информации С.А. и С.Н. Богоярковых [2016], с начала 2000-х по 2016 гг. показатель охвата школьников-хакасов обучению родному языку варьировался в пределах 68–74 %. К проблемам в области изучения хакасского языка исследователи относят «рекомендательный» или «мягкий» тип республиканского законодательства относительно изучения языка титульной нации, появление языкового нигилизма среди хакасов и распространение представлений о своем языке как о непрестижном и бесперспективном.

Язык как компонент этнической идентичности рассмотрен нами более скрупулезно, поскольку для малочисленных народов именно данный фактор, а также иные формы культурного наследия с совокупности со значимостью родной земли (ареалы проживания), вносят существенную лепту в сохранение национальной идентичности. Языки КМНС в большей степени подвержены утрате, о чем свидетельствуют данные итогов переписей и выводы исследователей по данной проблематике. В меньшей степени подвержено угрозе языковое наследие крупных народов (пожалуй, за исключением бурятского языка в Иркутской области, включая УОБО), однако даже в этом

случае корректно говорить о имеющих негативных тенденциях, которые в долгосрочной перспективе способны привести к снижению уровня владения языками.

3.4 Факторы сохранения национальной идентичности, формирования сибирской и общероссийской идентичности

В рамках данной работы внимание также уделяется самоидентификации коренных народов. В общем виде под идентичностью принято понимать определенную устойчивость социокультурных, цивилизационных и индивидуальных характеристик и их самоидентификацию, которая дает возможность ответить на поставленные перед каждым человеком вопросы: кто я и кто мы [Герасимова, Ивахнов 2017]. Для данной работы самоопределение жителей Восточной Сибири, а именно их национальная идентичность, носит ключевую роль: благодаря этому понятию можно сформировать представление о количестве тех или иных этносов макрорегиона, определить их долю и увидеть изменения численности народов на определенных промежутках времени. Главными источниками об этнической идентичности и как следствие вытекающей из нее национальной принадлежности служат материалы переписей.

Географическое понимание идентичности и ее видов описано М.П. Крыловым [2010] в его монографии, посвященной феномену региональной идентичности европейской части России. Под региональной идентичностью подразумевается результат процесса самоидентификации населения, в ходе которого произошло объединение местных общностей и слагающих эти общности групп индивидов [Крылов, 2010]. Итогом вышеуказанного процесса является отражение в сознании людей местной географической специфики. В нашем случае примером региональной идентичности служит сибирский регионализм. Также выделяется коллективная самоидентификация, одной из форм которой служит национальная (этническая) идентичность. Кроме того, имеется и индивидуальная идентичность, которая выражается в соотношении

себя с территорией. Степень самоидентификации различных индивидов с территорией различна (она может быть описана в терминах патриотизма, любви, комплекса неполноценности) [Крылов, 2010]. Полагаем, что в рамках данной тематики целесообразно придерживаться следующей иерархии уровней самоидентификации: 1) национальная (этническая), 2) сибирская региональная, 3) общероссийская идентичности.

Определению и степени значимости факторов сохранения национальной (этнической) идентичности зачастую посвящены социологические опросы. Одним из исследований в данном русле является работа Т.В. Парниковой относительно сближающих признаков с представителями своей национальности у русских, якутов, КМНС и других народов в Якутии. Были выделены следующие признаки: язык; культура; обычаи; родная земля, природа; черты характера; верования, религия; историческое прошлое; родственные связи; черты внешнего облика; общая цель (национальная идея) [Этнонациональные..., 2017]. На наш взгляд, корректно под признаком культуры рассматривать совокупность языка, обычаев, религии, исторического прошлого и т. д.

- Культурное наследие является достаточно уязвимой категорией в современных условиях, диктуемых глобализацией. Вестернизация неизбежно откладывает свой отпечаток на быте и устоях жизни представителей всех национальностей, в том числе коренных народов. Тем не менее, по-прежнему еще остаются национальные общности, сумевшие сохранить свои культурные традиции. К таковым могут быть отнесены якуты, проживающие в сельской местности, например, в Таттинском районе (с. Баяга). В частности, в селе сохранились патриархальные устои, главенствующая роль в принятии решений принадлежит мужчинам, достаточно консервативны взгляды на семейно-брачные отношения (браки должны заключаться по сватовству). Также сохраняются традиционные формы хозяйствования – скотоводство, коневодство, охота и рыболовство, развиты традиционные ремесла,

разделенные на основе гендерного признака (кузнечное дело, шитье и др.) [Яковлева, Алексеева, 2012].

В качестве обрядовой стороны можно привести пример бурятских праздников Новогоднего цикла цагаалган и Гэсириады. Последний представляет собой культурно-спортивный праздник, который проводится для возрождения древних традиций бурятского народа на основе героического эпоса «Гэсэр». Ценность данного мероприятия заключается во вкладе в сохранение национального самосознания. Кроме того, Гэсэриада – это знаковое выражение бурят-монгольской и центрально-азиатской общностей [Амоголонова, Елаева, Скрынникова, 2005].

Затрагивая, в частности бурят-монгольскую составляющую, нетрудно догадаться, что речь также идет и об историческом прошлом, а именно о ранее существовавшей Бурят-Монгольской АССР. В свою очередь, парадигма Бурят-Монголия стала для бурят одной из более знаковых в процессе культурно-политического строительства в современности, с нею связывается проблема консолидации нации и возрождение духовной культуры бурятского народа [Там же]. В 1991 г. представители Ученого Совета Бурятского института общественных наук обращались к властям республики о необходимости возвращения традиционного названия республики. Кроме того, высказывалась необходимость возвращения сельским бурятским районам названия аймак и соответствующим образом закрепить это изменение в новой конституции. Однако связь Бурятии и Монголии имеет более глубокие корни, что находит отражение в почитании таких исторических личностей, как Чингисхан, который в национальном сознании двух народов воспринимается отнюдь не грозным завоевателем, а национальным героем, объединившим многие народы в одно целое и создавшим предпосылки для формирования единого евразийского пространства [Там же].

Отдельного упоминания заслуживает религия как признак этнической идентичности. При этом, на наш взгляд, роль религии как фактора, способствующего сохранению этнической идентичности, существенно

видоизменилась. С одной стороны, такие традиционные верования, как шаманизм и буддизм в большей степени, по-прежнему актуальны для коренных народов. Противоположный аспект заключается в этноконфессиональной комплементарности, для которой свойственен взаимообмен религиозных практик и приобщение к ним представителей различных этнических групп. В качестве примера обратимся к бурятскому этносу. Значение буддизма и шаманизма как фактора национального возрождения в 1990-х гг. подчеркивается рядом исследователей. В частности, А.А. Елаевым [2000] отмечается, что развитие бурятского народа в данное десятилетие было неразрывно связано с вопросами возрождения религии, причем как буддизма, так и шаманизма.

Первичной религией бурят является шаманизм, основанный на вере в духов, населяющих окружающий мир, и особого посредника – шамана. Большую роль в шаманизме играют и дошаманистские верования, в частности анимизм и культ природы [Самеева, 2013]. Однако с XVII в. среди бурятского населения начинает распространяться буддизм, которому в современной Бурятии отдается приоритет. Тем не менее, все же имеются проявления «чистого» шаманизма, например, в Тунке, Байкал-Кударе, Баргузине [Самеева, 2013], а в других местностях существует переплетение буддизма и шаманизма, что зачастую выражается в посещении дацанов верующими и одновременно в обращении их со своими проблемами к шаманам и гадалкам. К возможным причинам менее устойчивого положения шаманизма авторы монографии, посвященной феномену бурятской идентичности, относят отсутствие четкой организационной структуры, из-за чего процесс возрождения данной религии протекает стихийно и бессистемно в рамках улусно-родовых, территориально-земляческих групп и общин. Кроме того, недооценивается и интеллектуальный уровень развития основной массы шаманов и др. [Амоголонова, Елаева, Скрынникова, 2005].

Этноконфессиональная комплементарность выражается и по линии шаманизм – православие. Значительная масса коренных народов с приходом

русских в Сибирь были обращены в православие, например, якуты, западные буряты и ряд других, однако сохранив при этом особенности родной веры. В.С. Самеева отмечает, что в Бурятии рядом с Иисусом Христом и другими религиозными персоналиями в фантазии местных жителей продолжали жить тенгрие, духи. Происходило своего рода слияние языческих и христианских представлений, истории из Библии трансформировались и искажались под влиянием шаманизма [Самеева, 2013]. Однако, следует отметить, что традиции шаманизма перенимают и православные верующие. Например, в тайлгане, проведенном 11 октября 1998 г. на территории Этнографического музея в Улан-Удэ, приняли участие русские жители. Они объясняли свое присутствие следующим образом: преследуют неудачи, пришли помолиться местным духам и попросить у них благополучия [Амоголонова, Елаева, Скрынникова, 2005].

- Родная земля и природа представляется значимой компонентой национальной идентичности для коренных народов, при этом для малочисленных национальностей ее ценность еще более возрастает. В данной связи актуализируется проблема взаимодействия КМНС и промышленных компаний, осуществляющих свою хозяйственную деятельность в местах проживания коренных малочисленных народов. Несмотря на нормативную базу в области защиты исконной среды обитания КМНС и возможностей использования природных ресурсов для данной категории лиц (ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» 1999 г., «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» 2001 г. и ряд других), сложно утверждать, что права коренных малочисленных народов реализуются в должном объеме. В вышеупомянутом законе 1999 г. указывается на необходимость проведения этнологической экспертизы, которая включает в себя оценку хозяйственных проектов и риски их реализации для исконной среды КМНС. Однако на федеральном уровне не отрегулирован механизм таких экспертиз, а среди субъектов РФ Восточной Сибири некоторый опыт в

проведении подобных мероприятий сложился лишь в Якутии. Учитывая, что связь с родной землей и природой относится к одному из главных признаков идентичности для КМНС, их постепенная утрата приводит к снижению этнической самоидентификации малочисленных народов.

- Черты национального характера являются субъективной категорией, которую исследователи ставят целью обнаружить, опираясь на различные социологические методы. Так, например, Ю.М. Аксютин [2018], проводивший опрос среди хакасов и тувинцев, а также представителей других национальностей в 2016 г., выявил национальные автостереотипы: доброта (17,7 % хакасов и 20,7 % тувинцев), гостеприимность (10,6 % хакасов и 14,3 % тувинцев), трудолюбие (9,7 % хакасов и 6,4 % тувинцев), честность (7,1 % хакасов и 8,8 % тувинцев) и т. д.

- Наличие родственных связей в контексте этнической идентичности может выражаться путем функционирования родо-земляческих отношений, что наглядно проявляется на примере Бурятии. В 1994 г. был избран Совет землячеств и было принято Положение о Совете землячеств. В 2000-х гг. в Улан-Удэ действовало 26 землячеств, представляющих выходцев из всей этнической Бурятии, включая территории бывших автономных округов в Иркутской области и Забайкальском крае. При этом состоять в данных объединениях могут не только буряты, но и представители других национальностей из сельских районов. Цели землячества достаточно разнообразны: обращение к историческим истокам, знакомство и сближение людей, забота о престарелых и даже проводы усопших, участие в воспитании детей и молодежи [Амоголонова, Елаева, Скрынникова, 2005].

Несмотря на положительные аспекты землячеств, обращают на себя внимание и негативные стороны этих объединений, а именно нетерпимость бурятов по отношению к представителям других родов, примером чего может служить конфронтация между восточными и западными бурятами. Кроме того, землячества зачастую вовлечены в предпринимательскую среду и используются руководителями коммерческих структур для минимизации

риска. Это связывается не только с экономической безопасностью, но и с уменьшением транзакционных издержек [Там же]. Негативными последствиями родоземляческих отношений в деловом мире, а также в других сферах, служат протекция и ограниченные возможности для лиц, принадлежащих к другому землячеству или вовсе исключенных из данного формата взаимоотношений.

Одним из примеров оценки важности родовых отношений в разных областях является исследование Н.Н. Крадина и А.Г. Янкова [2012], посвященное идентичности усть-ордынских и агинских бурятов. Исследователями были представлены три сферы, где возможна протекция или помощь родственников – при приеме на работу и дальнейшей работе, поступлении в учебное заведение и учебе, ведении домашнего хозяйства. Среди вариантов, предлагались следующие: «очень помогают», «помогают», «не помогают», «нет мнения». Что касается трудоустройства и помощи по работе, большинство опрошенных бурятов АБО (55,7 %) выбрали ответ «помогают», напротив, большая часть бурятов УОБО (36,1 %) остановились на варианте «не помогают». При этом, чуть меньшее количество респондентов (36,1 %) ответили, что родственники им «помогают» в данной сфере. Поступить и держаться за место в учебном заведении «помогают» 35,3 % респондентам АБО, в то время как 28,3 % выбрали вариант не помогают; 48,0 % опрошенных УОБО считают, что родственные связи «не помогают» в этом случае. Вести домашнее хозяйство «помогают» родственники респондентов АБО (47,0 %) и УОБО (42,0 %).

В целом, характеризуя феномен родоземляческих отношений на примере Бурятии, можно отметить, что через местную, сакрализованную шаманской практикой традицию, посредством генеалогии человек и осознает свою ассоциированность с более крупной общностью – своим народом. Землячество теперь является «местом» обретения себя как «этнического» и презентации себя как «этнического» в публичном дискурсе [Амоголонова, Елаева, Скрынникова, 2005].

- Черты внешнего облика в значительной мере являются предметом изучения антропологии, но в то же время относятся к одному из способов этнической самоидентификации, что делает данную особенность значимой и для других гуманитарных наук. Полагаем, межэтнические браки в данном контексте приводят к размытию этнической идентичности, что находит отражение как во внутреннем мире, так и во внешнем виде индивида. К началу 2000-х гг. по данным ЗАГС доля межэтнических браков составляла 20 %, но, согласно результатам опроса М.А. Жигуновой [2011], у 70 % опрошенных русских семей, проживающих в Сибири, имелись родственники другой национальности. Ответы респондентов также свидетельствуют о разнообразии мнений относительно их этнической принадлежности: «не знаю, кто я, родители разной национальности», «трудно сказать, много в нас разной крови намешано» и др. Более конкретные ответы респондентов свидетельствовали о наличии у них смешанной идентичности: «метис», «полукровка» и даже такой экзотической, как «православный потомок Чингисхана» и пр. [Там же].

- Национальная идея в большей степени выражена, на наш взгляд, у коренных крупных народов, являющихся представителями титульной нации в своих родных республиках. Как показала практика, республиканская национальная идея вполне способна конкурировать с общероссийской идентичностью, что наглядно проявилось в 1990-х гг. во время «парада суверенитетов», когда в Восточной Сибири Якутия и Бурятия приняли Декларации о государственном суверенитете. Кроме того, выше уже было упомянуто о двойном гражданстве Тувы, что соответствующим образом было отражено в старой конституции республики и отменено в 2010 г. результатами референдума. В целом, национальная идея этнических субъектов выражается в консолидации и мобилизации этноса перед лицом каких-либо насущных проблем.

Феномен сибирской региональной идентичности зародился в 2000-х гг. и достиг своего пика популярности в 2010 г. накануне Всероссийской

переписи населения. В то время стартовала политическая акция «Мы – сибиряки», призывавшая жителей Сибири в поле «национальность» указывать – «сибиряк», а некоторые представители местной власти пытались создать политические объединения в Новосибирске, Томске, на Алтае [Головнева, 2017]. Однако, как упоминалось выше, организаторам переписи было дано указание не фиксировать национальность «сибиряк», что фактически сорвало проведение акции. Эти события также нашли свой отклик в некоторых СМИ: журнал “Esquire” в 2011 г. опубликовал «Пятиминутный путеводитель по сибирскому сепаратизму», где содержались краткий словарь сибирского языка, флаг и карта, показывающая, что потеряет страна, если лишится территории за Уралом.

Современные данные опросов также свидетельствуют о наличии сибирской идентичности у жителей региона. Например, этнографом М.А. Жигуновой [2011] была отмечена динамика роста сибирской идентичности: в 1986–1988-х гг. к сибирякам себя относили 15 % жителей региона; в 2000 г. – 32 %, а в настоящее время – около 75 %.

Однако, по мнению исследователя сибирской идентичности А.О. Бороноева [2016], данный феномен зародился гораздо раньше. Первый этап связан с вхождением русских на территорию Сибири в XVII в. Второй этап, начавшийся в XVIII в. ознаменован ростом городских центров и развитием социально-культурной и экономической жизни Сибири. На третьем окончательном этапе формирования сибирской идентичности увеличилось население территории, зарождается самосознание сибирского общества, в том числе вплетенное в канву движения сибирского областничества.

А.Э. Зайнутдиновым [2012] выделены компоненты конструирования сибирской идентичности: положение Сибири в смысловом пространстве «Запад-Восток» и соотношение Сибири с Европейской Россией; формирование типа сибиряка как типа идентичности жителя Сибири; особые природные условия; Сибирь в исторической перспективе как колония России и форпост российского присутствия на Востоке.

Первый общий признак выражается в дихотомии пространства, которое нашло отражение как в реальности, так и в сознании людей, проживающих в разных частях страны. Данная особенность нашла отражение в географическом положении, а также, например, в региональной специфике (различные условия жизни, менталитет населения и др.).

Отсюда же вытекает следующий признак: формирование сибиряка как типа идентичности жителя Сибири. В частности, А.П. Щапов [1873] в работе «Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении» отмечал разнообразие народов Сибири и их форм хозяйственной деятельности до прихода русских. Таким образом, до прихода русских в регионе сложился свой самобытный социокультурный мир, а с появлением пришлого населения произошло смешивание коренных и русских этносов, что привело к образованию особого типа сибиряка. По словам этнографа академика А.Н. Пыпина [История..., 1891]: «Сибирь, колонизированная только русскими с самого начала, однако, стала приобретать особый склад административный и бытовой, который с течением времени все больше удалялся от обычного хода жизни в метрополии». На данный момент имеются различия сибиряков и жителей европейской части страны относительно менталитета и приспособления к жизни, что дает основания для образования региональной идентичности.

Особые природные условия Сибири чаще всего ассоциируются с континентальным или резко-континентальным климатом, обуславливающим специфику хозяйственной деятельности территории. В данной связи также следует рассматривать ресурсную составляющую, а именно, запасы углеводородного сырья, урана, черных, цветных и драгоценных металлов, древесины, водных и гидроэнергетических ресурсов.

Зарождение сибирской идентичности является прямым следствием присоединением данной территории к Европейской России. Во второй половине XIX в. сибирскими областниками был поставлен вопрос собственного пути развития Сибири и ее роли в общероссийской и мировой

истории. Представители данного движения характеризовали Сибирь как колонию и сформулировали программу ее комплексного развития. В данной связи примечателен труд Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1892 г.). Исследователь полагал, что Сибирь является колонией в экономическом и политическом смысле. Ее геополитическое положение на стыке Европы и Азии создает условия для обособления и выработки регионального самосознания. Н.М. Ядринцев [1892] конструировал образ сибирской региональной идентичности главным образом на экономическом, геополитическом, природно-географическом, культурно-хозяйственном, этнографическом и религиозном базисе.

Общероссийская (гражданская) идентичность в современном понимании представляется обширной и многоуровневой структурой. В частности, В.А. Тишков [2002] определяет гражданскую идентичность как «нацию наций». В своей концепции он выдвигает два уровня российской идентичности: первый – нации-этноты (люди одной культуры), второй – нация-государство (граждане одного государства). Некоторые из положений данной теории В.А. Тишкова [2002] подвержены критике, а именно лояльность по отношению к государству, признанию его своим представителями различных этнических групп, кроме того, идея деполитизации понятия «этнос» противоречит сложившейся в России общественно-политической практике.

Л.М. Дробижева [2017] определяет общероссийскую идентичность как отождествление себя с гражданами страны, ее государственным пространством, формирование представлений о государстве, обществе, стране, «образе мы», чувства общности, солидарности, ответственности за ситуацию в стране. Кроме того, исследователем подчеркивается многосоставность данного феномена, который включает в себя государственную, территориальную, страновую, историко-культурную идентичности.

Одним из факторов принадлежности к общероссийской общности представителей разных этнических групп является общее историческое прошлое (общая судьба). В частности, такие значимые исторические события в сознании российских граждан, как Великая отечественная война, вносят свой вклад в консолидацию нации. Представляется значимым и самоназвание гражданской общности, что также предполагает наличие своей символики. В данном случае, символ является материализованным носителем идеи единства, целостности и обладает способностью обеспечивать мотивацию совместных действий [Монастырский, 2017].

В формировании гражданской идентичности сложно переоценить роль русского языка, так как он является основным средством коммуникации. Фактор общей культуры (политической, правовой, экономической), имеющий место благодаря опыту совместной жизни различных этносов, также влияет на формирование общероссийской идентичности. На наш взгляд, особенно важна правовая культура, обеспечивающая приоритет федеральных законов над региональным законодательством. В завершение следует отметить переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными политическими действиями.

Таким образом, процесс формирования идентичности является сложным процессом, в котором имеет место иерархичность и наличие определенной структуры. В большей степени обширный и более выраженный состав компонентов присущ национальной (этнической) идентичности. Такие составляющие этнической идентичности, как язык и религия, закономерно выделяются исследователями как самостоятельные виды самоидентификации. Помимо того, что национальная (этническая) идентичность является базовой и нижней ступенью общероссийской идентичности, как упоминалось уже выше, она вполне способна конкурировать с гражданской самоидентификацией.

Выводы по главе 3

Коренные этносы Восточной Сибири, по численности уступающие русским, более консолидированы в выражении своих национальных интересов, что наглядно отображается по итогам выборов. В первую очередь с помощью статистических данных и личного общения с респондентами подтверждается связь между долей коренных народов и явкой: корреляционный анализ выявил среднюю и высокую положительную тесноту связи для муниципальных (от 0,50 и 0,70 на выборах МО нижнего уровня, а также выше 0,70 для верхних МО), региональных и федеральных избирательных кампаний (0,70 и до 0,86). Уточнена также взаимосвязь доли коренных народов и политических предпочтений: установлена высокая положительная теснота связи между долей коренных народов и голосами за В.В. Путина и ЕР (в среднем до 0,78), и, напротив, высокая и очень высокая отрицательная связь между указанной долей и голосами за оппозиционные партии и их лидеров, особенно за ЛДПР и В.В. Жириновского (до -0,97). Во многом позитивное отношение к В.В. Путину и ЕР заключается в склонности к традиционным ценностям, которые декларирует партия и ее лидеры, также имеют место дотации из федерального центра, личный характер взаимоотношений между президентом и главами республик и т. д. Напротив, предвыборные лозунги оппозиционных партий содержали националистический контекст, что оттолкнуло большинство потенциальных избирателей среди коренных народов.

Как показывают данные статистики и предоставленная информация со стороны бюджетных организаций, самой главной тенденцией выбора элит является выбор лиц своей национальности. Например, 78,2 % рассмотренных нами учреждений (администрации, отделы полиции и поликлиники) УОБО Иркутской области выше доля бурятов, что значительно превышает их удельный вес в округе и большей части районов. Феномен кланности присущ в большей степени Республике Тыве, а также Бурятии. В частности, к причинам развития данного явления в Тыве относят: этнокультурную

предрасположенность, отсутствие стабильности во сферах в 1990-е гг., сельское происхождение главы республики Ш.Д. Ооржака и т. д.

Особенности национально-территориальной иерархии и других этнических территорий, как правило, обуславливают уровень сохранения языкового наследия и обучение родному языку, которое может осуществляться в качестве основных занятий или факультативов. Последняя форма более распространена применительно к языкам КМНС, используется она также в административно-территориальных единицах с особым статусом, например, в УОБО. Безусловно, более положительная динамика относительно доли лиц, владеющих родным языком, характерна для крупных народов, особенно Тувы (98,1 % в 2010 г.) и Якутии (87 %), более сложно обстоит ситуация с хакасским (61,3 %) и бурятским (28,9 % в УОБО, 42,8 % в Бурятии, 72,1 % в Забайкальском крае вместе с АБО) причем степень владения последним варьируется от места к месту. То же относится, например, к эвенкийскому, доля носителей которого наиболее высока в Красноярском крае, включая Эвенкию (40,8 %), а низка в Забайкальском крае (5,6 %).

Уточнено, что национальная идентичность коренных народов Восточной Сибири складывается из культурного наследия, сакральности родной земли и природы, особенностей национального характера, наличия родственных связей, черт внешнего облика, национальной идеи. Национальная идея в большей степени выражена, на наш взгляд, у коренных крупных народов, являющихся представителями титульной нации в своих родных республиках. Республиканская национальная идея вполне способна конкурировать с общероссийской идентичностью, что наглядно проявилось в 1990-х гг. во время «парада суверенитетов» в Туве, Якутии и Бурятии. Феномен сибирской региональной идентичности зародился в 2000-х гг. и достиг своего пика популярности в 2010 г. накануне Всероссийской переписи населения. Более обширной и многоуровневой структурой представляется общероссийская (гражданская) идентичность, в основе которой лежат

факторы общей исторической судьбы и культуры, объединяющей роли русского языка и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) Авторский комплексный подход к исследованию этнического фактора политико-географических процессов основывается, во-первых, на изучении данных вопросов с позиции как этнической географии и близких направлений общественной географии, так и смежных гуманитарных наук; во-вторых, на определении постсоветских этнорасселенческих и этноэлекторальных тенденций на детальном территориальном (муниципальном) уровне; в-третьих, на проведении анализа на основе системы строгих количественных оценок.

2) Иерархия национально-территориальных единиц государственного и муниципального устройства и других этнических территорий Восточной Сибири определяет их принципиально различный статус (республики – административно-территориальные единицы с особым статусом (АТЕОС) – места традиционного проживания КМНС), что оказывает заметное влияние на дифференциацию политико-географических процессов и явлений, включая долю представительства коренных народов в законодательных органах регионов и соответственно возможности принятия решений на уровне субъектов РФ, электоральные процессы и элитогенез, состояние этнокультурной специфики, в том числе сохранение языка, культуры и традиций и т. д.

3) Усиление поляризации регионов и муниципальных образований Восточной Сибири на «русские» и «этнические» следует считать главной тенденцией постсоветской трансформации этнического пространства: количество муниципальных образований с очень высокой долей русских (свыше 90 %) выросло с 71 до 118 (или в 1,7 раза), а с низкой долей русских (ниже 50 %) и соответственно с повышенной долей коренных народов – с 54 до 64.

4) Выявлены средняя теснота положительной связи между долей коренных этносов и явкой на выборы на нижнем уровне муниципальных

образований макрорегиона, высокая – на их верхнем уровне, а также на выборах регионального и федерального значения; высокая теснота положительной связи между долей коренных этносов и политическими предпочтениями при голосовании за правящую партию и действующего президента, высокая теснота отрицательной связи при голосовании за оппозиционные партии и политиков (особенно за ЛДПР и В.В. Жириновского).

5) Установлена устойчивая закономерность непропорционального преобладания в республиках и АТЕОС лиц титульных национальностей в законодательных органах, руководстве муниципальных образований, престижных бюджетных организациях (полиции и здравоохранении).

6) Уточнено, что наиболее подвержены утрате языкового наследия языки КМНС, уровень владения хакасским и бурятским языками также ощутимо снижается, тогда как уровень владения тувинским и якутским языками остается высоким.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аксютин Ю.М. Ресурс совместимости национально-государственной и этнической идентичности в регионах постсоветской России (на примере Южной Сибири) // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. – 2018. – С. 68–69.

Амоголонова Д.Д., Елаева И.Э., Скрынникова Т.Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиян», 2005. – 246 с.

Анайбан З.В. Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2011. – Вып. 227. – 25 с.

Арбатская М.Н. Контурная карта электоральной России. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2003. – 172 с.

Арбатская М.Н. Трансформация публичной политики и электоральное пространство. М. Н. Арбатская. – Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, 2006. – 219 с.

Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. – М: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. – 488 с.

Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001). – М. – Иркутск: Наталис, 2002. – 311 с.

Балакина Г.Ф., Кылгадай А.-К. Ч. Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономики // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 2. – С. 73–89.

Балзер М.М. Коренные космополиты, экологическая защита и активизм в Сибири и на Дальнем Востоке // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 2. – С. 15–38.

Басаев С.Б. Есть ли особый статус у Усть-Орды? [Электронный ресурс] // Asia Russian Daily. – 29.02.2016. – URL: <https://asiarussia.ru/articles/11380/> (дата обращения: 20.07.2021).

Безруков Л.А., Размахнина Ю.С. Теоретические основы исследования этничности и этнических процессов в общественной географии // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2018. – Т. 4 (14). – № 4. – С. 53–65.

Белова Е.В. Влияние этнического фактора на результаты парламентских выборов 4 декабря 2011 года // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. – 2015. – Т. 5. – С. 163–169.

Белозеров В.С. География и динамика этнической структуры населения Северного Кавказа: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 2000. – 45 с.

Богоявленский Д.Д. Этнический состав населения России // Этносоциология. – 2001. – С. 88–93.

Богоярков С.А., Богояркова Т.Н. Языковая ситуация и проблемы обучения хакасскому языку в Республике Хакасия // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – № 3 (15).

Бороноев А.О. Территориальная ментальность и проблемы социокультурного развития региона // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона: материалы Всероссийской науч. конф., 5–7 мая, Улан-Удэ, 2006. – С. 7–22.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. – 285 с.

Брук С.И. Проблемы этнической географии и картографии. – М.: Наука, 1978. – 164 с.

Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предметах и задачах этногеографии // Советская этнография. – 1963. – № 1. – С. 11–25.

Булаев В.М. Этнонациональные особенности формирования населения Восточного Забайкалья (социально-географическая интерпретация). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – 128 с.

Бурят меньше, чем якутов, но больше, чем сибиряков [Электронный ресурс]. // Новая Бурятия. – 16.01.2012. – URL: <https://newbur.ru/n/38264/> (дата обращения: 08.04.2020).

Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Хржановская А.А. Национальное и религиозное разнообразие регионов России // ЭКО. – 2018. – № 5. – С. 28–43.

В Усть-Ордынском Бурятском округе будет увеличено количество образовательных организаций, в которых изучается бурятский язык [Электронный ресурс]. // Правительство Иркутской области. Официальный портал. – URL: <https://irkobl.ru/news/704793/?type=special> (дата обращения: 05.05.2020).

Винокурова У.А. Коренные народы Сибири: могут ли они ответить на вызовы XXI века? // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 2. – С. 106–117.

Владимир Штыгашев: Хакасия ежегодно недополучает 10–15 млрд налогов [Электронный ресурс]. // Коммерсантъ. – 08.10.2019. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4118406> (дата обращения: 08.04.2020).

Воробьев В.В. Население Восточной Сибири. Современная динамика и вопросы прогнозирования. – Новосибирск: Наука, 1977. – 159 с.

Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – 259 с.

Всероссийская перепись-населения-2002 (данные по восточносибирским субъектам) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 22.02.2021).

Всероссийская перепись населения-2010 (данные по восточносибирским субъектам) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.05.2019).

Всесоюзная перепись населения-1989 [Электронный ресурс]. // Территориальные органы Федеральной службы государственной статистики в

восточносибирских субъектах. Архивные электронные материалы по республикам Бурятия, Якутия, Хакасия и Тыва, Забайкальскому и Красноярскому краям, Иркутской области.

Географические основания развития отдельных частей Якутии в кратких описаниях улусов, наслегов и населенных мест республики / М-во образования Рос. Фед. и др. [Авт. идеи и проекта М.Ю. Присяжный]. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. – 696 с.

Герасименко Т.И. Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов – основа формирования региональной идентичности // Вестник СПбГУ. – 2012. – Спецвыпуск. – С. 31–42.

Герасименко Т.И., Лапаева М.Г. Формирование трансграничных регионов как пространственно-временной результат трансграничного взаимодействия // Вестник ОГУ. – 2012. – № 2 (138). – С. 298–302.

Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Этноконтактные зоны как вид этнокультурных регионов // Вестник АРГО. – 2018. – № 7. – С. 55–68.

Герасименко Т.И. «Этнос» и «культура»: трактовка понятий и подходы к изучению // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. – 2015. – № 6 (181). – С. 178–184.

Герасимова И.А., Ивахнов В.Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис plus. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 66–75.

Гидденс Э. Социология. – М.: «Едиториал УРСС». – 2005. – 632 с.

Головнева Е.В. Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы // Изв. Уральского фед. ун-та. Серия 3, Общественные науки. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 144–153.

Гришин Н.В. Влияние этноконфессионального фактора на политические предпочтения населения юга России // Вестник АГТУ. – 2006. – № 5 (34). – С. 108–114.

Губогло М.Н. К изучению перспектив развития двуязычия у народов СССР // История СССР. – 1978. – № 1. – С. 38–40.

Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. – 1970. – С. 46–55.

Дамдинов Б.Б. Конституционно-правовой статус автономных округов Российской Федерации: история, современность, перспективы. – Иркутск: МИОН, 2005. – 178 с.

Дамдинов Б.Б. Особый статус Агинского Бурятского округа в составе Забайкальского края: от концепции к уставу // Сибирский юридический вестник. – 2009. – № 2 (45). – С. 34–42.

Данзанов Е.С. Пространственно-временная структура электоральных предпочтений в Республике Бурятия: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 23 с.

Данные избирательных комиссий восточносибирских субъектов 2010–2020 гг. [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии. – URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 01.06.2019).

Дегтева Ж.Ф. Трансформация этнической структуры Республики Саха (Якутия) // Региональные исследования. – 2013. – № 1. – С. 80–85.

Добчинов А.К. 80-летию Агинского Бурятского округа // 2017. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.aginsk-pravda.ru/blog/k_80_letij_u_aginskogo_burjatskogo_okruga/2017-09-25-229 (дата обращения: 20.06.2021).

Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 25–36.

Дружинин А.Г., Суций С.Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Известия РГО. – 1993. – Т. 25, вып. 6. – С. 27–36.

Дружинин А.Г. Этнодемографические трансформации в центро-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) // Региональные исследования. – 2015. – № 3 (49). – С. 78–85.

Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2000. – 349 с.

Жигунова М.А. Разные, но мы вместе // Эксперт-Сибирь. – 2011. – № 50. – С. 11–13 .

Житин Д.В. Изменение в расселении русского этноса в пределах Российской Федерации во второй половине XX – начале XXI в. // Изв. РГО. – 2013. – Т. 145, вып. 3. – С. 67–82.

Житин Д.В. Родной язык как индикатор ассимиляционных процессов в Российской Федерации // Региональные исследования. – 2014. – № 2 (44). – С. 96–106.

Жуков К.С., Карнышев А.Д. Этнопсихологический фактор в местном самоуправлении // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 2. – С. 105–114.

Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков: обоснование территорий в Читинской области. – Новосибирск: Наука, 1995. – 118 с.

Задорожный В.Ф., Напрасников А.Т., Раднаев Б.Л. Зональные типы природопользования: опыт географического и этнического обоснования и анализа. – Новосибирск: Наука, 2010. – 240 с.

Зайнутдинов А.Э. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. – № 2 (61). – С. 81–98.

Иванова Н.И. Языковые установки Саха в сфере образования в контексте современных экстралингвистических реалий (по материалам опросов в г. Якутске) // Новые исследования Тувы. – 2018. – № 1. – С. 153–166.

Историческая энциклопедия Сибири. Т.1 / гл. ред. чл.-корр. РАН В.А. Ламин. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – 716 с.

История русской этнографии. Т. 2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская / сост. А.Н. Пыпин. – Спб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1891. – 424 с.

Карнышев А.Д., Зуляр Ю.А. Сибирский мультикультурализм: психологические и политологические аспекты и проблемы // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 21. – С. 86–96.

Козлов В.И., Покшишевский В.В. Этнография и география // Советская этнография. – 1973. – № 1. – С. 3–13.

Козлов В.И. Этнос и территория // Советская этнография. – 1971. – № 6. – С. 89–100.

Козлов Н.Д. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными // Полис. Политические исследования. 2008. № 4. С. 8–26.

Колесников В.А. Гражданская нация и этнонации в современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2016. – № 1. (11). – С. 524–529.

Кондрашев А.А. Административно-территориальные единицы с особым статусом: проблемы реализации статуса национальных автономий в Российской Федерации // Научный ежегодник Ин-та философии и права УРО РАН. – 2016. – Т. 16, Вып. 3. – С. 97–111.

Крадин Н.Н., Янков Н.Г. Агинские и усть-ордынские: сравнительная характеристика идентичности западных и восточных бурят // Уральский исторический вестник. – 2017. – Т. 2 (55). – С. 96–105.

Красноярский край может лишиться Таймыра: северяне планируют провести референдум [Электронный ресурс]. // Вести Новосибирск. – 15.05.2017 – URL: https://www.nsktv.ru/news/city/krasnoyarskiy_kray_mozhet_lishitsya_taymyra_severyane_planiruet_provesti_referendum_150520171314/ (дата обращения: 08.05.2020).

Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010 – 240 с.

Куклина В.В. Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 117 с.

Кульчевский В.В. Особый статус административно-территориальных единиц в укрупненных субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право – 2010. – № 2. – С. 42–44.

Ламажаа Ч.К. Кланновость в политике регионов России. Тувинские правители. – СПб: Аллетейя, 2010. – 208 с.

Лебедева Е.Б. Опыт объединения субъектов в РФ: проблемы и предварительные итоги // Вестн. Адыгейского унта. Серия 1. Регионоведение. – 2012. – с. 297–309.

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. – М: ЛЕНАНД, 2012. – 1024 с.

Маглеев А.А. Этническая поляризация электората или выражение политического интереса на выборах: психологический аспект // Проблемы развития личности в условиях глобализации: психолого-педагогические аспекты. – Ереван: Российско-Армянский ун-т, 2020. – С. 422–428.

Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 6. Раннее заселение Северной Азии. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – 336 с.

Манаков А.Г. Оценка этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2019. – № 2. – С. 117–128.

Манаков А.Г. Трансформация этнического пространства России в XVIII–XIX вв.: историко-географический анализ // Изв. РГО. – 2019. – Т. 151, вып. 1. – С. 17–28.

Мангатаева Д.Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 213 с.

Минфин Хакасии сообщил о нехватке в бюджете денег на школы и детские сады [Электронный ресурс]. // Сноб. – 04.02.2020 – URL:

<https://www.rbc.ru/economics/04/02/2020/5e37feba9a79478c3202bcff> (дата обращения: 05.03.2020).

Монастырский М.Н. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 181–188.

Монгуш А.В. Тувинцы-тоджинцы: особенности образа жизни // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2017. – Т. 1, вып. 4. – С. 67–84.

Морозова А.С. Проблема «равностатусности» в конституционно-правовой характеристике субъектов Российской Федерации. – Вест. Москов. Ун-та МВД России, 2009. – № 3. – С. 193–198.

Мотревич В.П. Иностранцы граждане – китайцы в Советском Союзе по данным Всесоюзной переписи населения 1937 г. // Китай: история и современность: материалы VIII международной научно-практической конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 180–181.

На праймериз «ЕР» в поселке Усть-Ордынский лидировал Сергей Ерощенко. [Электронный ресурс]. // Общественно-политическая газета Областная. – 05.06.2015. – URL: <http://www.ogirk.ru/2015/06/05/55639/> (дата обращения: 04.03.2020).

Неустроева А.Б., Попова О.В., Больницкая А.Н. Проблемы развития социально-трудовой сферы северного региона РФ (на примере Республики Саха (Якутия)) // Теоретическая и прикладная экономика. – 2017. – № 3. – С. 12–25.

О статусе национального административно-территориального образования в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/802024120> (дата обращения: 08.05.2020).

О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. // Гарант. – URL:

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 06.03.2020).

Об особом статусе Эвенкии [Электронный ресурс] / С.Г. Комарицын // Эвенкия: оф. сайт органов МСУ Эвенкийского мун. р-на. – URL: <http://www.evenkya.ru/bezopasnost-territorii/fire-activity/status.html> (дата обращения: 20.07.2021).

Об утверждении перечня коренных малочисленных народов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс] // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ). – URL: <http://www.raipon.info/activity/pravovaia-deiatelnost/federal-legislation/on-approval-of-the-list-of-indigenous-small-numbered-peoples-of-the-north-siberia-and-far-east-of-th.php> (дата обращения: 13.04.2020).

Объединение регионов Российской Федерации: социологические данные, глубинные интервью, сравнительный анализ / И.Ю. Окунев, П.В. Осколков, М.И. Тисленко и др. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. — 208 с.

Объединение субъектов Российской Федерации: за и против / ред. С.С. Артоболевский, Е.Ш. Гонтмахер. – М.: Ин-т современного развития, 2010. – 175 с.

Окунев И.Ю., Шиловский Р.С. Реформы объединения Усть-Ордынского Бурятского автономного с Иркутской областью и Агинского Бурятского автономного округа с Читинской областью: мотивы и последствия // Псковский региональный журнал. – 2018. – № 1 (33). – С. 10–23.

Отрощенко И.В. Вхождение Тувы в состав СССР: альтернативные мнения // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 4. – С. 36–75.

Очирова В.М. Политические элиты полиэтнических регионов в условиях трансформации российского общества (на материалах республик

Бурятия, Саха (Якутия), Тыва) : дис. ... д-ра полит. наук. – Улан-Удэ, 2015. – 583 с.

Очур М.Н. Развитие двуязычия в школах Тувы в постсоветский период // Вестн. ТПГУ. – 2015. – № 4 (157). – С. 93–97.

Оюн О.П. Политическая элита Тувы в условиях многопартийности // Изв. Алтайского гос. ун-та. – 2010. – № 4–1 (68). – С. 191–195.

Палата коренных малочисленных народов Севера. [Электронный ресурс]. // Общественная палата Красноярского края. – URL: <http://op.krsk.ru/assembly/wards/16.html> (дата обращения: 05.06.2020).

Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://dkmns.yanao.ru/opendata/37/> (дата обращения: 08.06.2020).

Покшишевский В.В. География населения СССР. – М.: Просвещение, 1971. – 174 с.

Попков Ю.В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 2. – С. 5–31.

Попов П.Л. Элитогенез в России: географический аспект // География и природные ресурсы. – 2010. – № 4. – С. 125–129.

Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги. Мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 164 с.

Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. – 171 с.

Рагулина М.В. Традиционные способы жизнеобеспечения эвенков Прибайкалья // География и природные ресурсы. – 2009. – № 2. – С. 109–116.

Рагулина М.В. Этноэкономические особенности коллективизации в Тофаларии // Историко-экономические исследования. – 2008. – Т. 9. – № 2. – С. 20–30.

Размахнина Ю.С. Влияние этнического фактора на итоги избирательных кампаний Восточной Сибири // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 251–259.

Размахнина Ю.С. Этнический фактор в электорально-географических процессах Восточной Сибири (на примере Иркутской области) // Географический вестник. – 2020. – № 2. – С. 48–62.

Рендашкина А.Н. Историко-культурологический анализ освоения татарами пространства Восточной Сибири // Дискуссия. – 2011. – № 8 (16). – С. 76–78.

Референдум по объединению регионов признан состоявшимся [Электронный ресурс] // РБК. – 22.04.2005 – URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/04/2005/5703bab59a7947afa08c7d89> (дата обращения: 01.03.2020).

Россия как цивилизация: сибирский ракурс / В.Г. Костюк, М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова и др.; отв. ред. В.Г. Костюк. – Новосибирск: Сиб. Науч. Изд-во, 2008. – 262 с.

Россия – это нация наций. В поисках формулы [Электронный ресурс] // Валерий Тишков. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publicacii/rossiya__e1.html (дата обращения: 08.05.2020).

Самеева С.Г. Религиозная толерантность в Бурятии // Вестн. Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 2 (10). – С. 125–129.

Сафронов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. – 2015. – № 3 (25). – С. 138–153.

Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. – М.: ИАЭ РАН, 2012. – 288 с.

«Сибиряков» в России стало почти в 412 раз больше – данные Росстата [Электронный ресурс] // Тайга.Инфо. – 20.12.2011. – URL: <https://tauga.info/106368> (дата обращения: 18.04.2020).

Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. – М.–Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002. – 286 с.

Слияние поглотило конкуренцию // «Коммерсантъ». – 2018. – № 159. – С. 3.

Стефаненко С.Г. Этнопсихология. – М.: Ин-т психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

Стрелецкий В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. – М.: Изд-во МГТУ, 2011. – С. 146–176.

Таймыр захотел разукрупнить Красноярский край [Электронный ресурс] // Regnum. – 18.06.2017. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2276709.html> (дата обращения: 08.04.2020).

Тарбастаева И.Н. Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 – наст. вр.) // Новые исследования Тувы. – 2016. – С. 116–139.

Тарбастаева И.С. Тува превращается в моноэтничный регион: риски и перспективы // ЭКО. – 2018. – № 5. – С. 65–79.

Тихонов С. Улан-Удэ: национально-климатический капкан // Эксперт. – 2019. – № 9. – С. 34–39.

Тишков В.А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2002. – 240 с.

Требования особого статуса [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – № 63. – 10.04.2015. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2705325> (дата обращения: 06.05.2020).

Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // Siberian Socium. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 97–114.

Тува: часть России, которую продолжают покидать русские [Электронный ресурс] // ЦАРЬ-ГРАД. – 09.07.2018. – URL: https://tsargrad.tv/articles/tuva-chast-rossii-kotoruju-prodolzhajut-pokidat-russkie_145103 (дата обращения: 02.02.2020).

Тувинская народная республика. Почему с родины Сергея Шойгу уезжают русские [Электронный ресурс] // Медуза. – 15.09.2016. – URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/15/tuvinskaya-narodnaya-respublika> (дата обращения: 08.04.2020).

Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2005. – № 4. – С. 161–202.

Туровский Р.Ф. Политическая география. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. – 381 с.

Умнова И.А. Современная российская модель разделения власти между Федерацией и ее субъектами: Актуальные правовые проблемы. – М: ИНИОН, 1996. – 59 с.

Устойчивое развитие: проблемы охраняемых территорий и традиционное природопользование в Байкальском регионе: мат-лы конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999 с. – 230 с.

Ушаков Е.А. Изменение административных границ субъектов Российской Федерации и электоральные предпочтения населения // Успехи современного естествознания. – 2010. – № 10. – С. 144–152.

Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями на 8 декабря 2020 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901786770> (дата обращения: 20.03.2021).

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.03.2019).

Цыдыпова Л.С. Историко-географические особенности формирования этнокультурного ландшафта Баргузинского Прибайкалья. – М: Инфра-М, 2018. – 156 с.

Черенев А.А. Политико-географические методы и факторы в формировании избирательных участков // Известия Иркутского государственного университета. Сер. политология. религиоведение. – 2017. – Т. 21. – С. 126–133.

Черенев А.А. Территориальная дифференциация электоральных процессов муниципального уровня: на примере Иркутской области: автореф. ... дис. канд. геогр. наук. – Иркутск, 2010. – 23 с.

Черенев А.А. Условия формирования электоральных предпочтений в сельской местности (на примере Иркутской области) // География и природные ресурсы. – 2009. – № 4. – С. 134–139.

Шорцы в Хакасии: большие трудности для малого народа [Электронный ресурс] // 19RUS. – 22.12.2017. – URL: <http://19rus.info/index.php/obshchestvo/item/77451-shortsy-v-khakasii-bolshie-trudnosti-malogo-naroda> (дата обращения: 05.06.2020).

Щапов А.П. Историко-географические заметки о Сибири: Значение первоначал. геогр. открытий в Сибири // Изв. Сиб. отд. ИРГО. – 1873. – Т. 4. – С. 65–82.

Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография, 1976. – № 2. – С. 33–42.

Этнография / под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. – М.: Высшая школа, 1982. – 320 с.

Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы / И.Ф. Верещагин, К.С. Зайков, А.М. Тамицкий, Т.И. Трошина,

Ф.Х. Соколова, Н.К. Харламповева; под общ ред. Н.К. Харламповевой. – Архангельск, САФУ, 2017. – 325 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – Спб.: Типография М. Стасюлевича, 1889. – 477 с.

Яковлева К.М., Алексеева А.Н. Традиционная культура в условиях изменяющегося общества (на примере якутов с. Баяга Таттинского района РС (Я)) // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11. – С. 203–205.

Bonikowsky B. Ethno-nationalist populism and the mobilization of collective resentment [Electronic resource] // The British Journal of Sociology. – 2017. – Vol. 68. – P. 181–213. – URL: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12325> (Accessed: 23 July 2019).

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and electoral manipulation in Russia // Electoral Studies. – 2014. – № 36. – Pp. 15–27.

Hodler R., Valsecchi M., Vesperoni A. Ethnic geography: Measurement and Evidence // CESifo Working Paper Series. – 2017. – № 6720. – 58 p.

Kavianirad M., Rasouli M. Explanation of relationships between Geography and Elections (Electoral Geography) // Geopolitics Quarterly. – 2015. – Vol. 10, № 4. – P. 93–108.

Muller-Crepon C. Sowing Hatred: Local Ethno-Political Competition and Pre-Election Violence in Majoritarian Elections [Electronic resource] // International Conflict Research. – 2018. – pp. 1–32. – URL: <http://www.icr.ethz.ch/publications/mueller-crepon2018localelecvviol.pdf> (Accessed: 23 July 2019).

Перечень мест традиционного проживания КМНС

Субъект	Район	Сельское поселение
Республика Бурятия	1. Баргузинский	Баргузинское, Сувинское, Юбилейное
	2. Баунтовский эвенкийский	
	3. Закаменский	Мылинское – улус Мыла
	4. Курумканский	Дырен венкийское, Улюхан эвенкийское, Курумкан
	5. Муйский	Муйская сельская администрация
	6. Окинский	
	7. Северо-Байкальский	
Республика Саха (Якутия)	8. Абыйский	Майарский – с. Кебергене
	9. Алданский	Беллетское – с. Хатастыр и Угаян-Беллетское, Анаминское – с. Кутана
	10. Аллаиховский	Юкагирское – с. Оленегорск, Быягырское – с. Нычалах, Берелехское – с. Чкалов, Русско-Устьинское – с. Русское Устье, Ойотунгское – с. Ойотунг
	11. Анабарский	Саскылахское – с. Саскылах, Юрюнг-Хаинское – с. Юрюнг-Хая
	12. Булунский	Булунское – с. Быковский и Кюсюр, Борогонское – с. Намы, Хара-Улахское – с. Найба, Тюметинское – с. Таймылыр, Сихтяхское – с. Сиктях, Ыстанахское – с. Усть-Оленек
	13. Верхнеколымский	Нелемное – с. Нелемное, Верхнеколымское – с. Утая, Верхнеколымск, Арылахское – с. Усун-Кюель
	14. Верхоянский	Табалахское – с. Улахан-Кюель
	15. Жиганский	Ленское – с. Жиганск, с. Кыстытаам, Линдинское – с. Бахынай, Бестяхское – с. Бестях
	16. Кобяйский	Ламынхинское – с. Себян-Кюель, Кировское – Сегян-Кюель
	17. Мирнинский	Садынское – с. Сельдюкяр
	18. Момский	Улахан-Чистайское – с. Сасыр, Чыбагалахское – с. Кулун-Ельбют, Тебюлехское – с. Чумпу-Кытыл, Индигирское – с. Буор-Сасы, Момское – с. Хонуу, Соболохское – с. Соболох

Продолжение прил. А

	19. Нерюнгринский	Иенгринское – с. Иенгра
	20. Нижнеколымский	Олеринское – с. Андрюшкино, Халарчинское – с. Колымское, Походское – с. Походок
	21. Олекминский	Жарханское – с. Токко и Уолбут, Тянское – с. Тяня, Киндигирское – с. Кюду- Кюель, Чаринское – Бясь- Кюель
	22. Оймяконский	Борогонское – с. Томтор II, Сордоннохское – с. Орто- Балаган, Ючегейское – с. Ючегей
	23. Оленекский	Оленекское – с. Оленек, Кирбейское – с. Харьялах, Жилиндинское – с. Жилинда, Шологонское – с. Эйик
	24. Среднеколымский	Березовское – с. Березовка, с. Уродан
	25. Томпонский	Томпонское – с. Тополиное
	26. Усть-Майский	Кюпское – с. Кюпцы, Эжанское – с. Эжанцы, Петропавловское – с. Петровловск и Троицк, Кюпское – с. Тумул
	27. Усть-Янский	Омолойское – с. Хыйыр, Туматское – с. Тумат, Силянняхский – с. Сайылык, Казачинское – с. Казачье, Усть-Янское – с. Усть-Янск, Юкагирское – с. Юкагир, Уяндинское – с. Уянди
	28. Эвено-Бытантайский	Тюсегирское – с. Батагай-Алы та, Нижнебытантайское – с. Кустур, Верхнебытантайское – с. Дьаргылах
Республика Тыва	29. Монгун-Тайгинский	Моген-Буренский, Тоолайлыг
	30. Тере-Хольский	Шынаанский, Каргынский, Балыктыгский, Эми
	31. Годжинский	Азасский, Ийский, Сыстыг- Хемский, Чазыларсий
	32. Эрзинский	Бай-Дагский
Республика Хакасия	33. Аскизский	Бискамжинский, Балыксинский
	34. Таштыпский	Анчулский, Матурский
Забайкальский край	35. Каларский	Чарское – с. Кюсть-Кемда, Чапо-Ологское – с. Чапо- Олого, Куандинское – с. Неляты, межселенная территория р-на – с. Средний Калар

Продолжение прил. А

	36. Тунгиро-Олекминский	Тупикское – с. Тупик, Зареченское – с. Заречное, межселенная территория р-на – с. Моклакан, Средняя Олекма, и Гуля
	37. Тунгокоченский	Верх-Усуглинское – с. Верх-Усугли, Тунгокоченское – Тунгокочен, Усть-Карегинское – с. Усть-Каренга, межселенная территория р-на – с. Зеленое Озеро, Юмурчен, Красный Яр
Красноярский край	38. Енисейский	СЫМСКИЙ
	39. Северо-Енисейский	
	40. Таймырский Долгано-Ненецкий	
	41. Туруханский	
	42. Тюхтетский	Чиндатский
	43. Эвенкийский	
	44. Бодайбинский	Жуинское
	45. Казачинско-Ленский	Казачинское, Магистральнинское, межселенные территории р-на
	46. Катангский	
	47. Качугский	Вершино-Тутурское
	48. Киренский	Алексеевское, Киренское, Петропавловское
49. Мамско-Чуйский	Горно-Чуйское, Луговское, Мамское, Согдиондонское	
50. Нижнеудинский	Верхнегутарское, Нерхинское, Тофаларское	
51. Усть-Кутский	Ручейское, межселенные территории р-на	

Составлено по: Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации

URL: <https://docs.cntd.ru/document/902156317>

Приложение Б

Национальные районы и сельские поселения Восточной Сибири

Субъект	Национальные районы	Национальные сельские поселения (н.с.п.) в муниципальных районах (м.р.)
Республика Бурятия	Баунтовский (эвенкийский)	<u>Окинский м.р.:</u> Сойотское
Республика Саха (Якутия)	Анабарский (долгано-эвенкийский) Жиганский (эвенкийский) Момский (эвенкийский) Оленёкский (эвенкийский) Эвено-Бытантайский	<u>Абыйский м.р.:</u> Майорский национальный наслег (н.н.) <u>Алданский м.р.:</u> Анамы Беллетский н.н. <u>Аллайховский м.р.:</u> Юкагирский н.н. Ойотугунский н. кочевой н. <u>Анабарский м.р.:</u> Саскылахский н. (эвенкийский) н. Юрюнг-Хаинский н. (долганский) н. <u>Булунский м.р.:</u> Булунский эвенкийский н.н. Быковский эвенкийский н.н. Хара-Улахский н.н. Тюметинский эвенкийский н.н. <u>Верхнеколымский м.р.:</u> Нелемнский юкагирский н. Утаинский эвенкийский <u>Жиганский м.р.:</u> Жиганский эвенкийский н.н. Линдинский эвенкийский н.н. Кыстатыам <u>Кобяйский м.р.:</u> Кировский эвенкийский н.н. Ламынхинский н.н. <u>Мирнинский м.р.:</u> Садынский н. эвенкийский н. <u>Момский м.р.:</u> Соболохский н.н. Чыбагалахский н.н. Индигирский н.н. Момский н.н. Тебюлехский н.н. Улахан-Чистайский н.н. <u>Нижнеколымский м.р.:</u> Халарчинский чукотский н.н. Олёринский Суктул <u>Нерюнгринский м.р.:</u> Иенгринский н.н. <u>Олёкминский м.р.:</u> Жарханский н.н. Киндигирский н.н. Тянский н.н. Чаринский н.н. <u>Оленёкский м.р.:</u> Жилиндинский н.н. Кирбейский н.н. Оленёкский н.н.

Продолжение табл. Б

		<p>Шологонский н.н. <u>Среднеколымский м.р.:</u> Березовский н. (кочевой) н. <u>Томпонский м.р.:</u> Томпонский н. (эвенский) н. <u>Усть-Майский м.р.:</u> Кюпский н.н. Петропавловский н.н. Эжанский н.н. Усть-Янский: Казачинский н.н. Омолойский н.н. Силяннихский н.н. Туматский н.н. Усть-Янский н.н. Уяндинский н.н. Юкагирский н. (кочевой) н.</p> <hr/> <p>Всего: 49 н.с.п. в 19 м.р.</p>
--	--	---

Составлено по: Официальный сайт Баунтовского района (устав), Гарант.ру: информационно-правовой портал (устав Окинского района), Сайт Органы местного самоуправления Республики Саха (Якутия)

URL:<http://old.bauntrb.ru/pages/85>,

<https://base.garant.ru/29528360/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>,

<https://sakha.gov.ru/portals/front/iomsu>

Приложение В

Динамика отдельных этносов Восточной Сибири с 1989 по 2010 гг.

Народы	1989	2010	Изменения,+/-	% +/-	Рост
Все население	10246572	8877533	-1369039	-13,4	
Русские	8202016	7073718	-1128298	-13,8	
Якуты	370096	469327	99231	26,8	
Буряты	401736	447001	45265	11,3	
Тувинцы	202343	256175	53832	26,5	
Украинцы	356566	107109	-249457	-70	-3,3 п.
Татары	135041	81949	-53092	-39,3	
Хакасы	72778	69308	-3470	-4,8	
Немцы	70341	35457	-34884	-49,6	
Эвенки	23139	31040	7901	34,1	
Белорусы	84566	29215	-55351	-65,5	-2,9 п.
Азербайджанцы	18665	29071	10406	55,8	
Армяне	11774	28336	16562	140,7	+2,4 п.
Киргизы	5207	23222	18015	346	+4,5 п.
Чуваши	45440	21477	-23963	-52,7	
Узбеки	13089	18462	5373	41	
Эвены	9309	15125	5816	62,5	
Таджики	3072	14992	11920	388	+4,9 п.
Мордва	28170	9981	-18189	-64,6	-2,8 п.
Башкиры	16845	8253	-8592	-51	
Долганы	5907	7747	1840	31,3	
Молдаване	14235	7156	-7079	-49,7	
Китайцы	1725	6265	4540	263,2	+3,6 п.
Казахи	11743	5929	-5814	-49,5	
Марийцы	12614	5739	-6875	-54,5	
Корейцы	4701	5243	542	11,5	
Удмурты	10936	4327	-6609	-60,4	
Ненцы	2758	3678	920	33,4	
Грузины	6686	3650	-3036	-45,4	
Евреи	11578	3614	-7964	-68,8	-3,2 п.
Сойоты	1973	3602	1629	82,6	+1,8 п.

Составлено по: Материалы Всесоюзной и Всероссийской переписей населения 1989 и 2010-х гг.

URL:http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php,

https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Динамика численности и доли бурятов Иркутской области с 1989 по 2010-е

ГГ.

Города и р-ны	1989		2010		Изменения +-
	Абс.	%	Абс.	%	
Иркутск	9242	1,5	12698	2,3	0,8
Ангарск	4889	1,8	4309	1,8	0
Братск	842	0,3	291	0,1	-0,2
Усолье-Сибирское	810	0,7	310	0,4	-0,3
Черемхово	367	0,4	102	0,2	-0,2
Зима	62	0,1	22	0,07	-0,03
Саянск	74	0,19	75	0,19	0
Тулун	74	0,1	22	0,05	-0,05
Нижнеудинск	99	0,2	61	0,01	-0,1
Тайшет	52	0,09	16	0,04	-0,05
Усть-Илимск	410	0,3	212	0,2	-0,1
Усть-Кут	232	0,4	82	0,2	-0,2
Бодайбо	193	0,9	108	0,7	-0,2
Балаганский	59	0,5	34	0,4	-0,1
Бодайбинский	142	0,9	22	0,28	-0,6
Братский	113	0,1	59	0,1	0
Жигаловский	23	0,2	7	0,07	-0,13
Заларинский	325	1	250	0,9	-0,1
Зиминский	48	0,3	20	0,1	-0,2
Иркутский	779	1,4	1409	1,7	0,3
Казачинско-Ленский	147	0,5	51	0,3	-0,2
Катангский	53	0,5	11	0,3	-0,2
Качугский	1636	7,1	899	5,2	-1,9
Киренский	53	0,2	11	0,05	-0,15
Куйтунский	68	0,1	22	0,07	-0,03
Мамско-Чуйский	213	1,1	10	0,2	-0,9
Нижнеилимский	147	0,2	51	0,09	-0,11
Нижнеудинский	337	0,9	245	0,76	-0,14
Ольхонский	4234	48,6	4656	49,6	1
Слюдянский	550	1,2	335	0,8	-0,4
Тайшетский	35	0,1	11	0,025	-0,08
Тулунский	25	0,08	15	0,05	-0,03
Усольский	198	0,3	165	0,3	0
Усть-Илимский	54	0,2	39	0,2	0
Усть-Кутский	95	0,4	0	0	-0,4
Усть-Удинский	533	3	341	2,4	-0,7
Черемховский	450	1,2	296	1	-0,2
Чунский	52	0,1	16	0,04	-0,06
Шелеховский	297	0,5	416	0,7	0,2
УОБО	49298	36,3	49871	40,2	3,9

Продолжение прил. Г

Аларский	6222	22,4	5351	25,1	2,7
Баяндаевский	8449	58,1	6908	60,9	2,8
Боханский	5257	19,5	5434	21,5	2
Нукутский	7113	41,6	7300	46,5	4,9
Осинский	8637	42	9510	46,9	4,9
Эхирит- Булагатский	13620	47	15368	51	4

Составлено по: Материалы Всесоюзной (архив) и Всероссийской переписей населения по Иркутской области 1989 и 2010-х гг.

URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/36518>

Приложение Д

Динамика КМНС Иркутской области с 1989 по 2010-е гг.

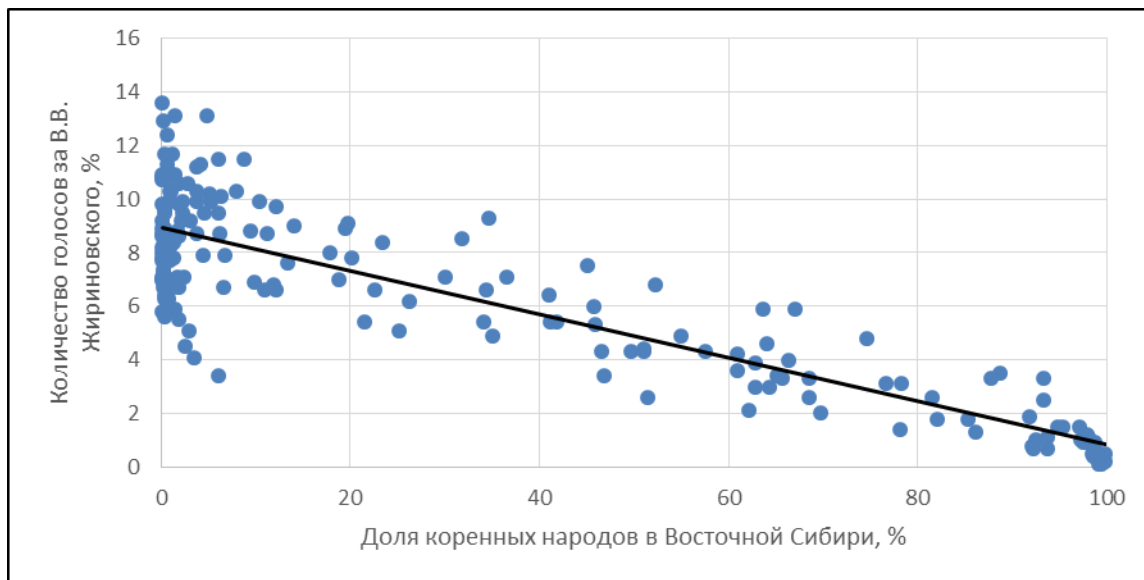
Эвенки					
Города и р-ны	1989		2010		Изменения +-
	Абс.	%	Абс.	%	
Иркутск	86	0,014	88	0,16	0,002
Ангарск	43	0,016	24	0,009	-0,007
Братск	15	0,005	16	0,007	0,002
Бодайбо	7	0,03	14	0,09	0,06
Усть-Кут	16	0,02	20	0,04	0,02
Бодайбинский	26	0,2	65	0,8	0,06
Катангский	546	5,8	472	12,6	6,8
Иркутский	29	0,05	41	0,05	0
Казачинско-Ленский	66	0,2	50	0,3	0,1
Качугский	266	1,1	243	1,4	0,3
Киренский	21	0,07	30	0,1	0,03
Мамско-Чуйский	44	0,2	34	0,6	0,4
Усть-Кутский	25	0,1	24	0,29	0,2
Эхирит-Булагатский	44	0,1	43	0,1	0
Тофалары					
Нижнеудинский	583	1,5	635	2	0,5
Нижнеудинск	16	0,03	16	0,04	0,01

Составлено по Материалы Всесоюзной (архив) и Всероссийской переписей населения по Иркутской области 1989 и 2010-х гг.

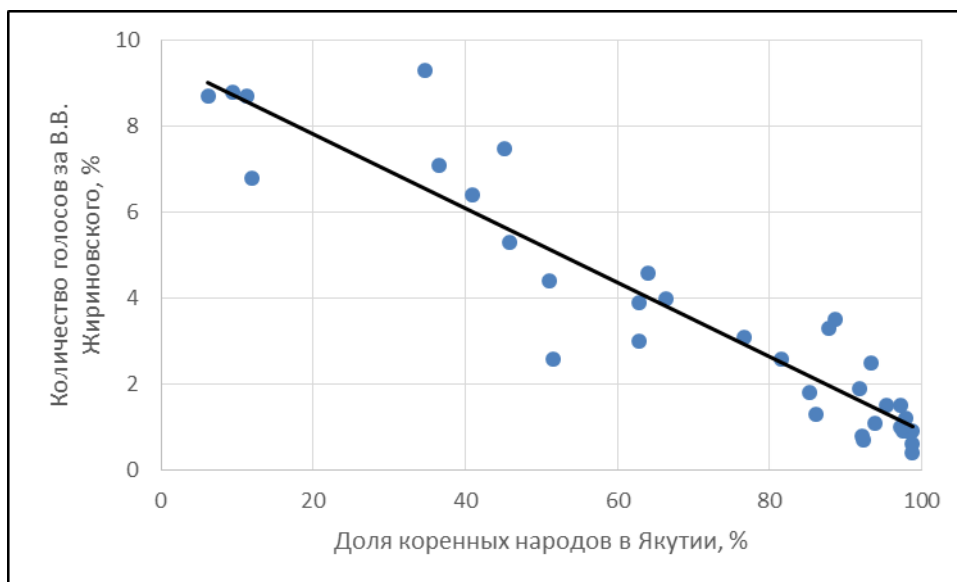
URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/36518>:

Приложение Е

Теснота связи между долей коренных народов и количеством голосов за В.В. Жириновского на выборах Президента 2018 г. в макрорегионе и в восточносибирских субъектах РФ

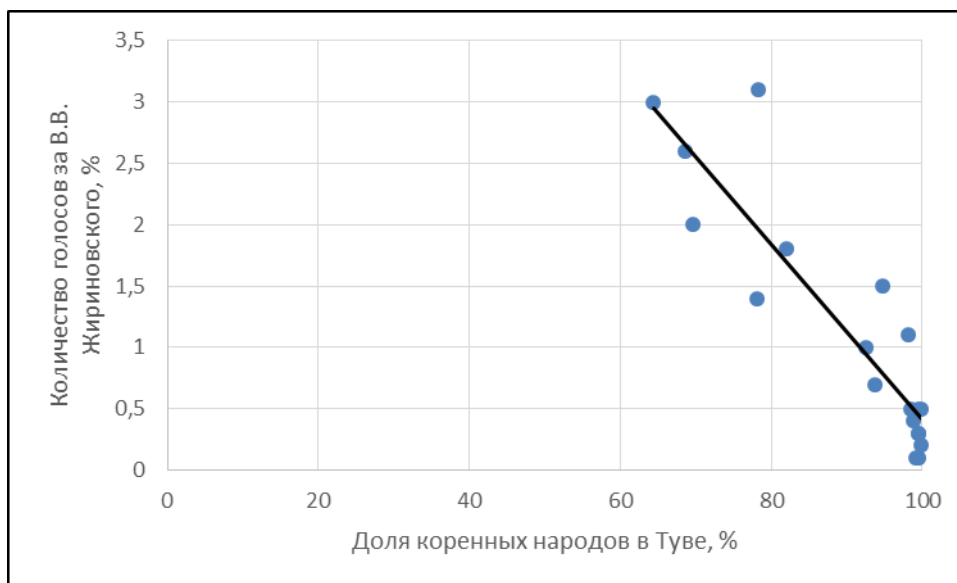

Восточная Сибирь. $R=-0,87$.

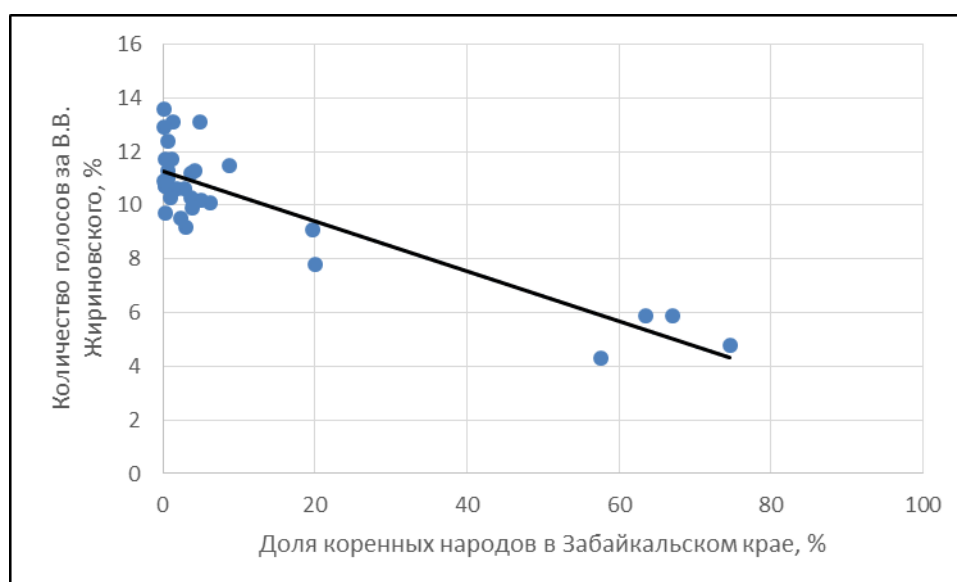

Республика Саха (Якутия). $R=-0,93$.

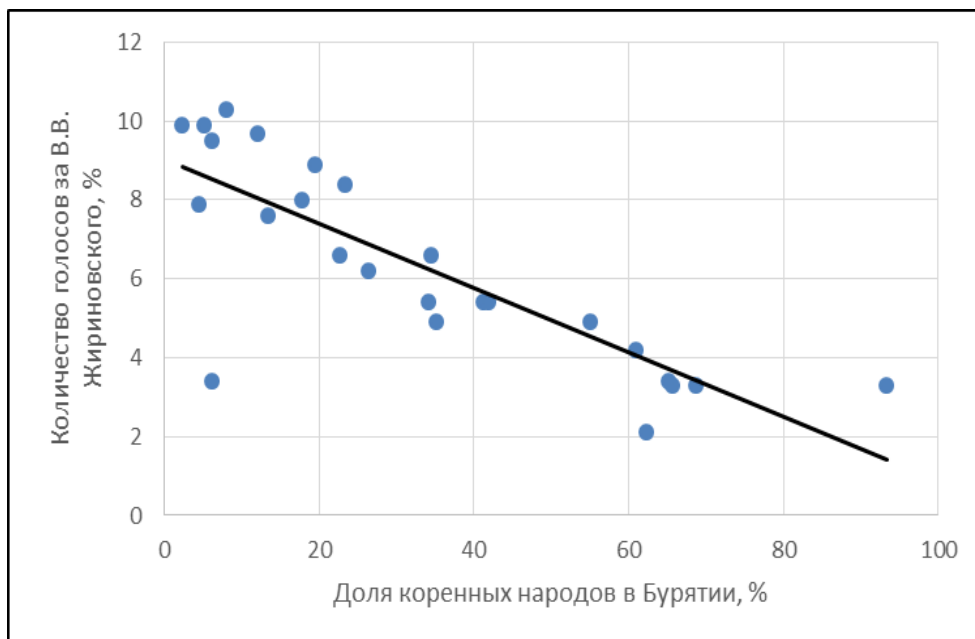
Продолжение прил. Е

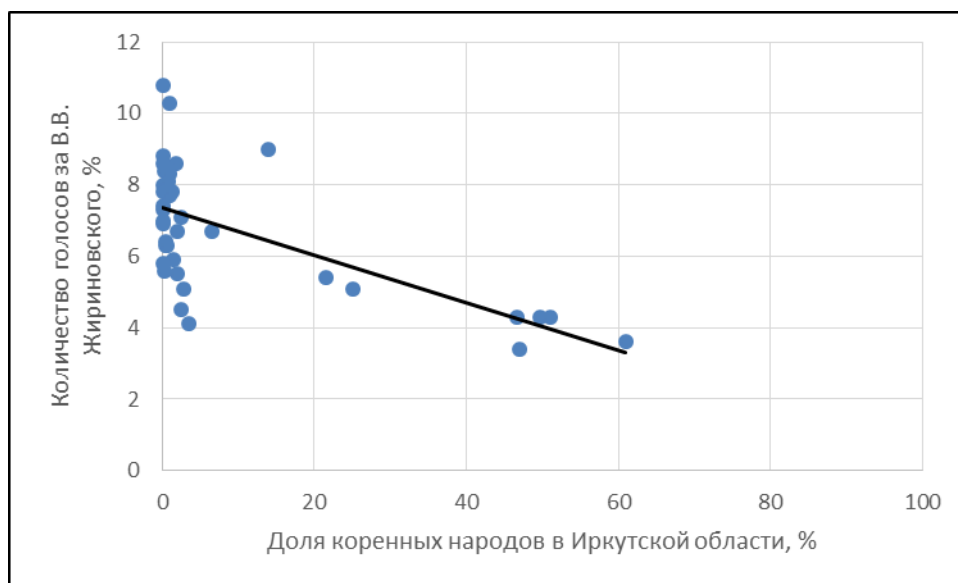
Республика Тыва. R=-0,90.

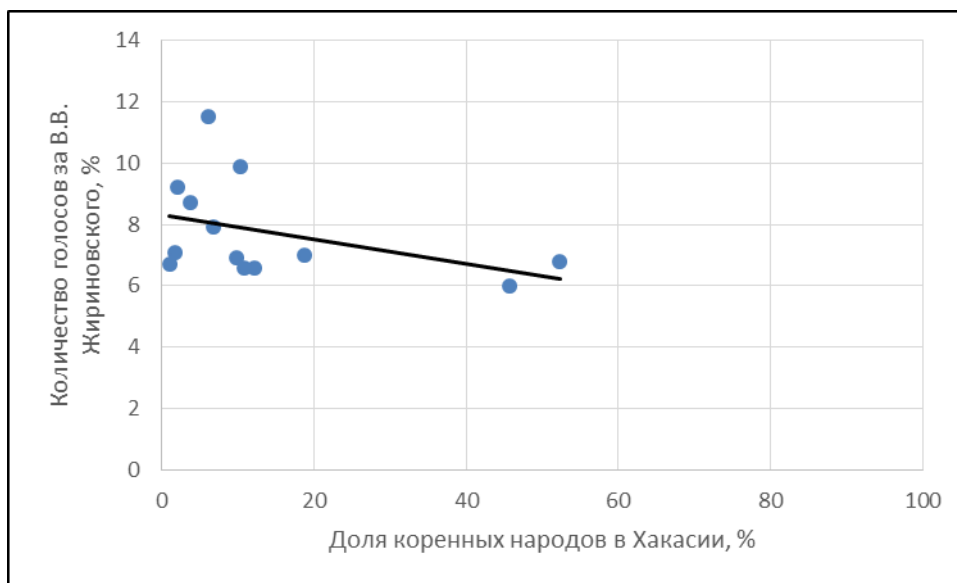
Забайкальский край. R=-0,87.

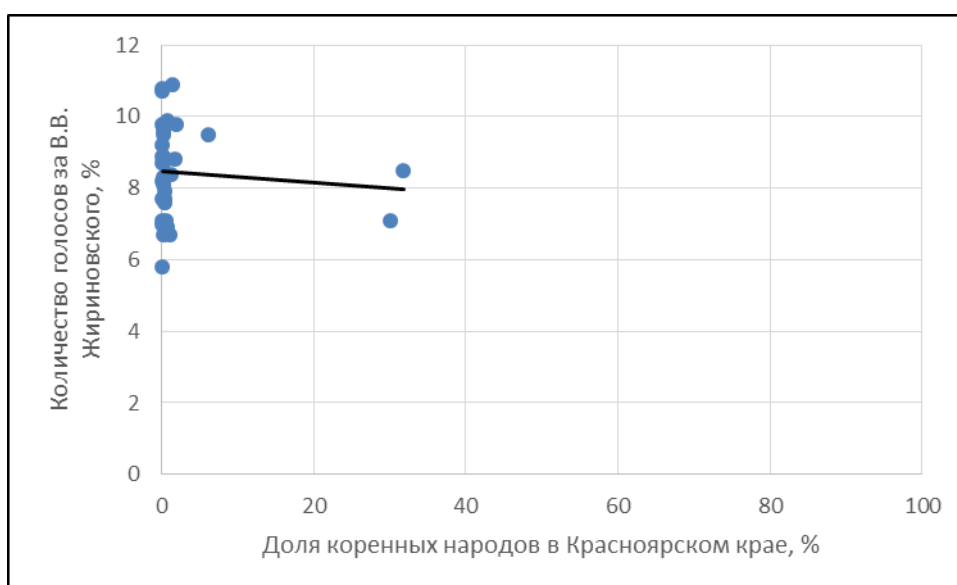
Республика Бурятия. $R=-0,81$.

Иркутская область. $R=-0,63$.

Республика Хакасия. $R=-0,41$.

Красноярский край. $R=-0,09$.

Составлено автором